ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 сентября.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1912

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

7 сентября.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1912

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55 уголъ Вознесенскаго

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ изданіе „Тайной Доктрины“ Е. П. Блаватской **откладывается**. Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину“ и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволятъ сообщить Редакціи свои точные адреса.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати четыре первыя брошюры: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“ и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 4 Сила мысли. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910 и 1911 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

СОДЕРЖАНІЕ

сентябрской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DE SEPTEMBRE 1912.

Основы религіи и этики.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Глава IV.

Добродѣтели и пороки относительно высшихъ **).

Общество состоитъ изъ человѣческихъ существъ, связанныхъ между собою самыми различными узами и они, какъ уже было указано, естественно распадаются на три группы относительно каждаго изъ насъ: на высшихъ, равныхъ и низшихъ. Эти группы образуются естественнымъ образомъ и встрѣчаются въ каждомъ обществѣ. Подъ высшими слѣдуетъ подразумѣвать: Бога, главу государства, родителей, учителей, старшихъ по возрасту. Всѣмъ имъ слѣдуетъ оказывать благоговѣніе и почтеніе, т. е. эмоцію любви въ присутствіи высшаго. При наличности же чувства ненависти, къ каждому изъ нихъ чувствуется страхъ.

Благоговѣніе къ Богу основано на сознаніи, что Онъ есть Источникъ Жизни, единое Я всего, самое близкое намъ, въ виду того, что самое существо наше коренится въ Немъ. Какъ можно не чувствовать благоговѣнія къ Нему, когда „мы Имъ живемъ и движемся, и существуемъ“ ***). Благоговѣніе порождаетъ *довѣріе* и *покорность*, сильное и радостное *довольство*, *смиреніе, преданность*, *миръ, ясность*, *благодарность*, *самоотверженность* и полное *отданіе себя* съ тою *радостью* и тѣмъ *оптимизмомъ*, которые знаютъ, что все къ лучшему въ Его мірѣ. Отсюда вытекаютъ и *терпимость*, *широта сердца* и взглядовъ, каковыя добродѣтели, хотя и проявляются относительно равныхъ и низшихъ

---

*) См. „В. Т.“ 1912 г. № 4.

**) Т. е. нашихъ старшихъ. *Прим. ред.*

***) Дѣянія XVII, 28.

все же имѣютъ свой корень въ благоговѣніи къ Богу во всѣхъ Его безчисленныхъ проявленіяхъ. Развитіе въ себѣ этихъ добродѣтелей входитъ въ число нашихъ „обязанностей къ Богу“; раскрытіе духовной природы человѣка стоитъ въ связи съ благоговѣніемъ, чувствуемымъ къ Богу, и размышленіе о Его совершенствахъ вызываетъ въ насъ, чрезъ творческую силу мысли, образъ этого совершенства. Поклоненіе, молитва или медитація есть духовная пища человѣка, а благоговѣйная преданность поднимаетъ его надъ бурями ежедневной жизни; его ноги начинаютъ твердо опираться на вѣчное и волны времени перекатываются черезъ него, не причиняя ему вреда.

„Твердаго духомъ Ты хранишь въ совершенномъ мирѣ, ибо на Тебя уповаетъ онъ“ [1]).

„Пока человѣкъ не способенъ будетъ сгущать эѳиръ, какъ кожу, страданіе можетъ быть уничтожено лишь познаніемъ Бога“ [2]).

Пороки, вытекающіе изъ эмоціи ненависти къ высшимъ, являются всѣ, какъ сказано выше, разновидностями страха и задача ихъ заключается въ уменьшеніи страха путемъ умаленія величія существа, внушающаго страхъ. Въ виду того, что высшій имѣетъ возможность вредить, ему и приписываютъ желаніе повредить и пытаются уничтожить его мысленно предположеніемъ, что онъ не можетъ нанести серьезнаго вреда, или же стараются лишить его положенія или ослабить его силу.

Ненависть къ Богу проявляется въ *невѣріи*, не въ интеллектуальной неспособности вѣрить, которая не подлежитъ укору, а въ умышленномъ желаніи не вѣрить въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствуется, что вѣра является нравственной уздой—въ *непочтеніи* и *кощунствѣ*, въ праздныхъ, развязныхъ разговорахъ, направленныхъ противъ религіи и противъ вещей, дорогихъ и священныхъ для другихъ. Серьезный споръ на религіозныя темы, вдумчивыя и учтиво выраженныя разногласія съ религіозными воззрѣніями другихъ не составляютъ неблагоговѣнія. Но насмѣшка и издѣвательство порочны, являясь грѣхомъ противъ закона Любви и нарушеніемъ благовоспитанности; натуры, спускающіяся до нихъ, несомнѣнно грубѣютъ.

Преклоненіе передъ высокимъ идеаломъ есть уже шагъ къ его осуществленію, тогда какъ *nil admirari*, будучи взято за правило, удерживаетъ человѣка на низкихъ ступеняхъ. Всѣ высокіе

---

[1]) Пр. Исаіи XXVI, 3.

[2]) Светашватара Упанишадъ VI, 20.

Идеалы суммированы въ Имени, которымъ люди символизируютъ Единую Жизнь Вселенскаго Отца, и всѣ попытки умалить ихъ ведутъ къ вырожденію.

Благоговѣйное отношеніе къ королю вытекаетъ изъ представленія его, какъ идеальной личности, являющейся символомъ народной воли, готовой всегда жертвовать собою во имя народа. Ибо истинный король всегда болѣе думаетъ о благѣ народа, чѣмъ о своихъ радостяхъ; о своихъ обязанностяхъ болѣе, чѣмъ о своихъ правахъ; о своей отвѣтственности болѣе, чѣмъ о своихъ привилегіяхъ.

Патріотизмъ (эмоція) и духъ общественности (дѣятельность) являются благородными формами лойяльности и дѣятельной любви къ родинѣ; искать осуществленіе блага народа, видѣть въ немъ живое цѣлое, которому мы должны служить, поставить передъ собой высокій идеалъ общественнаго долга, бороться со зломъ, которое дѣлается во имя націи, хранить народную честь и защищать національную безопасность, всегда выдвигать впередъ народное благо на счетъ собственныхъ интересовъ, считать измѣну общественному долгу болѣе позорнымъ безчестіемъ, чѣмъ измѣну личную, таковы добродѣтели, которыя создаютъ добрыхъ гражданъ и укрѣпляютъ силу государства. Нація, которая не проявляетъ этихъ добродѣтелей находится на пути къ паденію и вырожденію.

Почтеніе къ родителямъ есть добродѣтель, встрѣчающаяся въ наши дни рѣже, чѣмъ въ старину. Оно очень тѣсно связано съ патріотизмомъ и лойяльностью и очень развито въ такой странѣ какъ Японія, которой оно придало ту стойкость, что такъ быстро возвысила ее въ ряду народовъ.

Семья представляетъ настоящую человѣческую единицу: „Человѣкъ состоитъ изъ своей жены, себя и своихъ дѣтей", говоритъ Ману [1]). Семья составляетъ основу государства. Гдѣ царитъ надлежащее почтеніе и повиновеніе старшимъ, любовь и дружба между равными, нѣжность, покровительство и состраданіе къ младшимъ, тамъ процвѣтаютъ всѣ добродѣтели и такому народу ничто не страшно. Вырожденіе націи начинается съ разложенія семейной жизни, и непочтеніе къ родителямъ предшествуетъ анархіи въ государствѣ. Естественныя узы, существующія между членами семьи, представляютъ образецъ всѣхъ остальныхъ отношеній: „Отецъ"—названіе, употребляемое при обращеніи къ божественной силѣ и состраданію; „Мать"—говорится при снисканіи божественной нѣжности; „Братъ"—есть воззваніе о помощи

---

[1]) Loc. cit. IX, 45.

къ воплощенному Богу; „Сынъ“ есть выраженіе самой сострадательной нѣжности къ страдальцу и къ грѣшнику. То благоговѣніе, которое воздается Богу во вселенной, королю въ государствѣ, должно быть воздаваемо и родителямъ, и сыновнее почтеніе въ семьѣ порождаетъ лойяльность въ государствѣ и религіозность въ мірѣ.

Почтеніе къ учителямъ является естественнымъ выраженіемъ благодарности къ тѣмъ, кто открываетъ намъ врата знанія и равняетъ дорогу подъ нашими невѣрными шагами. Задачи учителя являются, послѣ обязанностей отца и матери, самыми существенными въ смыслѣ вліянія на будущность націи. *Готовность учиться* и *повиновеніе* суть добродѣтели, легко вызываемыя въ ребенкѣ учителемъ, достойнымъ этого имени и *довѣріе* охотно появляется въ томъ случаѣ, когда оно пробуждается *кротостью* и *терпѣніемъ*—соотвѣтствующими добродѣтелями учителя. Но отношенія къ родителямъ и учителямъ отравляются и разрушаются, если страхъ—форма ненависти по отношенію къ высшимъ—замѣняетъ собою любовь. Страхъ превращаетъ эти по природѣ своей сладостныя и радостныя отношенія въ горестныя, вызывая къ жизни многіе пороки, проистекающіе изъ страха—*трусость, лживость, недовѣріе, подозрительность, рабское чувство.* Гдѣ страхъ не такъ великъ, тамъ является *нахальство* и *дерзость*—пороки, губящіе отношеніе къ родителямъ и учителямъ, обусловливая проявленіе силы въ тираніи и образуя все увеличивающуюся пропасть между старшими и младшими.

Старшіе по возрасту составляютъ послѣдній классъ людей, естественно стоящихъ выше насъ, и нѣжное почтеніе къ нимъ есть одно изъ наиболѣе привлекательныхъ качествъ смѣлой и сильной юности. Почтеніе къ преклонному возрасту всегда разсматривалось какъ непремѣнная обязанность въ болѣе древнихъ цивилизаціяхъ и оно ведетъ къ прекрасной добродѣтели—*скромности,* разновидности *смиренія.* Когда эта добродѣтель проявляется молодыми, то старики всегда ставятъ къ услугамъ ихъ свой опытъ и кроткая помощь, оказываемая физической силой физической слабости, охотно вознаграждается даромъ зрѣлаго опыта и ума для вразумленія неуравновѣшеннаго юношества. *Непочтеніе, самомнѣніе* и *нетерпѣніе* — таковы пороки, отравляющіе отношенія между стариками и молодыми, вслѣдствіе чего они становятся непріятными другъ для друга, вмѣсто того, чтобы быть другъ другу поддержкой.

Добродѣтели, возникающія въ отношеніяхъ къ высшимъ, являются именно тѣми качествами, недостатокъ которыхъ болѣе

всего чувствуется въ современной цивилизаціи, гдѣ царитъ стремленіе скорѣе умалять, чѣмъ чтить всякое превосходство. Эти добродѣтели присущи въ особенности упорядоченному обществу, степенности скорѣе, чѣмъ поспѣшности. Онѣ придаютъ достоинство, прелесть и сладость жизни; онѣ отличаютъ порядочнаго мужчину и порядочную женщину на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ. Тѣ люди, которые ими обладаютъ, не могутъ быть вульгарными и невоспитанными, каково бы ни было ихъ званіе; тѣ, кто ихъ не имѣетъ, вульгарны и грубы, каково бы ни было ихъ номинальное положеніе въ свѣтѣ. Эти добродѣтели составляютъ суть рыцарской жизни, независимо отъ того, протекаетъ ли она во дворцѣ или въ хижинѣ, и являются отличительной чертой культуры въ отличіе отъ знанія; ученый человѣкъ бываетъ рѣзокъ, невоспитанъ и грубъ; культурный человѣкъ всегда утонченъ, изысканъ и мягокъ. Эти добродѣтели идутъ рука объ руку съ самоуваженіемъ и самообладаніемъ и отмѣчаютъ высоко развитую душу. Если мы не желаемъ, чтобы демократія превратила народы въ медвѣжьи звѣринцы—а немало признаковъ такого возвращенія къ дикому состоянію можно усмотрѣть въ современныхъ методахъ веденія публичныхъ преній,—то мы должны тщательно прививать эти добродѣтели въ каждой семьѣ и въ каждой школѣ въ теченіе пластическаго періода дѣтства и отрочества.

„Благовоспитанность—не пустое слово, она является плодомъ лойяльной натуры и благороднаго ума“ [1]).

Глава V.

Добродѣтели и пороки по отношенію къ равнымъ.

Подобно тому, какъ любовь естественно проявляется въ уваженіи, когда мы входимъ въ соприкосновеніе съ высшими, такъ и *привязанность* является естественнымъ выраженіемъ ея, когда мы вращаемся среди равныхъ намъ людей; а привязанность порождаетъ добродѣтели, обезпечивающія согласіе въ семейной и общественной жизни людей, стоящихъ на одномъ уровнѣ. Ненависть между равными выражается въ видѣ *гнѣва*, страстнаго усилія отринуть объектъ ненависти, удалить его, и, если возможно, его уничтожить. Поэтому истинно изреченіе: „Всякій ненавидящій брата своего,

---

1) *Idylls of the King.*—Guinevere.—Теннисонъ.

есть человѣкоубійца" [1]), такъ какъ ненависть, будучи выражена во всей своей полнотѣ, уничтожаетъ свой объектъ.

Человѣкъ научается обязанностямъ относительно своей расы въ тѣсномъ кругу семейныхъ отношеній: почтенію къ родителямъ т. е. къ старшимъ; доброму отношенію къ женѣ или къ мужу, или къ братьямъ и сестрамъ — т. е. къ равнымъ; благожелательности къ людямъ, зависящимъ отъ него т. е. къ низшимъ, семья есть совершенная школа морали, синтезъ жизни этической.

Отношенія между мужемъ и женой должны быть моногамичны и продолжаться всю ихъ жизнь; всякое отклоненіе отъ этого принципа вредно. Многоженстство и многомужіе практиковались въ раннія стадіи существованія общества; они нарождались тѣснымъ сожительствомъ людей, истинное единоженство и теперь еще встрѣчается рѣдко, что доказывается существованіемъ „полусвѣта“ во всѣхъ его нисходящихъ ступеняхъ. Моногамическій бракъ въ ранней юности—не дѣтскіе браки, практикующіеся на востокѣ и не поздніе браки присущіе западу,—предшествуемый незапятнанной чистотой жизни съ обѣихъ сторонъ, составляетъ тотъ идеалъ, къ которому стремится цивилизованное человѣчество. Любовная дружба между братьями и сестрами, благожелательность къ низшимъ, вмѣняютъ собой безукоризненную семейную жизнь, отъ которой зависитъ устойчивость общественнаго порядка.

Братское чувство или доброта составляетъ первую добродѣтель, вытекающую изъ привязанности и добрыя мысли являются корнемъ доброй рѣчи и добрыхъ поступковъ. Отсюда ясна и чрезвычайная важность огражденія мысли отъ всего немилосерднаго, злого, уничтожительнаго въ нашихъ мысленныхъ отношеніяхъ къ другимъ. Гдѣ мысли полны благожелательности ко всѣмъ, добрыя слова и добрыя поступки явятся неизбѣжнымъ ихъ слѣдствіемъ. „Добрый человѣкъ изъ доброй сокровищницы сердца своего выноситъ доброе, а злой человѣкъ изъ злой сокровищницы сердца своего выноситъ злое; такъ какъ „отъ избытка сердца уста глаголятъ“ [2]).

Рѣчь, никого не уязвляющая, любящая и мягкая, есть одна изъ самыхъ цѣнныхъ семейныхъ и общественныхъ добродѣтелей; рѣчь жесткая и рѣзкая, ищущая нанести боль, составляетъ одинъ изъ элементовъ, расторгающихъ семейныя и общественныя узы. Частая улыбка и радушный привѣтливый жестъ, внимательность, готовность помочь и услужить—все это плоды доброты, украшающіе собою семейную и общественную жизнь.

---

1) Ев. отъ Іаонна III, 15.

2) Ев. отъ Луки, VI, 45.

Учтивость и внимательность суть добродѣтели, вытекающія изъ доброты и вызываютъ любовь къ тѣмъ, кто ими обладаетъ со стороны всѣхъ людей, входящихъ съ ними въ соприкосновеніе; мы имѣемъ каждый день возможность упражняться въ нихъ; помочь усталой матери подняться съ дѣтьми по ступенямъ лѣстницы вокзала, понести пакетъ для человѣка, нагруженнаго вещами, проводить боязливую женщину черезъ улицу—услуги сами по себѣ ничтожныя, но онѣ подбодряютъ сердца утомленныхъ и тѣснѣе сближаютъ между собой людей.

Гостепріимство есть доброта къ чужимъ, изліяніе любви на тѣхъ, кто не входитъ въ составъ нашей семьи, или, говоря любимыми еврейскими словами, на „чужака, стоящаго у твоихъ воротъ" или „на сына твоего на дорогѣ", согласно Исламу. При сутолочи современной жизни эта цѣнная добродѣтель пришла нѣсколько въ упадокъ и нежданнаго гостя нерѣдко встрѣчаютъ скорѣй угрюмо, чѣмъ привѣтливо. Однако написано: „Травы (для сидѣнья), помѣщенія, воды и, наконецъ, добраго слова всего этого вдоволь всегда въ домахъ благочестныхъ" *).

Терпимость въ самомъ широкомъ смыслѣ коренится, какъ указано въ главѣ IV въ благоговѣніи передъ Богомъ, живущимъ и дѣйствующимъ въ каждомъ человѣкѣ; никто не имѣетъ права властвовать надъ равнымъ себѣ или ограничивать хотя бы словами полную свободу слова и дѣйствій другого. Это проявляется въ человѣкѣ въ безконечно разнообразныхъ формахъ, поэтому дерзко навязывать кому бы то ни было свои мнѣнія и поступки. Индивидуальность есть драгоцѣнный результатъ самонаправляемаго хода эволюціи и она должна быть уважаема во всякомъ божественномъ проявленіи. Законная власть, проистекающая отъ главы государства, обязана остановить индивидуума, когда тотъ активно и неправильно вмѣшивается въ дѣла своего ближняго, и каждый человѣкъ воленъ отражать нападки на свое я, но онъ не долженъ нарушать подобнаго же права своего ближняго на обладаніе своимъ я. Терпимость не включаетъ пассивнаго согласія на зло, причиняемое сильнымъ слабому; активное вмѣшательство для предупрежденія такого зла равносильно огражденію и уваженію правъ того я, которое слишкомъ слабо, чтобы защитить себя и поэтому оно является долгомъ каждаго члена общества; такое дѣйствіе относится къ дѣлу *защиты* слабаго, это долгъ, который мы обязаны воздавать низшему, и онъ не есть вмѣшательство въ

---

*) Манусмрти, III, 101.

право обладанія ближняго своимъ я и проявленія его, а напротивъ обезпечиваетъ и то, и другое.

Затѣмъ идетъ группа родственныхъ качествъ, составляющихъ развѣтвленіе чувства *чести* одного изъ главныхъ аспектовъ Истины: *правдивость, прямота, справедливость въ поступкахъ, положительность, вѣрность, честность*,—вотъ безцѣнныя качества, отличающія добраго гражданина во всѣхъ его сношеніяхъ со своими ближними; онъ открытъ и прямъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, никогда ни ищетъ неправедной выгоды для себя, и не обманываетъ ради нея ближняго, поступки его честны; слово его свято; онъ вѣренъ своимъ обязательствамъ и всегда готовъ работать съ другими на общую пользу. Магометъ, передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться пророкомъ, былъ извѣстенъ среди сосѣдей подъ прозвищемъ: „Вѣрный“, что составляетъ самое благородное признаніе соціальной добродѣтели; и когда подъ первымъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ божественнаго зова, онъ усомнился въ себѣ, жена его Кадижа сказала ему, что Богъ не сталъ бы обманывать того, кто самъ никогда никого не обманулъ. При наличности этихъ качествъ, община или нація процвѣтаютъ и пользуются уваженіемъ и хотя бы временно въ сношеніяхъ съ низменными людьми, высокая честность казалась бы и невыгодной и явилось бы искушеніе стать на ихъ точку зрѣнія и воздавать хитростью за хитрость и лукавствомъ за лукавство, все же въ концѣ концовъ „побѣждаетъ правда, а не ложь“, и безчестные пожинаютъ плоды раззоренія отъ нечестія, посѣяннаго ими.

Великодушіе и умѣніе прощать являются добродѣтелями, уравновѣшивающими зло, причиняемое дурными членами общины. Великодушіе не сразу видитъ зло, всегда приписывая другимъ хорошіе мотивы и не питая подозрѣній; когда же зло очевидно, то оно распознаетъ въ немъ истинную его природу и значеніе; зло есть результатъ дурныхъ поступковъ, совершенныхъ въ прошломъ тѣмъ, кто въ настоящей жизни терпитъ зло и является, слѣдовательно, случаемъ уплатить слѣдуемый долгъ; что же касается значенія его, то оно признается за пустякъ, принадлежащій уровню низшаго я и недостойный серьезнаго вниманія со стороны того, кто занятъ реальностями. Великодушный человѣкъ широко смотритъ на жизнь и извиняетъ слабости человѣческой природы въ другихъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ самъ жить благороднѣе. Умѣніе прощать или великодушіе, осуществленное на дѣлѣ, возвращаетъ виновнику равенство, утраченное имъ вслѣдствіе его дурного поступка и заполняетъ пропасть, вырытую имъ. Великодушіе и умѣнье прощать составляютъ то *душевное величіе*, которое хранитъ

память о всѣхъ полученныхъ благодѣяніяхъ и забываетъ причиненное зло, зная что благодѣяніе исходитъ отъ Духа, отъ я, и слѣдовательно, вѣчно по своему существу, а зло относится къ матеріи, къ не я, и поэтому преходяще.

Мягкость есть внѣшнее физическое выраженіе великодушной натуры и является результатомъ и доказательствомъ чувства уваженія къ Богу, къ себѣ и къ другимъ. Она лежитъ въ корнѣ хорошихъ манеръ и способствуетъ сближенію сердецъ и смазкѣ общественной машины, что необходимо для того, чтобы она работала гладко и безъ излишнихъ треній.

Пороки, порождаемые эмоціей ненависти между равными, выражаются среди дикарей въ видѣ убійствъ, грабежей и всякаго рода физическихъ насилій. Это формы гнѣва, доведенныя до физическихъ крайностей и о нихъ врядъ ли стоитъ говорить среди цивилизованныхъ людей. Но гнѣвъ въ его менѣе сильныхъ проявленіяхъ лежитъ въ корнѣ большинства несчастій, случающихся въ семьяхъ и въ народахъ.

„Входъ въ этотъ адъ, разрушающій его троякъ: сладострастіе, злоба и жадность; поэтому да откажется человѣкъ отъ этихъ трехъ *).

Прямо противоположна добротѣ *жесткость*, зачинающаяся въ недобрыхъ мысляхъ о другихъ и проявляющаяся въ грубой и рѣзкой рѣчи, въ *угрюмости*, *раздражительности*, *сварливости*, *нетерпѣніи* и т. п. Всѣ эти свойства разъединяютъ людей и въ силу дѣйствія и противодѣйствія все усиливаются и распространяются. Это обычные недостатки, присущіе семьямъ и обществу и они порождаютъ горе и печаль во всѣхъ областяхъ жизни. Учтивости и внимательности противоположны *грубость* и непривѣтливость, составляющія признаки слабой и неразвитой натуры, сознающей низкую ступень, на которой она стоитъ, и принимающей вызывающій видъ, съ тѣмъ, чтобы заставить другихъ думать, что онѣ сильны. Какъ говоритъ мудрый китаецъ, Чингъ се: „Они называютъ это независимостью, когда это только дурныя манеры“.

Ханжество и *фанатизмъ* составляютъ противоположность терпимости и являются корнями, изъ которыхъ произрастаютъ всѣ сектантскія распри и споры, подрывающіе истинную религію. Они нарушаютъ миръ въ семьяхъ и кровью запятнали страницы исторіи.

---

*) Бхагавадъ-Гита, XVI, 21.

Критицизмъ также нерѣдко является проступкомъ противъ терпимости и критическое отношеніе, столь обыденное въ наши дни, является источникомъ многихъ общественныхъ и семейныхъ неурядицъ. Оно нарождаетъ привычку видѣть сперва недостатки, а потомъ ужъ достоинства и постоянно приписываетъ ближнему нехорошіе мотивы, несуществующіе въ его умѣ. Онъ быстро подмѣчаетъ дурное, неохотно усматриваетъ добро и вмѣсто того, чтобы искать „душу добрую въ рѣчахъ злыхъ", онъ всегда подозрѣваетъ, что подъ покровомъ добра гнѣздится зло. Онъ порождаетъ *придирчивость* и *привычку все хулить*,—некрасивые недостатки, которые многіе склонны разсматривать, какъ признаки умственнаго превосходства.

Группѣ качествъ, вытекающихъ изъ чувства чести противополагается подобная же группа, происходящая отъ *безчестія*,—аспекта лжи: *крючкотворство*, *обманъ*, *несправедливость*, и т. д., составляютъ недостатки, подрывающіе всякія соціальныя отношенія, уничтожаетъ взаимное довѣріе, на которомъ зиждется общественное единство.

Подозрительность, *недовѣрчивость*, *злословіе*, *клевета*, *привычка браниться*, происходятъ отъ мелочности противоположности великодушію, тогда какъ *мстительность*, и ея порожденіе *злопамятность* невыгодно отличаются отъ *умѣнья прощать*. Противоположность мягкости составляютъ *задоръ* и *нахальство*, остатки дикаго состоянія, слишкомъ рано облекшагося во внѣшнія одѣянія цивилизаціи.

В. Пушкина.

Богъ есть одно цѣлое, мы только части Его.

Ученія Ведъ.

Ведантасара.

(Продолженіе [1]).

B. Сила простиранія (Viksepaçakti).

(Простираніе тонкаго тѣла).

70. Обратимся къ силѣ простиранія. Подобно невѣдѣнію, которое по собственной силѣ вызываетъ о веревкѣ ложное представленіе змѣи, невѣдѣніе, окутывающее духъ, создаетъ въ немъ по собственной силѣ всю вселенную, начиная съ эфира и прочихъ элементовъ.

71. Ибо сказано: Сила простиранія создаетъ въ мірѣ все, отъ прообразовъ и до яйца Брахмана (Вселенной) включительно.

72. Духъ, ограниченный невѣдѣніемъ, обладающимъ этими двумя силами [2]), является дѣйствительной причиной, когда преобладаетъ его сущность; вещественной же причиной, когда преобладаетъ ограничивающее его (невѣдѣніе). Также паукъ по отношенію къ своей паутинѣ, является или ея дѣйствительной причиной, если имѣть ввиду его сущность, или вещественной причиной если имѣть ввиду его тѣлесность.

73. Изъ духа ограниченнаго обладающимъ силой простиранія невѣдѣніемъ, образуется, если въ послѣднемъ преобладаетъ Тамасъ, эфиръ, изъ эфира воздухъ, изъ воздуха огонь, изъ огня вода и изъ воды земля [3]).

74. Ибо сказано: Изъ этого духа произошелъ эфиръ. (Toilt. Up. 2,1).

---

[1]) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 7—8, 1912 г.

[2]) Сила окутыванія и сила простиранія.

[3]) Процессъ этотъ объясненъ въ книгѣ A. Besant „the Building of the Kosmos“.

75. Что въ производящей причинѣ этихъ элементовъ преобладаетъ Тамасъ, явствуетъ изъ превосходства неодухотвореннаго въ нихъ.

76. Затѣмъ въ этихъ элементахъ (эфирѣ и т. д.) проявляются Саттва, Раджасъ и Тамасъ въ той мѣрѣ, въ которой они имѣются въ производящей ихъ причинѣ.

77. Именно эти элементы называются такими элементами (suksma—bhutom) начальными веществами (Tinmatra), а также не смѣшанными элементами.

78. Изъ нихъ образуются тонкія тѣла и грубые элементы.

79. Тонкія тѣла состоятъ изъ семнадцати частей и также называются психическими тѣлами (lenjaçaur).

80. Эти части суть: пять органовъ чувствъ; интуиція (Buddhi), интеллектъ (manas), пять органовъ дѣйствія и пять жизненныхъ дыханій.

81. Пять органовъ чувствъ суть: ухо, кожа, глаза, языкъ и носъ.

82. Они образуются каждый отдѣльно и по порядку изъ обособленныхъ частей саттвы, эфира, воздуха, огня, воды и земли[1]).

83. Интуиціей (Buddhi) называется дѣятельность внутренняго органа, сущность которой есть распознаваніе.

84. Интеллектомъ (manas) называется дѣятельность внутренняго органа, сущность котораго есть сужденіе и сомнѣніе.

85. Въ нихъ обоихъ содержится мыслительная способность и сознаніе своего я [2]).

86. Они въ свою очередь образуются изъ саттвенныхъ [3]) частей эфира и прочихъ элементовъ.

87. Что они образовались изъ Саттвы видно изъ того, что сущность ихъ просвѣтляющая.

88. Интуиція (Buddhi) въ соединеніи съ органами чувствъ составляетъ оболочку распознаванія (vijnanamaya).

89. Эта оболочка, мнящая себя дѣйствующей и наслаждающейся, названа индивидуальной душой (Jiva), подверженной суетѣ жизни и странствующей по этому свѣту и другимъ мірамъ.

90. Интеллектъ же соединенный съ органомъ дѣятельности составляетъ ментальную оболочку.

91. Органы дѣятельности суть: ротъ, руки, ноги, органы испражненія и производительные органы.

---

[1]) Каждый элементъ производитъ соотвѣтственное чувство—эфиръ—слухъ, воздухъ—осязаніе, огонь—зрѣніе, вода—вкусъ и земля—обоняніе.

[2]) Ciltam и Ahamkara.

[3]) Прилагательное отъ слова Саттва.

92. Они образуются каждый отдѣльно и по порядку изъ обособленныхъ частичекъ Раджаса, эфира и прочихъ элементовъ.

93. Жизненныя дыханія суть: Prana, Apana, Vyana, Udana, Samana.

94. Прана пребываетъ въ кончикѣ носа и направляется къ верху.

95. Апана пребываетъ въ кишечникѣ и направляется къ низу.

96. Віана пребываетъ во всемъ тѣлѣ и направляется во всѣ стороны.

97. Удана пребываетъ въ глоткѣ, направляется къ верху и есть издыханіе (смерти).

98. Самана пребываетъ въ центрѣ тѣла и перевариваетъ пищу.

99. Нѣкоторые говорятъ что существуетъ еще пять дыханій по имени Naga (змѣя), Kurma (черепаха), Krikara (куропатка), Devadatta (раковина Ayuna) и Dhananjoya (огонь пищеваренія).

100. Изъ нихъ Naga (Нага) причина тошноты.

101. Kurma (Курма)—закрыванія глазъ.

102. Krikara (Крикара)—голода.

103. Devadatta (Девадатта)—зѣванія.

104. Dhananjoya (Дхананджая)—питанія.

105. Иные же говорятъ, что существуетъ только 5 дыханій съ Праной во главѣ, ибо остальныя содержатся въ первыхъ.

106. Эти пять дыханій съ Праной во главѣ образуются изъ соединенныхъ между собой частичекъ Раджаса, находящихся въ эфирѣ и остальныхъ элементахъ.

107. Эти пять дыханій съ Праной во влавѣ, соединенныя съ органами чувствъ, составляютъ оболочку жизненныхъ дыханій (Pranamaya Kosha).

108. Эта послѣдняя состоитъ изъ частичекъ Раджаса, ибо сущность ея есть дѣятельность.

109. Среди оболочекъ, оболочка распознаванія владѣетъ силой познаванія и является дѣйствующимъ лицомъ.

110. Ментальная оболочка владѣетъ силой желаній и служитъ орудіемъ.

111. Оболочка жизненныхъ дыханій обладаетъ силой дѣятельности и потому является послѣдствіемъ.

112. Сказано, что это распредѣленіе соотвѣтствуетъ ихъ назначенію.

113. Когда эти три оболочки соединены онѣ называются тонкимъ тѣломъ.

114. При этомъ всѣ тонкія тѣла, посколько они мыслятся въ совокупности, являются единствомъ, подобно лѣсу и морю; посколько они мыслятся обособленно они раздѣльны, какъ деревья и воды.

115. Ограниченный этой совокупностью духъ именуется Sutratma [1]) (духъ—нить), Hiranyagarbha (золотое чрево) и Prana (дыханіе), ибо на немъ нанизываются оболочки, а также находятся силы познанія (jnana), желанія (ichcha) и дѣйствія (krya) [2]).

116. Эта совокупность именуется вслѣдствіе своей тонкости по сравненію съ грубымъ міромъ его (духа) *тонкимъ тѣломъ*, или его тремя *оболочками* (оболочкой распознаванія и т. д.), или же *сномъ*, ибо образуется изъ впечатлѣній бодрствованія; по той же причинѣ она именуется мѣстомъ растворенія грубаго міра.

117. Ограниченный отдѣльностью духъ именуется Свѣтящимся (Taijosa), ибо ограниченъ свѣтлымъ внутреннимъ органомъ.

118. Эта отдѣльность именуется вслѣдствіе своей тонкости по сравненію съ грубымъ тѣломъ его (духа) тонкимъ тѣломъ, или его *тремя оболочками* (оболочкой распознаванія) или *сномъ*, ибо образуется изъ впечатлѣній бодрствованія и по той же причинѣ мѣстомъ растворенія грубаго тѣла.

119. При этомъ оба Духъ—нить (Sutratma) и Свѣтящійся (Taijosa) воспринимаютъ въ силу тонкихъ измѣненій интеллекта (manas) тонкіе предметы.

120. Ибо сказано: „Свѣтящійся воспринимаетъ тончайшее“ (Mand. up. 1.4).

121. Здѣсь также нѣтъ разницы между совокупностью и раздѣльностью и ограниченными ими Духомъ нитью (Sutrotma) и Свѣтящимся, какъ и не было ея между лѣсомъ и деревьями и заключеннымъ между ними воздушнымъ пространствомъ, или между моремъ и водами и отраженнымъ ими небомъ.

122. Такимъ образомъ образуется тонкое тѣло.

Примѣчаніе къ отдѣлу B второй главы. Сила простиранія (Viksipaçakti) простираніе тонкаго тѣла.

Если сила окутыванія, эта первая сила невѣдѣнія, затемняла духовное око, скрывала отъ него реальность и будила ложное представленіе о принадлежности духа ко всему преходящему, то сила прости-

---

[1]) Сутратма, Гираніагарби, Прана.

[2]) Джнана, Икка, Крія.

ранія (по Дейссен'у и Бетлингу Ausbreitungskraft, по Джэкобу power of projection) создаетъ въ этомъ окутанномъ невѣдѣніемъ духѣ всю вселенную. Какимъ же образомъ?

Духъ, окутанный невѣдѣніемъ, т. е. Господь (Ishvara), является истинной причиной всего, если Онъ самъ, т. е. духовность, преобладаетъ; если же преобладаетъ невѣдѣніе, то онъ является вещественной причиной міра. Изъ преобладающихъ частей Тамаса, окутывающаго невѣдѣніе, образуются эфиръ, изъ эфира воздухъ, изъ воздуха огонь, изъ огня вода и изъ воды земля. Но не слѣдуетъ думать, что эти элементы суть тѣ, которые мы обозначаемъ этими словами на физическомъ планѣ. Нѣтъ, они являются божественной мѣрой (tanmatra) первичными элементами, начальными веществами, которые только послѣ смѣшенія обратятся въ извѣстные намъ грубые элементы: эфиръ, воздухъ, огонь и т. д. Кромѣ нихъ, они образуютъ еще и тонкія психическія тѣла, состоящія изъ семнадцати частей т. е. пяти органовъ чувствъ, интуиціи, интеллекта, пяти органовъ дѣйствія и пяти жизненныхъ дыханій, образованные обособленными саттвичными частями первичныхъ элементовъ. Существуетъ тѣсная связь между элементами, чувствами и органами чувствъ, а именно:

Эфиръ, имѣющій своимъ атрибутомъ звукъ, соотвѣствующій слуху и уху.

Воздухъ, имѣющій своимъ атрибутомъ движеніе (или прикосновеніе) соотвѣтствующій осязанію и кожѣ (по индусскимъ понятіямъ осязаніе находится на поверхности всего тѣла и вѣтеръ, воздухъ осязается кожей всего тѣла).

Огонь, имѣющій своимъ атрибутомъ видимость — зрѣнію и глазу.

Вода, имѣющая своимъ атрибутомъ вкусъ—вкусу и языку.

Земля, имѣющая своимъ атрибутомъ запахъ—запаху и носу.

Извѣстныя комбинація, нѣкоторыхъ изъ семнадцати частей, дадутъ намъ тѣ „оболочки", о которыхъ мы должны сказать нѣсколько словъ. Уже во второй главѣ въ стихахъ 46 и 56 мы встрѣтили первую оболочку—оболочку блаженства. Теперь же добавляются еще три: оболочка распознаванія, желанія и оболочка жизненныхъ дыханій; въ отдѣлѣ о грубыхъ тѣлахъ мы найдемъ пятую и послѣднюю—оболочку питанія. Первая изъ нихъ—оболочка блаженства, состоящая изъ саттвичныхъ частей невѣдѣнія, окутывающаго Господа, служитъ проводникомъ сознанія блаженства; это сознаніе доставляется только въ состояніи глубокаго сна, когда и грубыя и тонкія тѣла перестаютъ быть реальными, а реальнымъ является лишь единеніе съ Брахманомъ, связанное съ

чувствомъ высшаго блаженства. Затѣмъ слѣдуетъ оболочка распознаванія; посредствомъ интуиціи (buddhi), которая входитъ въ составъ этой оболочки, знаніе достигаетъ непосредственно сознанія. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ чистымъ абстрактнымъ разумомъ, нѣтъ мѣста сомнѣнію, которое въ такой широкой мѣрѣ проникаетъ послѣдующую оболочку интеллекта. Сомнѣнія же являются вслѣдствіе разнородныхъ процессовъ происходящихъ въ ней; внѣшніе объекты воспринимаются сознаніемъ, въ которомъ они должны пробудить не только отвѣтъ, но и сужденіе о нихъ.

Каждый новый опытъ приноситъ съ собой новыя сомнѣнія и новыя сужденія, выводы и обогащаетъ этимъ самосознаніе. Къ этой способности рѣшать и сомнѣваться прибавляются еще и желанія, ибо внѣшніе объекты являются желательными или отталкивающими и будятъ соотвѣтственныя эмоціи.

Въ третьей оболочкѣ находятся жизненныя дыханія, управляющія дѣятельностью живого организма и получаютъ свой импульсъ отъ частичекъ движенія (Раджаса). Каждое изъ этихъ дыханій или дуновеніе управляетъ особымъ отдѣломъ Прана—является дыханіемъ, Самана управляетъ пищевареніемъ—желудкомъ.

Удана есть издыханіе смерти и т. д. Эти три оболочки, оболочка распознаванія, ментальная оболочка (оболочка желаній) и оболочка (жизненныхъ дыханій) составляютъ одновременно и тонкое космическое тѣло и тонкія индивидуальныя тѣла. Въ оболочкахъ этихъ мы имѣемъ *дѣйствующее лицо* (оболочка распознаванія), *орудіе* (ментальная оболочка) и *произведеніе* (оболочка жизненныхъ дыханій), которыми пользуется ограниченный ими, заключенный въ нихъ духъ,—ставшій міровой или индивидуальной душой,—для проявленія своего знанія, желанія и дѣятельности. Міровой душѣ даютъ названіе „духа—нити", ибо на немъ нанизываются оболочки. Въ золотомъ чревѣ содержатся силы, знаніе, желаніе, дѣйствіе и дыханіе (Prana). Индивидуальной же душѣ даютъ названіе „Свѣтящагося", ибо внутреніе ограничивающіе органы его свѣтлы.

Невѣдѣніе же, окутывающее эту душу названо тонкимъ тѣломъ по сравненію съ грубымъ міромъ, тремя оболочками, или сномъ, ибо сознаніе переносится въ душу, во время сна, когда исчезаютъ грубые объекты притягивающіе сознаніе къ физическому плану.

Въ книгѣ Анни Безантъ „The Self and its Scheaths" эти оболочки разобраны детально и ихъ значеніе освящено яркимъ свѣтомъ. Въ первомъ томѣ Тайной Доктрины (стр. 181) мы находимъ ихъ въ діаграммѣ рядомъ съ Upadhi, въ томъ же томѣ говорится о нихъ въ X и XIV отдѣлахъ.

C. Сила простиранія (Viksepasakti).

(Простираніе грубаго тѣла).

123. Грубые элементы смѣшаны (пятеричные).

124. Смѣшеніе (пятеричность) достигается слѣдующимъ образомъ: раздѣливъ каждый изъ пяти тонкихъ элементовъ на двѣ части, каждая первая половина изъ полученныхъ десяти частей дѣлится на четыре части, которыя и соединяются съ остальными половинами, исключая свою собственную. (Итакъ каждый грубый элементъ состоитъ изъ половины соотвѣтствующаго тонкаго элемента, изъ восьмой части остальныхъ четырехъ тонкихъ элементовъ.

125. Ибо сказано: „Раздѣли каждый (элементъ) на двѣ части, на четыре части каждую изъ первыхъ половинъ соедини, затѣмъ каждую изъ этихъ четвертей съ другой половиной остальныхъ элементовъ и каждая въ себѣ вмѣститъ пять элементовъ.

126. Не слѣдуетъ предполагать, что для этого не имѣется доказательствъ: мѣста Святыхъ Писаній, относящіяся къ троичности элементовъ, вмѣщаютъ въ себѣ также и мысль объ ихъ пятеричности (Chand. Up. 6. 3. 2. 3).

127. Хотя всѣ пять элементовъ пятеричны, но названіе эфира и т. д. даютъ, имъ слѣдуя правилу: по преобладанію даютъ названіе одного или другого (Vedantasutram 2. 4. 22).

128. При этомъ проявляются: въ эфирѣ—звукъ, въ воздухѣ—звукъ и прикосновеніе, въ огнѣ—звукъ, прикосновеніе и видимость, въ водѣ—звукъ, прикосновеніе, видимость и вкусъ, въ землѣ—звукъ, прикосновеніе, видимость, вкусъ и запахъ.

129. Изъ этихъ смѣшанныхъ пятеричныхъ элементовъ образуются міры по имени: Бхуръ, Бхуванъ, Свохъ, Махоръ, Джонасъ, Тапасъ и Сатья, лежащій одинъ выше другого и: Отала, Витала, Сутала, Разатала, Талотала, Махатала и Патала, лежащіе одинъ ниже другого. Изъ нихъ образуется яйцо Брахмана, находящіяся въ нихъ четыре вида грубыхъ тѣлъ, ѣда, питье и т. д.

130. Эти четыре вида грубыхъ тѣлъ суть: тѣла рождающіяся отъ чрева матери, отъ яйца, отъ пота и отъ ростка.

131. Чреворожденные суть тѣ, которые происходятъ отъ чрева людей, или животныхъ.

132. Яйцерожденные происходятъ отъ яицъ птицъ, змѣй и т. п.

133. Потороржденные образуются теплой сыростью, какъ напр.: комары и другія насѣкомыя.

134. Росткорожденные суть растущіе въ землѣ деревья, кусты и т. д.

135. При этомъ грубыя тѣла четырехъ видовъ составляютъ совокупность или раздѣльность, какъ лѣсъ и море, деревья и воду, смотря по тому мыслятся ли они какъ совокупность или множественность.

136. Духъ ограниченный этой совокупностью именуется Вативанара, ибо мнитъ себя существующимъ въ каждомъ человѣкѣ или Вираджъ, ибо сверкаетъ во многихъ видахъ.

137. Эта совокупность именуется его (духа) грубымъ тѣломъ или оболочкой питанія, ибо является видоизмѣненіемъ пищи; а такъ какъ она служитъ полемъ для грубаго наслажденія,—то она именуется также и бодрствованіемъ.

138. Ограниченный раздѣльностью духъ названъ Вишва (проникающій), ибо проникаетъ грубое тѣло, не покидая тонкаго.

139. Эта раздѣльность именуется его грубымъ тѣломъ или оболочкой питанія, ибо является видоизмѣненіемъ пищи; а такъ какъ служитъ полемъ для грубаго наслажденія, то бодрствованіемъ.

140. При этомъ оба, Вишва и Ваишванара, воспринимаютъ всѣ грубые объекты, а именно: посредствомъ слуха и прочихъ органовъ чувствъ, управляемыхъ вѣтромъ, солнцемъ Варуной [1]) и Ашвинамъ. [2]) Они воспринимаютъ звуки, прикосновенія, видимости, вкусы и запахи. Посредствомъ рѣчи и прочихъ органовъ дѣятельности, управляемыхъ Агни [3]), Индрой [4]), Упендрой [5]), Яма [6]) и Праджапати [7])—возможны разговоръ, схватыванія, хожденіе испражненіе и зарожденіе. Посредствомъ четырехъ внутреннихъ органовъ интелекта (manas), интуиціи (buddhi) органа сознанія своего я (ahamkara) или органа сознанія, управляемаго Луной, Брахмой [8]), Шивой [9]) и Вишну [10]) воспринимается сомнѣніе, распознаваніе сознаніе своего я и мысль. Ибо сказано: „Находясь въ бодрствованіи, направляй сознаніе на внѣшнее (Mand. Up. 1. 3).

---

[1]) Одинъ изъ главныхъ ведійскихъ боговъ (богъ воды).
[2]) Близнецы; боги зари.
[3]) Богъ огня.
[4]) Глава ведійскихъ боговъ.
[5]) Богъ высшихъ сферъ.
[6]) Богъ смерти.
[7]) Богъ хранитель.
[8]) Богъ создатель.
[9]) Богъ разрушитель.
[10]) Богъ хранитель.

141. Въ этомъ случаѣ также нѣтъ разницы между совокупностью и раздѣльностью, какъ и нѣтъ ея между Вишвой и Ваишванарой, какъ и не было ея между лѣсомъ и деревьями и заключенными между ними воздушнымъ пространствомъ, и между моремъ и водами и отраженнымъ ими небомъ.

142. Такъ образуется грубый міръ изъ пяти смѣшанныхъ элементовъ.

143. Простираніе грубаго тѣла, тонкаго тѣла и причиннаго тѣла, составляютъ въ совокупности одно большое міровое простираніе, также какъ различные лѣса въ совокупности составляютъ одинъ большой, лѣсъ или различныя моря—одинъ большой океанъ. Ими ограниченный духъ, начиная съ Ваишванара и до Ишвары (Господь), такъ же единъ, какъ едино воздушное пространство, обнимающее собою лѣса и отраженное водами.

144. Неограниченный Духъ, если его не отдѣлять отъ большого мірового простиранія и ограниченнаго духа, похожъ на раскаленный желѣзный шаръ и являетъ собой прямой смыслъ великаго слова, „по истинѣ вся вселенная—Брахманъ" (Chand. Up. 3. 14). Если же неограниченный Духъ отдѣляется отъ нихъ, то является переносный смыслъ великаго слова.

145. Такимъ образомъ было объяснено въ общихъ чертахъ ложное приданіе т. е. приданіе недѣйствительнаго (невѣдѣнія) дѣйствительному (атману).

Примѣчаніе къ отдѣлу о силѣ простиранія грубаго тѣла.

Комбинація, смѣшеніе тонкихъ первичныхъ элементовъ намъ дастъ грубые элементы, знакомые намъ на физическомъ планѣ. Какъ это смѣшеніе происходитъ, ясно показываетъ текстъ. Грубые элементы образуютъ 14 міровъ яйца Брахмана: семь восходящихъ и семь нисходящихъ, а также четыре вида грубыхъ тѣлъ, ѣду, питье и т. д.

Четыре вида грубыхъ тѣлъ отличаются другъ отъ друга своимъ происхожденіемъ т. е., происхожденіемъ отъ ростка, отъ испаренія, отъ яйца и чрева матери. Интересно сравнить это мѣсто съ ученіемъ Теософіи о происхожденіи расъ.

Первая раса пишетъ, А. Безантъ—въ главѣ о физическомъ происхожденіи (въ своей книгѣ „Pedigree of Man") размножилось почкованіемъ, вторая выдѣляла капли, похожія на капли пота, выдѣляемыя кожей, которыя затвердѣвали, увеличивались и принимали разныя формы. Въ третьей расѣ эти капли превращались постепенно въ яйца, изъ которыхъ человѣческія гермофродическія существа вылуплялись и только

къ концу этой расы люди дѣлятся на мужчинъ и женщинъ и ихъ потомство появляется на свѣтъ какъ и въ наши дни.

Также интересно прочесть, что сказано объ этомъ въ Тайной Доктринѣ II т. стр. 183.

Но вернемся къ строфамъ Садананда.

Грубыя тѣла въ свою очередь ограничиваютъ духъ и являются его оболочкой. Этотъ духъ, ограниченный совокупностью грубыхъ тѣлъ называется Ваишванара—ибо мнитъ себя существующимъ въ каждомъ человѣкѣ или Вираджъ, ибо сверкаетъ во многихъ видахъ.

Ограниченный же раздѣльностью духъ называется Вишва, ибо проникаетъ грубое тѣло, не покидая тонкаго. Оболочка ихъ именуется оболочкой питанія, она является видоизмѣненіемъ пищи, въ ней духъ сознателенъ во время бодрствованія, наслаждаясь грубыми объектами посредствомъ органовъ чувствъ; органами дѣятельности и четырехъ внутреннихъ органовъ. Всѣ эти органы находятся въ зависимости отъ соотвѣтствующаго имъ божества. И тутъ также нужно принимать во вниманіе совокупность и раздѣльность, составляющія какъ космическое, такъ и индивидуальное тѣло.

Но всѣ простиранія грубаго, тонкаго и причиннаго тѣла вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое міровое простираніе, подобно тому, какъ и ограниченный имъ духъ, начиная съ Ваишванара и кончая Ишварой также одинъ. Въ этомъ простираніи недѣйствительнаго и въ окутываніи имъ духа состоитъ ложное приданіе, т. е. приписываніе истинному (непроявленному) свойствъ нереальнаго (ограниченнаго).

Пер. **И. М.**

Все, что существуетъ, едино: люди только называютъ это единое разными именами.

Веды.

Изъ дневника Теософа.

---

12 марта, 1912 г.

Сегодня назначенъ судъ надо мною, какъ отвѣтственнымъ редакторомъ за переведенную статью кн. Караджа „Терапевты“, помѣщенную въ мартовскомъ № „Вѣстника Теософіи“, 1911 г., вѣрнѣе будетъ сказать—за одинъ абзацъ въ этой статьѣ, касающійся личности и жизни императора Константина Великаго. Привлекаютъ меня по 73 ст. которая караетъ ссылкой въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ, или заключеніемъ въ крѣпость на срокъ отъ 1 года до 6 лѣтъ.

На повѣсткѣ сказано, что я должна быть въ IX отдѣленіи (уголовномъ) Окружного Суда въ 10½ ч. утра и мы, секретарь редакціи, Ц. Л. Г., и я, пріѣзжаемъ аккуратно, за нѣсколько минутъ до означеннаго срока. Когда мы поднимаемся въ залъ суда, стрѣлка на часахъ на лѣстницѣ показываетъ ровно половину. Но увы! наша добродѣтель жестоко наказана. Залъ пустъ, и одинъ изъ сторожей, позѣвывая, намъ сообщаетъ, что судъ едва ли начнется ранѣе 11½ час.

Уже на лѣстницѣ меня встрѣчаютъ друзья-теософы, собравшіеся провести со мною томительные часы ожиданья и желающіе поскорѣе узнать о моей участи. Двое изъ нихъ пріѣхали для этого изъ Москвы. Меня сразу охватываетъ атмосфера сочувствія и любви, и мы весело усаживаемся на пыльныхъ деревянныхъ скамейкахъ, выставленныхъ для ожидающихъ.

Этотъ залъ представляетъ изъ себя скорѣе длинную галлерею со множествомъ раскрытыхъ оконъ и дверей, чѣмъ настоящій залъ. Со всѣхъ сторонъ сквозняки. Полъ грязный. Воздухъ какой-то нечистый и непріятный. Въ одномъ концѣ большой

образъ; въ другомъ—буфетъ. Нѣтъ ни одного угла, гдѣ можно было бы спокойно посидѣть въ ожиданіи дѣла. Проходятъ сторожа, полицейскіе, жандармы. Позже собираются свидѣтели по разнымъ дѣламъ, присяжные, и все это толпится группами, вокругъ которыхъ носятся клубы дыма. Отъ времени до времени раздается бряцаніе оружія, и подъ конвоемъ проводятъ какого-нибудь уголовнаго преступника въ бѣломъ тюремномъ платьѣ, съ выставленнымъ № на спинѣ.

Мнѣ сообщаютъ, что наканунѣ начатое дѣло[1]) еще не закончено, и мнѣ придется подождать. Въ 11 ч. собираются свидѣтели по этому печальному дѣлу (убійство женщины при необыкновенно страшныхъ условіяхъ), нѣсколько позже приходятъ присяжные засѣдатели, въ 11½ час. проводятъ подъ конвоемъ убійцу, залъ суда открывается, въ него жадно врывается толпа любопытныхъ, и преступника проводятъ къ скамьѣ, по лѣвую руку отъ суда, на которой скоро буду сидѣть и я. Зала полна, присяжные на мѣстахъ, „Судъ идетъ", всѣ встаютъ и двери закрываются.

Въ 12 ч. мы отправляемся въ буфетъ выпить чаю, но въ буфетѣ душно и накурено. Долго сидѣть тамъ нельзя. Мы снова отправляемся въ зало-галлерею и снова ждемъ. Около часа мнѣ сообщаютъ, что дѣло Кровяника затягивается и что уставшіе присяжные едва ли согласятся въ этотъ день слушать еще какое либо дѣло.

Въ 1½ ч. мой присяжный повѣренный подходитъ и сообщаетъ, что рѣшено мое дѣло отложить; мы можемъ уйти.

— „Когда же оно будетъ слушаться?"

— „Это неизвѣстно. Въ одинъ изъ первыхъ свободныхъ дней. Можетъ быть въ апрѣлѣ или маѣ, а можетъ-быть осенью".

— „Нельзя ли попросить объ ускореніи? Вѣдь я жду уже больше года"...

Присяжный повѣренный смѣется.

— „Что годъ! Вы пока на свободѣ, а есть заключенные, которые томятся по нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданіи своего дѣла. Будемъ надѣяться, что назначатъ скоро"...

Мы уходимъ. Черезъ нѣсколько дней я узнаю, что слушаніе моего дѣла назначено на 18 мая.

15 марта.

15 марта—четвергъ. По четвергамъ я обыкновенно навѣщаю вице-предсѣдательницу Р. Т. о-ва, Анну Павловну Философову, которая послѣднюю зиму часто хвораетъ. Я докладываю ей о

---

[1]) Кровяника.

дѣлахъ о-ва, дѣлясь своими впечатлѣніями и планами, и слушаю ея мысли, ибо она любитъ думать вслухъ.

Въ этотъ четвергъ я тороплюсь заѣхать къ ней пораньше, потому что знаю, что она съ нетерпѣніемъ ждетъ меня.

Я застаю ее въ креслѣ у круглаго стола, въ гостиной. и сразу вижу, что она чѣмъ-то сильно озабочена. Она вкладываетъ письмо въ конвертъ и что-то тревожно ищетъ глазами.

— „Здравствуйте, дорогая! Я васъ ждала... Сейчасъ побесѣдуемъ, но сперва мнѣ надо отправить это письмо и телеграмму... Вѣдь въ Бельгіи женскій съѣздъ теперь, и я имъ послала свой докладъ. Такъ грустно, что не могу сама быть, все здоровье мѣшаетъ, а надо бы тамъ быть... Гдѣ же бумага и чернила?“

Я подаю бюваръ. Анна Павловна беретъ нервно перо.

— „Надо составить телеграмму на имя предсѣдательницы Конгресса, говоритъ она, надо поздравить, а вотъ рука сегодня не слушается“...

— „Позвольте, я вамъ помогу...

Мы быстро составляемъ телеграмму и я пишу: „Mes félicitations et mes meilleurs voeux pour le succés du Congrés. Regrette ne pouvoir être présente. Cause Santé. Anna Philosophoff“.

— „Ну вотъ спасибо, родная, сейчасъ отошлемъ...

На зовъ ея приходитъ горничная.

— „Отнеси, милая, это письмо заказное и телеграмму на почту, говоритъ Анна Павловна, и возьми у меня деньги. Въ спальнѣ у меня лежитъ 25 рублевая бумажка, въ этомъ... ну—ты знаешь?

— „Въ ящикѣ? въ коробкѣ?

— „Ахъ, нѣтъ! Господи, ну какъ это называется? Поищи!..“

Горничная скрывается и скоро возвращается съ деньгами.

— „Деньги лежали въ вашемъ мѣшечкѣ“.

— „Ну, конечно, въ мѣшечкѣ! никакъ не могла вспомнить этого слова... Пожалуйста, иди сейчасъ на почту. Это спѣшное“...

Мнѣ бросается въ глаза какая-то особенная нервность и возбужденность Анны Павловны въ этотъ день.

Дѣвушка уходитъ. Мы остаемся однѣ. Анна Павловна облегченно вздыхаетъ.

— „Ну, дорогая, теперь я свободна... Побесѣдуемъ! Когда же пойдетъ ваше дѣло?

— „Еще неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что весною“...

— „Какое томленіе и какъ все это возмутительно! Лучше бы уже скорѣе это кончилось... Вы знаете, дорогая, я въ понедѣль-

никъ [1]) такъ волновалась, что не могла оставаться одна... Просила дочь побыть со мною... Почему собственно дѣло наше не пошло?"

— „Дѣло Кровяника затянулось. Знаете, это кошмарное дѣло, убійство женщины?

— „Ахъ, ужасно! Неужто ваше дѣло должно было слушаться въ томъ же отдѣленіи?"

— „Да. Я должна была сидѣть на той же скамьѣ подсудимыхъ"...

— „Боже! среди такихъ-то вибрацій!"

Анна Павловна на минуту закрыла лицо руками.

— „Слава Богу, что отложено, сказала она, это все къ лучшему!.."

Она крѣпко пожала мою руку.

— „Ну, теперь надо покончить съ этимъ дѣломъ, сказала она послѣ минуты молчанія, указывая рукой на лежавшую у нея на столѣ брошюру [2]). Я ее читала вчера, кончить сегодня не успѣла... Не буду говорить вамъ *какую* ночь я провела, *какія* думы передумала о невѣрности людей и объ ихъ непониманіи... одно скажу: будемъ спокойны, будемъ стойки, будемъ вѣрно служить Теософіи... Время, покажетъ, а что касается автора, то Господь ему судья! Господь съ нимъ... (Въ глазахъ ея сверкнули слезы)... Что вы думаете предпринять?"

Я сказала, что я противъ полемики и что считаю самымъ достойнымъ отвѣтомъ на такую брошюру—молчаніе. На отдѣльныя же обвиненія, формулированныя въ этой брошюрѣ, можно будетъ отвѣчать опубликованіемъ того богатаго теософическаго матеріала, который у насъ есть по затронутымъ вопросамъ. (Я перечислила нѣсколько статей А. Безантъ, Ч. Ледбитера и другихъ лидеровъ движенія). Кромѣ того, по счастливому совпаденію, только что вышла наша книжечка „Что такое Теософія", которая даетъ всѣ нужныя свѣдѣнія о Теософіи и Теософическомъ о-вѣ. Я протянула книжечку [3]).

Анна Павловна радостно всплеснула руками.

— „Ахъ, какъ хорошо! Это положительно Провидѣніе намъ помогаетъ... Сейчасъ же надо начать ее распространять... Выпишите, дорогая, сейчасъ же 1000 экземпляровъ изъ Калуги... Это будетъ лучшимъ отвѣтомъ на нападеніе... А вообще мое мнѣніе такое:

---

[1]) 12 марта, когда должно было слушаться мое дѣло.

[2]) Брошюра К. Д. Кудрявцева: „Что такое Теософія и Теософическое о-во".

[3]) Что такое Теософія, Alba, Калужское изд. „Лотосъ".

надо обнародовать переписку Совѣта съ К. Д. Кудрявцевымъ и наши протоколы съ послѣдней резолюціей Совѣта... Это покажетъ, что мы все сдѣлали, что отъ насъ зависѣло... Затѣмъ, будемъ ждать и молчать... Конечно, на насъ обрушится пресса и насъ будутъ поливать грязью, это неминуемо... Но мы *не* должны принимать вызова... Мы *не* должны вступать въ полемику... За насъ тогда должны вступиться хорошіе русскіе люди, которымъ дорога правда... Таково мое убѣжденіе, родная, передайте Совѣту... Какъ хорошо, что вышла эта книжечка!"

Она снова ее перелистала.

— „Брошюру я еще не кончила прибавила она, но довольно и того, что я прочла... Ужъ простите, я сдѣлала помѣтки карандашемъ"...

Видя, что она волнуется, я взяла брошюру, сказавъ, что она мнѣ нужна. Я прибавила, что конецъ брошюры посвященъ массонству, который авторъ силится поставить въ связь съ нашимъ движеніемъ

— „Видѣла, перелистывала... Ну, не будемъ больше говорить объ этомъ, Богъ съ нимъ! Будемъ продолжать наше дѣло и Богъ намъ поможетъ! Будетъ ли рѣчь объ этомъ въ нашемъ обществѣ?"

Я сказала, что первое собраніе послѣ Пасхи будетъ посвящено бесѣдѣ по затронутымъ вопросамъ.

— „Такъ жаль, что я не буду съ вами!.. Ради Бога, не думайте, дорогая, что я лѣнюсь... Право же я не лѣнюсь... Скажите всѣмъ нашимъ дорогимъ членамъ, что я душою съ вами всѣми...

Слезы выступили у нея на глазахъ. Я взяла ея руки въ свои.

— „Кто же можетъ подумать, что вы лѣнитесь, родная. Вѣдь мы знаемъ ваше рвеніе и вашу любовь"...

Чтобы отвлечь мысли Анны Павловны отъ печальнаго инцидента съ брошюрой, я заговорила о предстоящей мнѣ поѣздкѣ въ Польшу и Финляндію.

Въ Финляндію, куда меня приглашаетъ финляндская секція пріѣхалъ извѣстный теософъ, д-ръ Р. Штейнеръ [1]), обѣщавшій прочитать въ Гельсингфорсѣ серію лекцій по Теософіи. Въ Варшаву меня позвали польскіе теософы ко дню открытія только-что легализованнаго въ Польшѣ Теософическаго общества.

Анна Павловна сразу оживилась.

---

[1]) Лидеръ Теософическаго движенія въ Германіи.

— „Передайте мой поклонъ д-ру Штейнеру, сказала она, и скажите ему, что если бы не мое плохое здоровье, то я непремѣнно бы поѣхала въ Гельсингфорсъ. Никогда не забуду его чудныхъ лекцій въ Парижѣ [1]). Поклонитесь ему, родная, отъ меня!"

Я сообщила, что насъ собирается изъ Петербурга около 10 человѣкъ. Она выразила свое удовольствіе по этому поводу и затѣмъ спросила меня о Польшѣ. Я ей должна была подробно разсказать о работѣ теософическаго кружка въ Варшавѣ, съ которымъ я состояла въ перепискѣ. Послѣ двухлѣтнихъ хлопотъ, Польскимъ теософамъ удалось добиться легализаціи Общества и на 21 марта было назначено учредительное собраніе. Предсѣдатель кружка пригласилъ меня отъ имени открывающагося о-ва прибыть ко дню открытія и прочесть публичную лекцію объ основныхъ задачахъ Теософіи.

Анна Павловна засіяла.

— „Ну, помоги имъ Господь!.. Да благословитъ Онъ ихъ работу! Какъ хорошо, что они позвали васъ... Непремѣнно поѣзжайте, голубка! Помогите имъ и передайте имъ мою любовь... Господи! какъ я рада за нихъ! Какъ Теософія имъ поможетъ во всѣхъ ихъ трудныхъ испытаніяхъ!... Не могу вамъ и сказать, *какъ* я рада... И какой чудный знакъ единенія.

На глазахъ Анны Павловны снова появились слезы, но на этотъ разъ это были слезы радости. Мы молча пожали другъ другу руку...

— „Получали ли вы письма отъ нашей дорогой Е [2]), спросила она черезъ минуту.

Я сказала, что только что получила отъ нея большое письмо и хотѣла его прочесть ей, но забыла дома. Она попросила его переслать ей сегодня же. Я обѣщала.

— „Какъ это она безъ знанія языка, съ недоумѣніемъ прибавила Анна Павловна, вѣдь это должно быть пыткой—быть тамъ и ничего не понимать [3]).

Я сказала о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое производитъ личность А. Безантъ помимо ея лекцій, и выразила убѣжденіе, что Е*** почувствуетъ эту силу и красоту, несмотря на слабое знаніе англійскаго языка.

Анна Павловна задумалась.

---

[1]) Д-ръ Р. Штейнеръ прочелъ серію лекцій о Космогенезисѣ въ 1906 г., въ Парижѣ, пріурочивъ это чтеніе къ Теософическому конгрессу.

[2]) Близкій другъ Анны Павловны, бывшій въ это время за-границей.

[3]) Въ Лондонѣ, весной этого года читала серію лекцій по Теософіи А. Безантъ и А. П. предполагала, что Е*** будетъ интересно ихъ послушать.

— „Можетъ быть, можетъ быть, сказала она задумчиво... А вотъ *я* ее не увижу... Такъ бы хотѣлось поклониться Анни Безантъ за все, что она даетъ намъ“...

Я напомнила, что будущій теософическій конгрессъ будетъ весной 1913 г. въ Стокгольмѣ.

— „Ну, доживу ли я! сказала она печально. Ничего не загадываю... все въ Волѣ Божьей... Ну, а вы, голубка, повезите мой привѣтъ дорогимъ Польскимъ нашимъ братьямъ и сестрамъ, скажите имъ, что я люблю ихъ и радуюсь ихъ радостью... Храни же васъ Господь, дорогая! Смотрите, берегите себя!“

Здѣсь Анна Павловна сказала нѣсколько словъ, которыя не привожу, такъ какъ въ своей любви къ людямъ она была склонна преувеличивать ихъ значеніе.

— „Берегите *себя*, родная! отвѣтила я горячо! Вы знаете, какъ вы намъ всѣмъ дороги“...

Я стала прощаться и пожелала Аннѣ Павловнѣ свѣтло встрѣтить самый свѣтлый изъ праздниковъ: Пасху. Она меня обняла.

— „Господь благословитъ вашу работу въ Польшѣ!“ сказала она еще разъ и я съ чувствомъ глубокой радости нагнулась и поцѣловала ея дорогую руку...

— „До свиданія!“ сказала я на порогѣ и мы обмѣнялись еще разъ радостной улыбкой.

Я уже одѣвалась въ передней и собиралась выйти на лѣстницу, когда дверь гостиной неожиданно распахнулась и Анна Павловна мнѣ крикнула въ слѣдъ: „Не забудьте поклониться отъ меня Цециліи [1]).

16 марта.

Весь день готовилась къ отъѣзду и кончала массу накопившихся дѣлъ. Мелькала мысль, что если освободится часокъ, то я успѣю еще разъ заѣхать къ Аннѣ Павловнѣ. Въ этотъ день меня какъ-то странно тянуло къ ней.

Въ 3 ч. пришла горничная Анны Павловны съ письмомъ Е***, которое мнѣ возвращала Анна Павловна, и съ краткой запиской, въ которой выражалась ея послѣдняя забота о друзьяхъ.

Въ 7 ч. вечера ко мнѣ позвонила въ телефонъ дочь Анны Павловны, Зинаида Владиміровна Ратькова-Рожнова, и сообщила, что съ Анной Павловной былъ ударъ.Она въ опасномъ положеніи. При ней врачи. Недавно она заснула...

[1]) Такъ сокращенно она обыкновенно называла нашего общаго друга.

17 марта.

Къ вечеру Анна Павловна тихо отошла въ другой міръ. Она больше не просыпалась.

19 марта.

Каждый день служатъ двѣ панихиды у гроба... Сейчасъ я положила къ ея ногамъ вѣнокъ отъ Совѣта Р. Т. о-ва, съ надписью: „Нашей свѣтлой вице-предсѣдательницѣ“... Вся квартира полна народу и всѣ съ любовью молятся у гроба друга всѣхъ... По стѣнамъ развѣшаны вѣнки, и спальня Анны Павловны превратилась въ часовню. Мнѣ бросается въ глаза вѣнокъ съ надписью отъ „польскихъ женщинъ“ и я вспоминаю, что она благословила мое путешествіе...

Похороны отложены (ждутъ пріѣзда сына Анны Павловны Д. В.) и погребеніе совершится въ Богдановскомъ лишь 23-го. Мнѣ же надо быть 21-го въ Варшавѣ. Трудно оторваться отъ дорогого мнѣ праха, но я должна ѣхать, чтобы быть во-время къ открытію Теософическаго о-ва въ Польшѣ...

Анна Павловна лежитъ такая спокойная, красивая, свѣтлая въ гробу... Въ рукахъ она держитъ вѣточку вербы, которую принесла любимая ея маленькая внучка...

Анна Павловна скончалась въ вербную субботу; хоронить ее будутъ на страстной. По народному повѣрью это самое свѣтлое время для перехода въ иной міръ. Пасху она встрѣтитъ тамъ...

Alba.

Богъ благословилъ своихъ возлюбленныхъ трудами и страданіями, чтобы посредствомъ ихъ они могли достичь Божественной мудрости.

Книга достовѣрности. (Таблички Бэа-Улла).

Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ Англію.

Прежде всего оговариваюсь, что впечатлѣнія эти совершенно субъективныя и я рѣшаюсь предложить ихъ вниманію читателей потому только, что всякое мнѣніе представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ угловъ зрѣнія, подъ которыми можно разсматривать каждое явленіе, и если отбросить отъ него наслоенія, образовавшіяся вслѣдствіе преломленія впечатлѣній черезъ призму личныхъ эмоцій, темперамента и мыслительныхъ способностей, то все же останется, хотя бы крошечное зерно чистой истины. Во имя этого зерна истины мнѣ и хочется сообщить вамъ впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ моего путешествія. Къ тому же я считаю это отчасти и своимъ долгомъ. Мнѣ кажется, что большое преимущество составляетъ непосредственное соприкосновеніе, во-первыхъ, съ нашими лидерами, затѣмъ съ тѣмъ очагомъ теософической мысли и вполнѣ осознанныхъ, укрѣпившихся, но не закристаллизовавшихся стремленій, который горитъ на Западѣ такимъ ровнымъ и сильнымъ свѣтомъ. Все полученное отъ этого преимущества слѣдуетъ по мѣрѣ возможности и умѣнія передать другимъ.

Скажу сперва нѣсколько словъ объ общихъ вибраціяхъ британской, шотландской и голландской секцій. Чувствуется, что въ нихъ идетъ очень серьезная, напряженная, и главное, *убѣжденная* работа. Видно, что русло теософіи проложено глубоко и что воды ея текутъ мощной волной, которая не остановится ни передъ какими препятствіями. Многіе и многіе члены, избравъ какую-нибудь спеціальность: библіотеку, бюро пропаганды, книгоиздательство, справочный отдѣлъ и т. п., сдѣлали ее дѣломъ своей жизни, т. е. посвящаютъ ей не свой досугъ, а *все* свое время и ихъ можно видѣть за ихъ занятіями ежедневно отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера и позднѣе. Конечно, ихъ кармическія условія, повидимому, позволяютъ имъ посвятить себя любимому дѣлу.

Болѣе подробно хочу я коснуться впечатлѣнія, произведеннаго на меня лекціями А. Безантъ. Пробыла я въ Англіи и Голландіи 32 дня, не считая путешествія туда и обратно, и въ эти 32 дня я слышала А. Безантъ 28 разъ, такъ какъ судьба мнѣ благопріятствовала настолько, что мнѣ удалось ѣздить за ней въ разные города, гдѣ она читала лекціи: въ Кэмбриджъ, Глазго, Эдинбургъ, Амстердамъ, Гаагу, Утрехтъ и Роттердамъ, не считая Лондона. Такимъ образомъ я могла составить себѣ ясное представленіе и о ея внѣшней манерѣ говорить и о внутреннемъ направленіи лекцій, читанныхъ ею въ нынѣшнемъ году. Относительно внѣшней стороны ея рѣчи слѣдуетъ отмѣтить, что А. Безантъ говоритъ удивительно плавно. За всѣ эти многочисленные раза она ни разу не запнулась, ни на мгновеніе, для подысканія выраженія, причемъ у нея нѣтъ съ собой ни малѣйшей записки или бумажки, съ которой она бы справлялась. Она намъ какъ-то говорила, что когда она начинаетъ фразу, то передъ ея умственными глазами стоятъ нѣсколько оборотовъ рѣчи и она выбираетъ самое подходящее изъ нихъ, но это совершенно незамѣтно во внѣшней ея дикціи, настолько рѣчь ея льется плавно и безостановочно. Жестовъ она дѣлаетъ очень мало; голосъ ея гибкій и удивительно обработанный. Въ обыкновенномъ разговорѣ она говоритъ довольно тихо, но въ публичной рѣчи голосъ ея звученъ и мягокъ и каждое слово отчетливо доносится до послѣднихъ уголковъ залы, какъ бы велика она ни была, а я слышала ее въ такихъ большихъ помѣщеніяхъ какъ Queen's Hall въ Лондонѣ и Andren's Hall въ Глазго, вмѣщающихъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ смыслѣ конструкціи, рѣчь ея поражаетъ своей ритмичностью и гармоніей, такъ что каждая ея рѣчь, въ совокупности внѣшнихъ сторонъ ея: тембра голоса, интонацій, темпа, построенія ея, даже физическаго облика оратора съ длинными, красиво падающими, складками бѣлой одежды и бѣлоснѣжной, мощной головой оставила въ моемъ сознаніи впечатлѣніе классической музыкальной пьесы;— именно классической, т. е. такой, гдѣ нѣтъ мѣста кричащимъ, театральнымъ эффектамъ, и гдѣ все закончено, стройно и архитектонично.

Впечатлѣніе стройности рѣчи усиливается еще отъ удивительной логичности и силы ея мышленія. Мнѣ кажется, что каждому слушателю, независимо отъ того, согласенъ-ли онъ съ ея мнѣніями или нѣтъ, должно быть ясно, что онъ имѣетъ предъ собой очень мощный интеллектъ. M-rs Безантъ являетъ, какъ мнѣ сдается, примѣръ тому, какой чарующей силой можетъ быть соединеніе могучаго ума съ высокой, кристальной чистоты духовностью.

Отмѣчу еще одну черту: А. Безантъ никогда не говоритъ слишкомъ долго и не утомляетъ вниманія слушателей. За все это время, только одна ея лекція продолжалась около полутора часа. Обыкновенно же онѣ длятся одинъ часъ. Къ тому же она прекрасно умѣетъ примѣняться къ аудиторіи,—настолько, что я,—совершенно незнакомая съ иностранными секціями, могла по ея рѣчи судить о линіи, по которой развивается та или другая изъ нихъ, и, кажется, не ошиблась; такъ въ Шотландіи характерная черта—интеллектуальность, и, надо сказать, нигдѣ она такъ хорошо не говорила какъ тамъ, развѣ только въ Queen's Hall, въ Лондонѣ. Голландская секція, повидимому, идетъ по линіи благоговѣнія; соотвѣтственно этому она и держала свою рѣчь. Лондонъ—это дѣловая, прекрасно организованная, въ высшей степени сознательная работа, въ которую вкладывается вся душа и вся жизнь и опирается она на почву большой любви и преданности.

Таково внѣшнее впечатлѣніе, вынесенное мною. Обратимся теперь къ внутренней сторонѣ. Самое главное и самое яркое мое впечатлѣніе было то, что А. Безантъ своими лекціями и вообще всѣмъ своимъ обликомъ должна дѣйствовать *отрезвляющимъ образомъ*. Чувствуется, что здѣсь нѣтъ мѣста платоническимъ увлеченіямъ, восторгамъ, экзальтированности, а нужна *серьезная, напряженная, неустанная* работа и что всякій подъемъ и порывъ, какъ бы онъ горячъ и высокъ, и искрененъ не былъ, теряетъ свою цѣнность, если онъ, такъ сказать, разсѣивается въ пространствѣ, а не служитъ импульсомъ къ активной работѣ духа. Становится яснымъ, что только слушаніемъ лекцій, чтеніемъ книгъ и посѣщеніемъ собраній далеко не подвинешься, если это не будетъ сопровождаться внутреннимъ дѣланіемъ и напряженнымъ умственнымъ трудомъ. Мы все это, конечно, знаемъ, но, послушавъ А. Безантъ, сознаніе это все болѣе укрѣпляется, необходимость и неизбѣжность этой работы выясняется все болѣе и болѣе и какъ то безповоротно внѣдряется въ васъ. Кромѣ того не менѣе ярко выясняется еще одно условіе работы: *самостоятельность* ея. Вамъ данъ матеріалъ: кармическія условія, обстоятельства жизни, способности и дарованія, добродѣтели и пороки, научныя и религіозныя вліянія, дѣйствовавшія на васъ, наконецъ теософическія ученія, освѣщающія эту многообразную и многогранную массу; но этотъ матеріалъ мы должны самостоятельно пропустить сквозь горнило нашего сознанія и собственной интуиціей и собственнымъ мышленіемъ вычеканить наши вѣрованія, убѣжденія и нашу готовность идти по намѣченному пути.

О самостоятельности умственной работы А. Безантъ говорила много и очень настойчиво, повторяя свои слова во многихъ публичныхъ и частныхъ лекціяхъ. Она указывала на то, что крѣпость Теос. О-ва лежитъ въ независимости мышленія ~~ея~~ его членовъ, и что каждое самостоятельное мнѣніе, глубоко продуманное и прочувствованное, очень цѣнно, потому что присоединяетъ одну лишнюю грань къ многосторонней призмѣ истины. При этомъ, говорила она, не важно, если кто-нибудь изъ насъ придетъ къ ошибочному выводу и будетъ временно держаться неправильнаго мнѣнія. Въ каждомъ заблужденіи есть доля Божественной истины; она бываетъ заслонена образовавшимися наслоеніями, но она въ концѣ концовъ отбрасываетъ ихъ и присоединяется къ самому ядру истины; къ тому же эта частица истины и составляетъ ту притягательную силу, что заставляетъ человѣка такъ крѣпко держаться своего мнѣнія, какъ бы ошибочно оно ни казалось постороннему взгляду. Важна тутъ та самостоятельная работа ума и духа, что производится при назрѣваніи убѣжденія и превращеніи его въ плоть и кровь человѣка. А. Безантъ говорила также, что ошибочное, но *собственное* убѣжденіе цѣннѣе правильнаго мнѣнія, повторяемаго съ чужихъ словъ и не прошедшаго чрезъ сознаніе. Человѣкъ, доискивающійся истины, въ концѣ концовъ ее найдетъ, хотя бы онъ заблуждался не разъ и даже серьезно.

Множество разъ она повторяла, что члены Теос. О-ва не должны считать сужденія, высказываемыя ею или какимъ-либо инымъ изъ нашихъ лидеровъ, настолько непреложными, чтобы можно было враждовать изъ-за нихъ и корить ими другъ друга. Ихъ слѣдуетъ принимать какъ гипотезы, достойныя изученія, и для каждаго изъ насъ та или другая мысль такъ и должна оставаться гипотезой, пока онъ ее не провѣритъ личнымъ интеллектуальнымъ или мистическимъ опытомъ. Есть, правда, истины, которыя сразу отзываются въ сердцѣ, какъ только ихъ услышишь; онѣ были уже извѣстны намъ и дремали въ глубинѣ нашего сознанія, пробудившись какъ отъ электрическаго тока при первомъ соприкосновеніи съ ними во внѣшнемъ мірѣ. Но и такую, сразу воспринимаемую истину слѣдуетъ осознать интеллектуально, не столько для себя, сколько для того, чтобы успѣшнѣе помогать другимъ; наши интуитивныя чувствованія ни для кого не убѣдительны, что нельзя сказать про интеллектуальные доводы.

Очень настаивала А. Безантъ и на терпимости и свободѣ мнѣній среди членовъ О-ва; причемъ терпимостью она называетъ не снисходительную жалость къ нелѣпому образу мыслей несчаст-

наго заблудшаго брата, а искреннее и серьезное признаніе за нимъ права имѣть собственную точку зрѣнія, какъ бы далеко она не расходилась съ нашей. Она опять таки указывала на цѣнность такихъ точекъ зрѣнія, въ силу того что каждая идея вноситъ что-нибудь новое въ общую сокровищницу мыслей.

А. Безантъ высказала все вышеизложенное въ связи съ очень интересной лекціей, прочитанной во всѣхъ посѣщенныхъ ею центрахъ и озаглавленной: „О различіяхъ въ изслѣдованіяхъ ясновидцевъ".

Она въ нихъ указывала, что данныя, добытыя Е. П. Блаватской, Ч. Ледбитеромъ, Синнетомъ, д-ромъ Штейнеромъ и ею самой, разнятся между собой во многихъ чертахъ. Но это не должно никого смущать и волновать, тѣмъ болѣе, что всякіе споры и пререканія относительно ихъ достовѣрности являются совершенно праздными, такъ какъ провѣрить ихъ правильность или неправильность могутъ только тѣ, кто можетъ лично производить эти изслѣдованія и переносить свое сознаніе напр., во времена Атлантиды или перваго круга нашей манвантары. Она даже очень серьезно сказала, что если ихъ изслѣдованія будутъ служить предметомъ пререканій среди теософовъ, и распаденія на лагери, то ей и Ледбитеру придется прекратить опубликованіе ихъ, такъ какъ, очевидно, члены О-ва еще не доросли до настоящаго пониманія и оцѣнки этихъ изслѣдованій. А оцѣнивать и измѣрять ихъ, говорила она, слѣдуетъ той же мѣркой, что и самые обыкновенные научные опыты. Ничего таинственнаго и сверхъестественнаго въ нихъ нѣтъ. И подобно тому, какъ ученые подвигаются въ своей наукѣ, все болѣе и болѣе расширяя свои горизонты, пріобрѣтая все новыя и новыя точки зрѣнія и добывая новыя данныя, иногда существенно измѣняющія ихъ научные выводы, такъ и здѣсь: изслѣдователь невидимыхъ міровъ и прошлаго нашей планеты также подвигается шагъ за шагомъ въ своей наукѣ и по мѣрѣ расширенія его сознанія передъ нимъ выявляются и новые факты, иногда въ корнѣ измѣняющіе ихъ заключенія. Она привела примѣръ тому: изучая физическій атомъ лѣтъ 5—6 тому назадъ, А. Безантъ и Ледбитеръ отмѣтили, что физическій атомъ, подойдя къ границѣ астральнаго міра, непосредственно переходитъ въ астральный атомъ, о чемъ они и писали въ своей Оккультной химіи; но послѣднія ихъ наблюденія показали, что они въ то время не видѣли промежуточнаго процесса, выяснившагося имъ впослѣдствіи, когда они разсматривали данное явленіе съ болѣе высокаго плана; оказывается, что физическій атомъ въ этомъ случаѣ сперва возвращается къ своему первичному состоянію и затѣмъ уже пере-

ходитъ въ астральный атомъ, описывая такимъ образомъ кривую, вмѣсто прямой переходной линіи, наблюдаемой ими раньше. То же самое можетъ произойти и со всѣми другими явленіями. При болѣе расширенномъ сознаніи они могутъ являться въ иномъ освѣщеніи.

Различія между данными, добываемыми изслѣдованіями ясновидцевъ, могутъ проистекать и изъ разницы въ методахъ изслѣдованій. Такъ Е. П. Б. и А. Безантъ были, какъ она говоритъ, такъ сказать брошены въ астральный міръ, подобно тому, какъ мальчика бросаютъ въ воду съ тѣмъ, чтобы онъ научился плавать. Имъ предоставлено было самимъ разобраться въ астралѣ и научиться его понимать; отсюда и проистекало сперва немало ошибокъ и неправильныхъ выводовъ. Ледбитера же, наоборотъ, вели шагъ за шагомъ, объясняя и показывая ему все постепенно. Большую роль играетъ при этомъ темпераментъ. Работы Ледбитера отличаются, по словамъ А. Безантъ, большой точностью, аккуратностью въ деталяхъ и въ вычисленіяхъ; самой же А. Безантъ болѣе свойственно изученіе явленій съ болѣе общей точки зрѣнія, какъ бы обозрѣніе ихъ съ птичьяго полета, какъ она выразилась. Поэтому оба они чрезвычайно пополняютъ другъ друга въ работѣ.

Затѣмъ важна и точка зрѣнія, съ которой разсматриваются явленія. Такъ напр., А. Безантъ и Ледбитеръ при изученіи прошлыхъ расъ, изслѣдуютъ скорѣй ихъ бытовую, историческую сторону, тогда какъ д-ръ Штейнеръ интересуется, главнымъ образомъ, ходомъ психологической эволюціи.

Всѣ вышеизложенныя условія и порождаютъ различія въ данныхъ изслѣдованіяхъ и столковаться относительно нихъ могутъ только лица, производившія ихъ или имѣющія возможность провѣрить ихъ тѣми же методами ясновидѣнія; всякіе же споры о нихъ среди членовъ О-ва не имѣютъ подъ собой никакой почвы, являясь лишь повтореніемъ чужихъ словъ. Тѣмъ болѣе, говоритъ А. Безантъ, эти пререканія не только праздны, но и вредны, когда они касаются природы Христа и пришествія Учителя, никоимъ образомъ не разрѣшая этихъ вопросовъ, они вносятъ лишь смуту и волненіе тамъ, гдѣ должна царить любовь въ уготованіе пути Господу, подъ какимъ бы названіемъ Онъ не пришелъ. И велика будетъ Его печаль, если мы, проповѣдующіе терпимость, единеніе и братство, первые же покажемъ міру примѣръ распрей и пререканій относительно Имени Его.

В. Пушкина.

Письмо о музыкѣ.

Упоминая въ прошломъ письмѣ объ игрѣ на скрипкѣ, какъ о способѣ развивать не только музыкальность, но и душевныя качества ученика, съ помощью чистыхъ образовъ и высокихъ символовъ, въ этомъ письмѣ мнѣ хочется разсказать о методѣ цвѣтъ-звукъ-число. Цѣль ея помочь ученику научиться всматриваться, вслушиваться, вдумываться въ окружающую его жизнь и развивать душевную воспріимчивость, это драгоцѣнное свойство, помогающее человѣку чувствовать за внѣшними формами ихъ внутреннее содержаніе.

Первоначальная работа по этой методѣ заключается въ томъ, чтобы единовременно видѣть и слышать цвѣтовыя и звуковыя сочетанія, созданныя сочетаніями чиселъ, соотвѣтствующихъ различнымъ ступенямъ двухъ параллельныхъ гаммъ: спектральной и діатонической. Эти сочетанія, или мелодіи помѣщаются на подвижныхъ кругахъ, съ помощью которыхъ возможно составлять безконечно разнообразныя комбинаціи, имѣющія, каждая свое особое настроеніе, отражающееся на настроеніи всего круга. Эти комбинаціи могутъ быть взяты какъ мелодіи и аккорды цвѣтозвуковой музыки, или музыки чиселъ.

Эту первоначальную работу можно назвать цвѣтозвуковымъ сольфеджіо, развивающимъ не только зрительную память и слухъ, но и способность сосредоточиваться, наблюдать и размышлять. Она совершается сначала въ діатоническомъ, а затѣмъ въ хроматическомъ порядкѣ трехъ параллельныхъ гаммъ, составляющихъ основу этой методы:

1) Спектральной гаммы (гаммы радуги), цвѣта которой суть: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый.

2) Діатонической гаммы, ступени которой мы называемъ: Do, Ré, Mi, Fa, Sol, La, Si и

3) Гаммы чиселъ, начиная отъ единицы до числа семь, послѣ котораго число восемь будетъ началомъ другой октавы, число пятнадцать—третьей и т. д. до безконечности.

Когда меня спрашиваютъ почему нота Do соотвѣтствуетъ красному цвѣту, отвѣчаю, что, такъ какъ первое колебаніе, воспринимаемое нами какъ цвѣтъ называется краснымъ, а первое колебаніе, воспринимаемое нами какъ звукъ, мы называемъ Do, то оба эти начала являются параллельными и соотвѣтствующими другъ другу. Но такъ какъ есть безчисленное множество оттѣнковъ краснаго цвѣта, какъ и всѣхъ другихъ цвѣтовъ, то я беру цвѣта и звуки двухъ основныхъ гаммъ лишь какъ параллельные принципы, строй которыхъ можетъ измѣняться въ зависимости отъ субъективности каждаго цвѣтового слуха, причемъ параллель остается неизмѣнной. Возьмемъ для примѣра скрипичный строй: какъ бы не повышался или не понижался онъ по волѣ скрипача, все же первая струна всегда будетъ называться Mi, вторая La, третья Re, четвертая Sol; и по принципу параллели цвѣтовой и звуковой гаммы, первая струна будетъ соотвѣтствовать желтому цвѣту, вторая—синему, третья—оранжевому, четвертая—голубому.

Благодаря параллели ступеней этихъ гаммъ съ гаммою чиселъ, возможно образованіе цвѣтозвуковыхъ мелодій съ помощью сложенія этихъ чиселъ и ихъ суммъ; и чѣмъ эти суммы будутъ больше, тѣмъ выше будутъ звучать соотвѣтствующія имъ мелодіи, тѣмъ свѣтлѣе будутъ ихъ краски; и наконецъ числа, все увеличиваясь, увлекутъ съ собой цвѣтозвуки за предѣлы нашего зрѣнія, нашего слуха и нашей мысли въ безконечность, сохраняя ихъ какъ принципы вѣчнаго свѣта и неумолкаемаго звука...

Если складывать числа въ порядкѣ музыкальнаго интервала терціи, напр. $1+3$, или $2+4$ и т. д. и суммы ихъ дѣлить на 2, получится частное, соотвѣтствующее средне ариѳметическому, или промежуточному тону двухъ слагаемыхъ; напр.: $1+3=4$; $4:2=2$. Или: $2+4=6$; $6:2=3$. Эти дѣйствія можно выразить слѣдующими музыкальными фразами: 1) do, mi, fa, ré; 2) re, fa, la, mi.

Хроматическія ступени или полутоны выразятся дробями, если складывать числа въ порядкѣ секунды и дѣлить ихъ суммы на 2; напр.: $1+2=3$; $3:2=1^1/_2$. Или: $2+3=5$; $5:2=2^1/_2$ Въ нотахъ эти дѣйствія будутъ звучать такъ: 1) do, re, mi, do; 2) re, sol, re.

Если продолжать складывать смежныя ступени цѣлаго числа и дроби и суммы ихъ дѣлить на 2, получатся четверти тона, восьмыя части тона и т. д., которымъ будутъ соотвѣтствовать все болѣе тонкіе цвѣтовые оттѣнки и все болѣе мелкія дроби, и такъ какъ эти дѣйствія можно продолжать до безконечности, то числа постепенно приведутъ насъ къ идеѣ безпрерывности переливовъ цвѣта и звука и къ той идеѣ, что не только ступени цвѣтовой и звуковой гаммы, но и всѣ силы окружающаго насъ видимаго и невидимаго міра, сливаются воедино, составляя безпрерывную, единую цѣпь, единую жизнь и эти идеи отразятся въ нашей душѣ чувствомъ сліянія, чувствомъ единства. И чѣмъ лучше будетъ развито наше зрительное вниманіе и нашъ слухъ и не только внѣшній, но и внутренній, чѣмъ тоньше будетъ наша душевная воспріимчивость, тѣмъ яснѣе мы будемъ чувствовать это единство во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ окружающей насъ жизни.

Цвѣто-Звуко-Числовая гармонія есть одна изъ формъ выраженія этого единства, и эта гармонія, какъ одно изъ свойствъ человѣческой души рождается съ нимъ и проявляется въ немъ врожденнымъ чувствомъ ритма и любви къ музыкѣ и къ краскамъ. При неблагопріятныхъ условіяхъ эти свойства могутъ заглохнуть, а при благопріятныхъ — развиться въ расширенное воспріятіе красоты, выражающееся цвѣтовымъ слухомъ, чувствомъ звучности формъ и движеній, красочности и образности звуковъ. Если это чувство стремится оформиться, оно можетъ выразиться въ цвѣто-звуковой музыкѣ, или картинѣ. Но для того, чтобы это осуществить такъ, какъ музыкантъ осуществляетъ свои музыкальныя мысли, записывая ихъ нотами, нужны для цвѣтозвуковой музыки и цвѣтозвуковыя ноты. И мнѣ кажется естественнымъ для этой цѣли воспользоваться принятымъ нотописаніемъ, замѣняя черныя линейки и черныя ноты цвѣтными.

Этотъ способъ оказывается цѣлесообразнымъ: цвѣтныя линейки замѣняютъ ключи; а сравнительную длительность нотъ удобно изобразить нотами различной величины, причемъ цѣлая нота должна быть вдвое больше половинной, въ четыре раза больше четверти и т. д. Эти ноты различной величины даютъ представленіе и о различной скорости, такъ какъ группа болѣе длительныхъ нотъ, занимая больше мѣста на нотномъ станѣ, чѣмъ группа нотъ меньшей длительности, потребуетъ больше времени для исполненія. Знаки, изображающіе паузы, а также знаки повышенія и пониженія остаются тѣ же и вся система нотописанія, не подвергаясь измѣненію, только окрашивается и становится веселѣе.

Метода Цвѣтъ-Звукъ-Число является попыткой дѣйствовать въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствуетъ теорія музыки, приводя ученика отъ ограниченій къ свободному творчеству, къ композиціи. И цвѣтозвуковые подвижные круги, (какъ и музыкальныя сольфеджіо), помогая ученику усваивать отдѣльныя сочетанія, даютъ ему возможность впослѣдствіи извлекать мелодіи и аккорды изъ красокъ окружающей его природы и, вдохновляясь ею интуитивно создавать цвѣтозвуковыя картины и музыку.

Наблюдая отдѣльныя сочетанія красокъ передвижного круга, ученикъ замѣчаетъ, что общее настроеніе этого круга измѣняется при малѣйшемъ передвиженіи хотя бы самой малой его части и видя, что это происходитъ оттого, что всѣ его части неразрывно связаны между собой и составляютъ одно цѣлое—единую жизнь онъ думаетъ: „То же самое происходитъ и въ жизни всего міра". И изучая гармонію цвѣта, звука и числа, и размышляя надъ нею онъ усваиваетъ идею единства, и съ помощью аналогій постепенно переходитъ отъ низшаго къ высшему, отъ земного къ небесному...

Часто спрашиваютъ какъ создалась эта метода въ моихъ мысляхъ, и для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и разсказать ея исторію, надо возвращаться въ прошлое. И я въ немъ слышу музыку, цѣлый міръ музыки, и вижу множество картинъ и море свѣта, лучезарные солнечные закаты, таинственныя голубыя ночи, и розовую утреннюю зарю; и возвращаясь къ дѣтству, вспоминаю цвѣтныя стекла, вставленныя въ нижнія звенья оконныхъ рамъ деревяннаго домика, въ которомъ мы съ бабушкой жили осенью и зимой, переѣзжая изъ деревни въ губернскій городъ. Можетъ быть эти стекла, заставлявшія пѣть улицу во всякую погоду, научили меня слушать настроеніе красокъ и чувствовать ихъ звучность.

Помню, какъ страшно горѣла наша улица въ красномъ стеклѣ. Небо пылало яркимъ заревомъ и казалось, что наступаетъ конецъ міра. Вороны тревожно летали и кричали, а пѣтухъ испуганно пѣлъ на дворѣ.

Въ зеленомъ стеклѣ все успокаивалось и я спѣшила посмотрѣть въ темно-синее.

Тамъ все было глухо и всѣ движенія казались неподвижными.

Зато въ желтомъ стеклѣ все сіяло золотомъ и солнцемъ, и если шелъ дождь, онъ радостно падалъ на землю съ свѣтлаго неба, и, обливая крыши, весело билъ золотыми потоками изъ водо-

сточныхъ трубъ на тротуары, по которымъ ходили люди подъ золотыми зонтиками, и переходя улицу, съ восторгомъ шагали по золотымъ лужамъ.

„Какой добрый нашъ домохозяинъ, думала я, что вставилъ въ окна такія прекрасныя стекла, какъ разъ на высотѣ моего роста"!

Есть ли человѣкъ, который не любитъ цвѣтныхъ стеколъ и и не улыбнется при видѣ красочныхъ сочетаній? Краски создаютъ радость, цѣлую гамму радости, которую хочется пѣть. Это и есть основа цвѣтозвуковой музыки. Эта радость звучитъ вездѣ, куда проникнетъ хоть одинъ лучъ солнца, гдѣ раздастся хоть одинъ музыкальный аккордъ... И эта музыка звучитъ цѣлымъ моремъ радости въ природѣ, особенно весной, въ лѣсахъ и на лугахъ.....

Какъ ярко сіяетъ лугъ свѣтлыми солнышками одуванчиковъ! Они въ нѣсколько дней превращаются въ цѣлую планетную систему пушистыхъ и прозрачныхъ глобусовъ, вокругъ которыхъ расцвѣтаютъ новыя солнца; ихъ окружаютъ цвѣты, какъ звѣзды различной величины и между ними, какъ кометы носятся бабочки и пчелы, летая надъ млечнымъ путемъ разсыпанныхъ по лугу незабудокъ... Небесный сводъ зеленыхъ травъ весь состоитъ изъ музыкальныхъ нотъ: листъ подорожника, съ его опредѣленными дѣленіями напоминаетъ *цѣлую* ноту; листъ одуванчика, съ его уголочками, направленными другъ противъ друга и немного книзу построенъ какъ синкопы; умненькій трехлистникъ клевера съ нарисованнымъ на немъ свѣтлымъ треугольникомъ,—совершенная тріоль, а кудрявый, мелкораздѣленный листочекъ полевой ромашки похожъ на быструю музыкальную каденцію. Какъ все звучитъ и свѣтится и гармонично строится въ лугахъ!... Надъ ними небо, и облака слагаются въ немъ волшебными картинами высокихъ горъ, морей и городовъ, горящихъ пурпуромъ и золотомъ и гаснущихъ, когда заходитъ солнце и когда въ небѣ загораются звѣзды... Помню вечеръ въ деревнѣ, въ старомъ бабушкиномъ домѣ. Окно открыто въ садъ, она сама играетъ на старинномъ фортепіано; слабые звуки его нѣжны; они уносятся въ окно и тамъ, сливаясь съ ароматами жасминовъ и распускающихся розъ, пробуждаютъ соловья, и онъ поетъ, вторя моей милой бабушкѣ; она улыбается, и улыбаясь постепенно таетъ въ густѣющихъ сумеркахъ; слышны только звуки музыки... Изъ-за высокихъ липъ и тополей поднимается луна и льетъ къ намъ въ комнату свой золотистый свѣтъ, звуки музыки, слагаясь въ неясные, таинственные образы тянутся къ нему...

Эти смутные музыкальные образы, иногда, подъ вліяніемъ сильныхъ чувствъ принимали болѣе опредѣленныя очертанія. Помню концертъ, въ которомъ мой горячо любимый учитель Л. Ауэръ долженъ былъ исполнить на скрипкѣ, въ сопровожденіи оркестра, пьесу, носящую поэтическое названіе: „Lâ ronde des Lutins“. Съ восторгомъ видѣла я, какъ онъ взошелъ на эстраду и началъ играть; и по мѣрѣ того, какъ онъ игралъ, ярко освѣщенный залъ сталъ превращаться въ темный лѣсъ, и на полянѣ, въ лунномъ свѣтѣ, закружились хороводы эльфъ... Очарованіе все росло... Вдругъ все исчезло и раздались оглушительныя рукоплесканія и эльфы разлетѣлись; но въ этотъ вечеръ я поняла, что мой учитель великій художникъ.
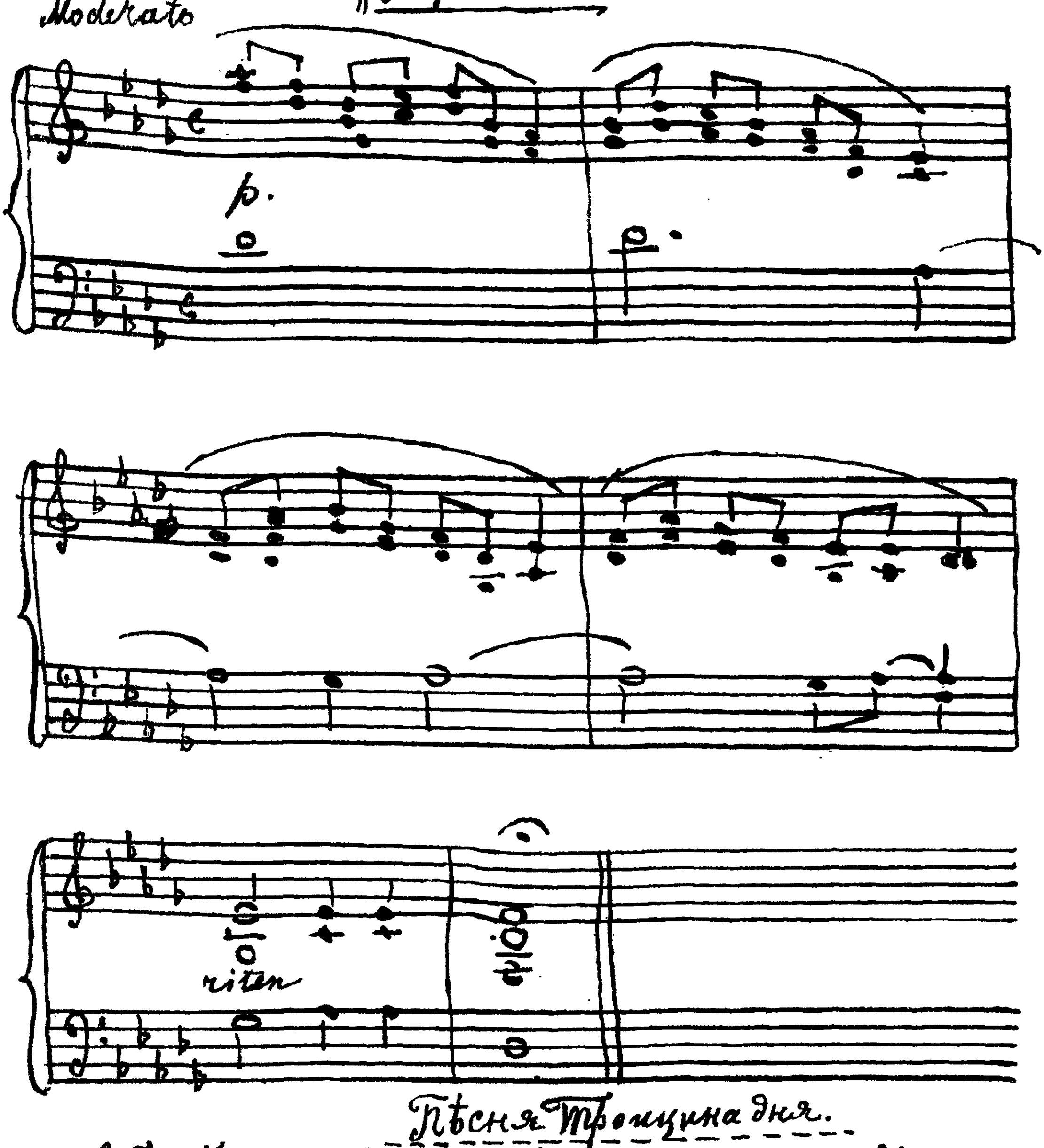
Счастливое дѣтство! Оно протекало среди природы и музыки; но какъ часто чувство, окружавшаго меня счастья отуманивалось чувствомъ грусти, что многіе не слышатъ этой музыки и лишены этого счастья... Съ годами это чувство оформилось въ сознаніе несправедливости того, что музыка и красота, которыя, какъ солнце, воздухъ и вода должны быть достояніемъ всѣхъ, достояніе немногихъ. И надежда хоть частью осуществить идею широкаго распространенія искусства въ жизнь, заставила меня выбрать музыкально-педагогическій путь и въ немъ искать способовъ сдѣлать изученіе музыки доступнымъ всѣмъ, и черезъ музыку, помочь ученикамъ почувствовать всю красоту природы и искусства. Первой мысли отвѣчаетъ образная метода скрипичной игры, второй—Метода Цвѣтъ-Звукъ-Число.

Сначала къ этой Методѣ отнеслись съ недовѣріемъ, и даже съ осужденіемъ, но встрѣтивъ теософовъ и, ознакомившись съ ихъ ученіемъ, я убѣдилась, что стою на вѣрномъ пути, и не смущаясь, продолжала работать *). Написавъ много пьесъ для начинающихъ скрипачей, я переложила ихъ на картины и дѣти исполняли ихъ въ школѣ. Одну изъ нихъ: „Гирлянда“, (пѣсня Троицына дня), дѣти спѣли хоромъ, иллюстрируя мой докладъ въ одномъ изъ открытыхъ собраній Теософическаго Общества въ Петербургѣ; и слушая ихъ чистые голоса, которые пѣли:

Собирайте же цвѣты
И вплетайте ихъ въ вѣнки,
Скоро праздникъ къ намъ придетъ,
Радость людямъ принесетъ
Мирные дни“...

*) Впослѣдствіи образная метода скрипичной игры и тѣсно связанная съ нею метода Цвѣтъ-Звукъ-Число, были разсмотрѣны художественнымъ Совѣтомъ С.-Петербургской Консерваторіи, одобрены и рекомендованы имъ.

„Гирлянда"

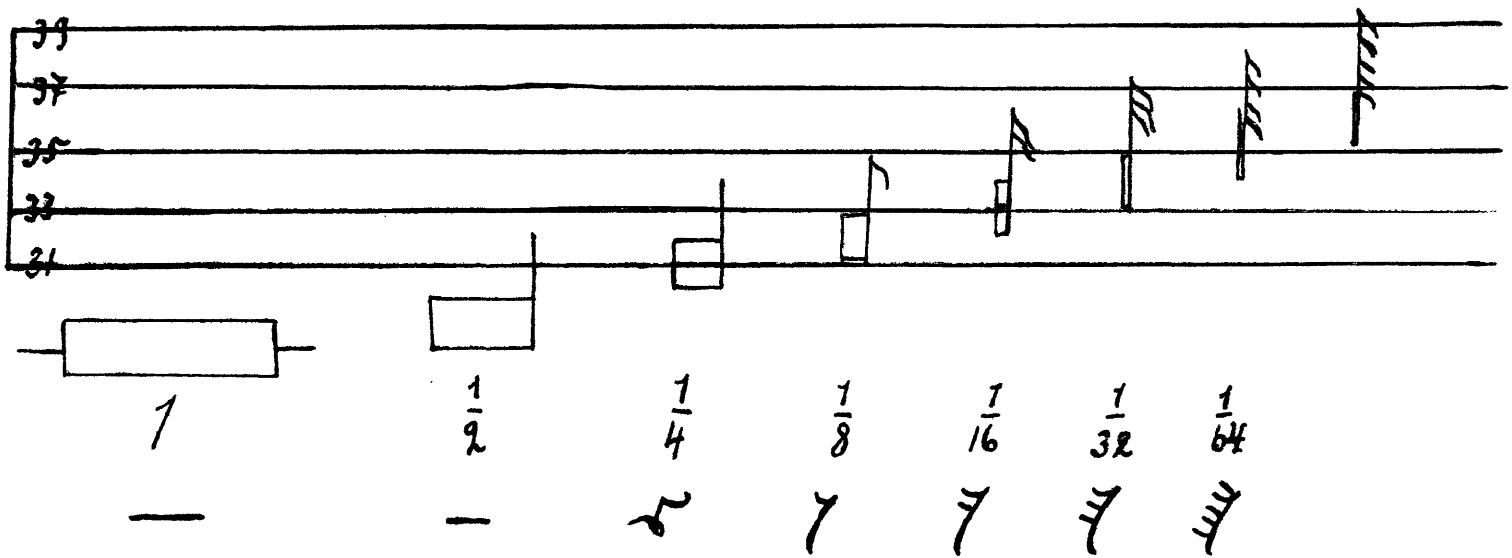

Пѣсня Троицына дня.

„Собирайте же цвѣты и вплетайте ихъ въ вѣнки
Скоро праздникъ къ намъ придетъ, радость людямъ принесетъ
Мирные дни"....

1	Цвѣтъ.	Красный,	оранжевый,	желтый,	зеленый,	голубой,	синій,	фіолетовый.
	Звукъ.	Do,	Ré,	Mi,	Fa,	Sol,	La,	Si.
	Число.	1,	2,	3,	4,	5,	6,	7.

2

Красн.	оранж.	желт.	зелен.	голуб.	синий	фиол.
Do	Ré	Mi	Fa	Sol	La	Si.
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31	32	33	34	35
36	37	38	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48	49
50	51	52	53	54	55	56
57	58	59	60	61	62	63
64	65	66	67	68	69	70
71	72	73	74	75	76	77
78	79	80	81	82	83	84
85	86	87	88	89	90	91
92	93	94	95	96	97	98
99	100	101	102	103	104	105
⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮

и т. д. до безконечности ...

Вспоминалось дѣтство, когда мы съ бабушкой, въ Троицинъ день, съ букетами въ рукахъ, входили въ старую деревенскую церковь полную молящихся...

Слова пѣсни Троицина дня сложились сами, въ связи съ ея красками, звуками и ритмомъ и эта пѣсня можетъ служить примѣромъ свободной композиціи, о которой говорится выше. Во время доклада цвѣтозвуковая картина этой пѣсни, въ формѣ большой гирлянды цвѣтовъ, на листѣ бумаги висѣла на одной стѣнѣ; на другой была эта же пѣсня, написанная цвѣтными нотами, тутъ же были таблицы и гаммы цвѣтозвуковъ. Тогда эта метода ограничивалась одними цвѣто-звуками, а числа присоединились къ ней позднѣе.

Мы были въ деревнѣ и сидѣли въ саду съ одной изъ моихъ новыхъ друзей теософокъ, работая надъ переводомъ статьи Дайна „Звукъ Созидатель". Мы занимались за деревяннымъ столомъ, врытымъ въ землю подъ столѣтней развѣсистой елью. Былъ жаркій іюльскій день и горячее солнце, какъ яркая звѣзда на верхушкѣ рождественской елки, сіяло надъ самой вершиной старой ели, озаряя и согрѣвая всю окрестность. Его лучи, перебѣгая по смолистымъ вѣтвямъ, падали къ намъ на столъ свѣтлыми солнечными пятнышками, которыя бѣгали по нашимъ книгамъ и тетрадямъ, когда поднимался вѣтеръ.

Иногда, отрываясь отъ работы, я думала о своей методѣ и о способахъ ее расширить и развить... Проникъ ли въ мое сознаніе свѣтлый лучъ солнца, пробудилъ ли онъ мою дремлющую мысль, но жгучее ощущеніе, какъ бы внезапнаго воспоминанія заставило меня вздрогнуть... И я поняла, что къ двумъ гаммамъ, цвѣтовой и звуковой, надо прибавить третью—числовую. Это тотчасъ же было сдѣлано, и появилась стройная система цвѣто-звуковъ-чиселъ, основанная на родствѣ соотношеній основныхъ и дополнительныхъ цвѣтовъ съ доминантовымъ сродствомъ музыкальныхъ звуковъ; и съ помощью семи чиселъ, создалась такая гармонія, которую не могу иначе назвать, какъ „Солнечной гармоніей", ибо семь чиселъ показатели семи спектральныхъ цвѣтовъ и семи звуковъ діатонической гаммы.

Въ цвѣто-звуко-числовыхъ кругахъ заключаются также и „мелодіи солнца", созданныя сложеніемъ чиселъ. Расположенныя на семи секторахъ круга, каждая изъ нихъ имѣетъ свое особое настроеніе.

Сдѣлавъ, съ помощью чиселъ нѣсколько различныхъ круговъ, осенью, я принесла одинъ изъ нихъ въ школу, и съ ра-

достью увидѣла, какое онъ на всѣхъ произвелъ хорошее впечатлѣніе и какъ ученикамъ было легко запоминать музыкальные звуки, съ помощью красокъ. Дѣти радовались и улыбались, глядя на этотъ кругъ и учитель рисованія сказалъ: „они радуются потому, что этотъ кругъ– солнце, въ немъ всѣ его цвѣта". И я старалась, по возможности чаще пользоваться этимъ маленькимъ солнцемъ на урокахъ пѣнія въ школѣ, чтобы вносить въ трудовой учебный день, какъ можно больше радости.

Когда система цвѣто-звуковъ-чиселъ оформилась, пришлось прочесть о ней рядъ докладовъ, въ разныхъ городахъ и предстояло сдѣлать сообшеніе о своихъ работахъ на V-мъ международномъ конгрессѣ Теософическаго Общества въ 1909 году въ Будапештѣ.

Сердце замирало отъ волненія, когда наступило время взойти на эстраду и встать рядомъ съ президентскимъ кресломъ, на которомъ, вся въ бѣломъ, свѣтлая и привѣтливая сидѣла Mrs. Besant... На противоположной стѣнѣ была большая картина: Ангелъ, широко раскрывъ крылья, уносился въ небеса, среди хорала облаковъ и розовой зари... Этимъ хораломъ, исполненнымъ на роялѣ, по цвѣтозвукамъ этой картины, окончился мой докладъ.

Черезъ нѣсколько дней Mrs. Besant, встрѣтивъ меня сказала: „Основы Вашей методы вѣрны, продолжайте работать, желаю Вамъ успѣха".

Эти слова окрылили меня, и зная, что завѣтъ этой свѣтлой женщины, этой Великой Души—все дѣлать во имя Любви и Единенія и на благо всѣмъ, я сказала въ своемъ сердцѣ: „Пусть этотъ святой завѣтъ будетъ основной нотой всѣхъ моихъ работъ"...

. . . .

. . . .

Прилагаю къ этому письму четыре рисунка:

Рис. 1-й: схема трехъ объединенныхъ параллельныхъ гаммъ, составляющихъ основу методы Цвѣтъ-Звукъ-Число.

Рис. 2-й: нотный станъ съ условными формами нотъ различной длительности и цифрованными линейками, замѣняющими ключи. Число 33 на второй линейкѣ замѣняетъ скрипичный ключъ *Sol* (нота La, обозначенная на „радугѣ цвѣтозвуковъ чиселъ числомъ 34, соотвѣтствуетъ музыкальному камертону 435 колебаній въ секунду). Если раскрасить ноты и линейки этой таблицы въ соотвѣтствующіе цвѣта, получится образецъ цвѣтозвукового нотописанія.

Рис. 3-й: „Радуга Цвѣто-Звука-Числа“. Ее слѣдуетъ раскрасить спектральными цвѣтами, взявъ для первой октавы (полной субконтроктавы), самые темные цвѣта, прибавляя къ нимъ по одной каплѣ воды (если таблица раскрашивается акварелью) для второй (контроктавы) по 2 капли, для третьей (большой октавы) и т. д.

Съ постепеннымъ повышеніемъ октавъ и увеличеніемъ чиселъ, ихъ цвѣта будутъ все свѣтлѣе и наконецъ они будутъ казаться бѣлыми, но въ этомъ кажущемся „бѣломъ“, которое мы такъ часто встрѣчаемъ въ природѣ и, которое кажется невозможно опредѣлить какъ какой-нибудь цвѣтъ, мы должны, съ помощью чиселъ и нашего сознанія, внутреннимъ зрѣніемъ и слухомъ различать въ немъ ноты гаммы цвѣтозвуковъ, имѣющія каждая свое опредѣленное настроеніе. Число 7, управляющее всей гармоніей цвѣтозвуковъ-чиселъ поможетъ опредѣлить цвѣтъ и звукъ какого бы то ни было большого числа, которое надо раздѣлить на семь, и если окажется остатокъ, онъ и будетъ показателемъ цвѣтозвуковой ступени, напр. остатокъ 1 будетъ показателемъ краснаго Do; 2—оранжеваго Re; 3—желтаго Mi и т. д. Если же число раздѣлится на 7 безъ остатка, это будетъ показателемъ его же фіолетоваго звука Si.

Рис. 4-й: Музыкальное послѣдованіе цвѣтовъ: „Гирлянда“. Ея басовая золотая нота *Re'bemol*, нота углубленнаго созерцанія, она опредѣляетъ тональность и настроеніе картины и является фономъ, на которомъ постепенно развертывается гирлянда цвѣтовъ. Сначала въ гирлянду вплетены самые нѣжные и свѣтлые цвѣты, а къ концу, цвѣты болѣе глубокихъ оттѣнковъ. Основная нота *Re'bemol*, переходя въ темно-голубыя и синія ноты молитвеннаго настроенія (*La bemol* и *Sol bemol*), возвращается къ своему основному цвѣту въ заключительномъ аккордѣ, въ которомъ гирлянда цвѣтовъ кончается, и какъ бы завязывается мягкой шелковистой темно-синей лентой нотъ Ré bemol, La bemol и Fa съ ихъ зелеными и золотыми отливами цвѣтовъ павлиньихъ перьевъ.

Эта музыкальная картинка есть образецъ свободной цвѣтозвукой композиціи; она написана въ бемольныхъ тонахъ, потому что бемольныя тональности отвѣчаютъ углубленному настроенію души, выражающемся вдумчивымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ лица; тогда какъ тональности діэзовъ, выражаютъ настроеніе раскрывающейся души и свѣтлую улыбку на лицѣ.

Цвѣтозвуковую картину „Гирлянда“ надо нарисовать и въ краскахъ передать глубину настроенiя ея золотого фона, серебристый звонъ голосовъ свѣтлыхъ цвѣточковъ и бархатную нѣжность темныхъ, сливающихся въ одну гармонiю аромата и свѣта...

А. Унковская.

Есть одинъ высшiй разумъ, превосходящiй всѣ человѣческiе умы. Онъ далекъ и близокъ. Онъ проникаетъ всѣ мiры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до безконечности выше ихъ.

Человѣкъ, который видитъ, что всѣ вещи содержатся въ высшемъ духѣ, и что высшiй духъ проникаетъ всѣ существа, не можетъ относиться съ презрѣнiемъ ни къ какому существу.

Для того, для кого всѣ духовныя существа въ слiянiи съ высшимъ, не можетъ быть мѣста для обмана или для печали.

Тѣ, кто невѣжественны, преданы однимъ обрядамъ религiи, находятся въ густомъ мракѣ, но тѣ, кто преданы только безплоднымъ размышленiямъ, находятся въ еще большей темнотѣ.

Упанишады изъ Ведъ.

Месса привидѣній.

Разсказъ **Анатолія Франсъ.**

Вотъ что разсказывалъ мнѣ пономарь церкви св. Евлаліи въ Невиль-д'Омонѣ, сидя со мной въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ подъ зеленымъ трельяжемъ „Бѣлой Лошади" и распивая бутылочку стараго вина за здоровье зажиточнаго покойника, котораго онъ этимъ утромъ спустилъ въ землю съ большимъ почетомъ, подъ богатымъ шелковымъ покровомъ, усѣяннымъ красивыми серебряными звѣздами.

„Мой бѣдный покойный родитель (это говоритъ пономарь) былъ при жизни могильщикомъ. У него былъ очень пріятный складъ мыслей, что, по всей вѣроятности, происходило отъ его занятія; ибо замѣчено, что работающія на кладбищахъ лица отличаются настроеніемъ веселымъ и легкимъ. Смерть не пугаетъ ихъ: они и не думаютъ о ней никогда. Я, говорящій съ вами, сударь, вхожу на кладбище по ночамъ съ такимъ же спокойствіемъ, какъ подъ навѣсъ „Бѣлой Лошади", а если случаемъ и встрѣтится привидѣніе, я ни чуточки не безпокоюсь по той простой причинѣ, что оно можетъ идти по своимъ дѣламъ точь-въ-точь, какъ и я иду по своимъ. Я очень хорошо знаю привычки покойниковъ и ихъ характеръ. Мнѣ извѣстны о нихъ такія вещи, какихъ сами священники не знаютъ. И если бы я поразсказалъ все, что видѣлъ, вы бы диву дались. Но не обо всѣхъ истинахъ можно говорить открыто, и мой отецъ, который таки любилъ поразсказать разныя исторіи, не открылъ и двадцатой части изъ того, что ему было извѣстно. За то онъ повторялъ очень часто однѣ и тѣ же исторіи и я думаю, что онъ разсказалъ никакъ не менѣе ста разъ приключенія Катерины Фонтэнъ.

Катерина Фонтэнъ была старая барышня, которую онъ видѣлъ своими глазами, когда былъ маленькимъ паренькомъ. Я не

удивлюсь, если найдутся въ странѣ два—три старика, которые помнятъ, что слышали о ней, ибо она была очень извѣстна и пользовалась прекрасной репутаціей, хотя и была бѣдна. Она жила на улицѣ Монахинь въ башенькѣ, которую вы можете увидѣть и до сихъ поръ; принадлежала она старому полуразрушенному дому, выходящему къ садамъ Урсулитокъ. На этой башенькѣ можно видѣть и до сихъ поръ фигуры и надписи, наполовину стертыя. Покойный кюрэ св. Евлаліи, г-нъ Левассеръ, увѣрялъ будто тамъ написано по латыни, что *любовь сильнѣе смерти.* Къ этому онъ прибавляетъ всегда, что дѣло идетъ о божественной любви.

Катерина Фонтэнъ жила одна-одинешенька въ этомъ маленькомъ помѣщеніи. Она была кружевница. А вамъ извѣстно, вѣроятно, что кружева въ нашей странѣ пользовались въ прежнія времена большой извѣстностью. У нея не было ни родныхъ, ни друзей. Разсказывали, что въ 18 лѣтъ она любила молодого шевалье д'Омонъ-Клэри, съ которымъ она была тайно обручена. Но знатные люди не хотѣли вѣрить этому, считали все это сказкой, придуманной по тому, что Катерина Фонтэнъ походила болѣе на даму, чѣмъ на работницу, и носила подъ своимы бѣлыми волосами слѣды большой красоты; и еще потому, что у нея всегда былъ грустный видъ и носила она на одномъ изъ пальцевъ перстень, на которомъ были вырѣзаны двѣ маленькія соединенныя руки. Такими перстнями въ старину часто обмѣнивались при обрученіи. Въ чемъ тутъ было дѣло, вы скоро узнаете изъ моего разсказа.

Катерина Фонтэнъ жила какъ святая. Она аккуратно ходила въ церковь и каждое утро—какая бы ни была погода—въ 6 часовъ отправлялась на утреннюю мессу въ церковь св. Евлаліи.

Только разъ, въ темную декабрьскую ночь, когда она уже лежала въ постели въ своей свѣтелкѣ, ее разбудилъ перезвонъ колоколовъ; не сомнѣваясь, что это звонили къ ранней обѣднѣ, благочестивая дѣвушка одѣлась и спустилась на улицу, гдѣ ночь была такъ черна, что нельзя было различить домовъ и не было видно ни единаго просвѣта на почернѣвшемъ небѣ. И была такая мертвая тишина среди этой тьмы, что не было слышно даже отдаленнаго собачьяго лая и можно было почувствовать себя совсѣмъ оторваннымъ отъ всего живого. Но Катерина Фонтэнъ, которая знала наизусть каждый камешекъ на дорогѣ и могла дойти до церкви съ завязанными глазами, безъ труда достигла угла улицы Монахинь и Приходской, гдѣ находится деревянный домъ съ деревомъ Іессея, вырѣзаннымъ на толстой балкѣ. Подойдя къ этому мѣсту, она увидала, что двери церкви были настежь открыты и

изнутри изливался свѣтъ отъ множества зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Она продолжала идти и, минуя притворъ, очутилась среди многочисленнаго сборища, наполнявшаго церковь. Но она не узнавала никого и была очень удивлена, что всѣ молящіеся были въ одеждахъ изъ бархата и парчи, съ большими перьями на шляпахъ и со шпагами на боку, по модѣ давно прошедшихъ временъ. Были тамъ и знатные вельможи, державшіе въ рукахъ высокія трости съ золотыми набалдашниками, и знатныя дамы съ покрытой кружевами прической, прихваченной гребнемъ въ видѣ діадемы. Кавалеры ордена св. Людовика предлагали руку нряднымъ дамамъ, прикрывавшимъ вѣерами раскрашенныя лица, отъ которыхъ только и было видно, что напудренный високъ, да черная мушка на верхней части щеки.... И всѣ они переходили съ мѣста на мѣсто безъ всякаго звука, и когда они шли, не слышно было ни шума шаговъ по каменнымъ плитамъ церкви, ни шуршанія шелковыхъ тканей. Боковые притворы наполнились толпой молодыхъ ремесленниковъ въ коричневыхъ курткахъ, штанахъ изъ толстой матеріи и въ голубыхъ чулкахъ; они обнимали за талію молоденькихъ дѣвушекъ съ розовыми щеками и опущенными глазами. А около кропильницы крестьянки въ красныхъ юбкахъ и въ переплетенныхъ на груди корсажахъ садились на полъ съ спокойствіемъ домашнихъ животныхъ, а позади ихъ стояли молодые парни, вытаращивъ глаза и вертя въ пальцахъ свои шляпы. И всѣ эти молчаливыя лица казались на-вѣки застывшими съ одной и той же мыслью, кроткой и грустной.

Преклонивъ колѣни на своемъ обычномъ мѣстѣ, Катерина Фонтэнъ увидала священника, идущаго къ алтарю, предшествуемаго двумя церковными служками. Она не узнала ни священника, ни служекъ. Обѣдня началась. Это была молчаливая месса, ни единаго звука не исходило изъ шевелящихся губъ и молча раскачивались серебряные колокольчики. Катерина Фонтэнъ чувствовала на себѣ взоры своего таинственнаго сосѣда и, посмотрѣвъ на него исподтишка, почти не поворачивая головы, она узнала молодого шевалье д'Омонъ-Клери, который любилъ ее и былъ похороненъ 45 лѣтъ назадъ. Она узнала его по маленькой отмѣтинѣ, которую онъ имѣлъ подъ лѣвымъ ухомъ и въ особенности по тѣни, которую отбрасывали его длинныя черныя рѣсницы. Онъ былъ одѣтъ въ охотничій костюмъ, красный съ золотыми галунами, который онъ носилъ въ тотъ день, когда, встрѣтивъ ее въ лѣсу св. Леонарда, попросилъ у нея напиться и сорвалъ съ ея устъ первый поцѣлуй. Онъ сохранилъ свою молодость и свой прекрасный видъ; улыбка

его открывала зубы, такіе же бѣлые и крѣпкіе, какъ у молодого волка. Катерина сказала ему потихоньку:

„Мой господинъ, вы, который были мнѣ другомъ и которому я отдала все, что дѣвушка можетъ отдать, да хранитъ васъ Господь своей милостью! И да пошлетъ Онъ мнѣ раскаяніе въ грѣхѣ, который я совершила съ вами; ибо воистину, доживъ до бѣлыхъ волосъ и стоя на порогѣ смерти, я все же не могу раскаяться, что любила васъ. Но скажите мнѣ, мой усопшій другъ и прекрасный господинъ, *кто* эти люди въ древнихъ костюмахъ, слушающіе здѣсь эту безмолвную мессу“?

Шевалье д'Оманъ-Клэри отвѣчалъ голосомъ слабымъ, какъ легкое дуновеніе и въ то же время яснымъ, какъ кристаллъ.

„Катерина, эти мужчины и эти женщины—души изъ чистилища, оскорбившіе Бога такимъ же грѣхомъ, какимъ мы согрѣшили съ тобой, но которые не удалены за это отъ Бога, ибо ихъ грѣхъ былъ—какъ и нашъ—безъ дурного умысла.

„Разлученные съ тѣми, которыхъ они любили на землѣ, они очищаются въ неугасимомъ огнѣ чистилища, они страдаютъ мученіемъ разлуки, и это мученіе для нихъ самое жестокое. Они такъ несчастны, что ангелъ съ небесъ сжалился надъ ихъ любовной мукой. Съ дозволенія Божія, онъ соединяетъ ежегодно, въ теченіе одного ночного часа, разлученныхъ друзей въ ихъ приходской церкви, гдѣ имъ дозволено прослушать обѣдню, держа одинъ другого за руку. Я сказалъ тебѣ всю правду. И если мнѣ позволено увидать тебя здѣсь, передъ твоей смертью, Катерина, это не могло совершиться безъ соизволенія Господня“.

На что Катерина Фонтэнъ отвѣтила:

„Я согласилась бы умереть, чтобы вернуть красоту тѣхъ дней, когда ты приходилъ ко мнѣ въ лѣсъ и я давала тебѣ воды, мой усопшій господинъ“.

Въ то время какъ они потихоньку разговаривали такимъ образомъ, очень старый каноникъ обходилъ церковь съ большимъ мѣднымъ блюдомъ и всѣ присутствующіе одинъ за другимъ бросали на него старинныя монеты, вышедшія давно изъ употребленія: экю въ шесть ливровъ, флорины, дукаты и другія, и всѣ эти монеты падали, не производя никакого шума. Когда мѣдное блюдо достигло до шевалье д'Омонъ-Клэри, онъ опустилъ на него луидоръ, который не произвелъ никакого звука такъ же, какъ и другія золотыя и серебряныя монеты.

Затѣмъ, старый каноникъ остановился передъ Катериной Фонтенъ, которая опустила руку въ карманъ, но къ своему боль-

шому горю не нашла ни одного ліарда. Тогда, желая непремѣнно дать и свою лепту, она сняла съ пальца кольцо, которое шевалье далъ ей наканунѣ своей смерти, и бросила его на мѣдное блюдо. Золотое кольцо, падая, зазвучало какъ тяжелый ударъ колокола и при этомъ звукѣ всѣ—шевалье, каноникъ, патеръ, церковные служки, дамы и кавалеры, и всѣ присутствующіе, исчезли безъ слѣда; свѣчи погасли и Катерина Фонтэнъ осталась одна во мракѣ.

Закончивъ такимъ образомъ свой разсказъ, пономарь выпилъ залпомъ стаканъ вина, пробылъ нѣсколько мгновеній въ задумчивости, а затѣмъ заговорилъ:

„Я разсказывалъ вамъ эту исторію такъ, какъ разсказывалъ ее мой отецъ сотни разъ, и я думаю что она истинная, потому что она вполнѣ совпадаетъ съ нравами покойниковъ, которые я наблюдаю уже много лѣтъ. Я былъ очень много около мертвецовъ съ самаго дѣтства и я знаю, что они сохраняютъ свои привязанности.

Возьмите умершихъ скрягъ: они бродятъ по ночамъ около сокровищъ, которыя прятали при жизни. Они неусыпно стерегутъ свои деньги: но это имъ служитъ не въ пользу, а во вредъ, такъ какъ нерѣдко въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бродятъ привидѣнія, копаютъ землю и находятъ зарытое золото. Точно также и покойные мужья являются по ночамъ и мучаютъ своихъ женъ, вышедшихъ вторично замужъ, и я бы могъ назвать вамъ нѣсколькихъ, которые послѣ смерти охраняли своихъ женъ лучше, чѣмъ при жизни.

Этихъ я, по правдѣ, сказать, никогда не одобрялъ; покойникамъ совсѣмъ не слѣдовало бы ревновать; но я разсказываю вамъ то, что самъ наблюдалъ, и вотъ почему нужно очень остерегаться, когда берешь въ жены вдову. Кромѣ всего этого, исторія, которую я вамъ разсказалъ, подтверждается вотъ чѣмъ: по утру, послѣ этой необыкновенной ночи, Катерина Фонтэнъ была найдена въ своей комнатѣ мертвой. А церковный сторожъ св. Евлаліи нашелъ на другой день на мѣдномъ блюдѣ, служившемъ для сбора денегъ, золотое кольцо съ двумя соединенными руками. Да и я не таковскій, чтобы придумывать сказки для забавы!

Не спросить ли намъ еще бутылочку вина?“...

Пер. Е. П.

Дѣти-рыцари.

Организація нашихъ потѣшныхъ, получившая въ послѣднее время столь широкое распространеніе, не смотря на сказавшіеся уже во многихъ случаяхъ довольно плачевные результаты, невольно просится на сопоставленіе съ англійскими мальчиками-развѣдчиками (Boy Scouts). Въ Англіи ихъ насчитывается уже болѣе 150.000 человѣкъ; 40.000 мальчиковъ приходится на долю другихъ государствъ, такъ какъ въ принципѣ каждая національная группа Boy Scouts'овъ является лишь отдѣльной ячейкой своего рода всемірнаго дѣтскаго рыцарскаго ордена World Scoout, имѣющаго цѣлью зарожденія и укрѣпленія идей всемірнаго братства, внѣ всякой партійности религіозной или политической.

Хотя первая идея основанія ордена принадлежитъ англійскому генералу Baden Powell (Баденъ Поуэль), нѣкоторое увлеченіе его узко націоналистическими тенденціями привело къ тому, что его блестящій помощникъ—Sir Francis Vane, не разрывая дружескихъ отношеній, все же отдѣлился отъ него и уже вполнѣ самостоятельно основалъ въ 1909 г. нынѣ дѣйствующее братство англійскихъ Boy Scouts'овъ на совершенно иныхъ, чѣмъ его бывшій принципалъ, основаніяхъ. Извлеченіе изъ статутовъ дастъ объ этомъ братствѣ достаточно яркое понятіе. Главный ихъ девизъ: „Выносливое тѣло, ясный умъ, открытое сердце".

Передъ вступленіемъ въ орденъ 10—15-лѣтніе рыцари даютъ слѣдующій обѣтъ:

1. Честью свидѣтельствую, что хочу выполнить свой долгъ передъ Богомъ, королемъ и отечествомъ.

2. Честью свидѣтельствую, что хочу безъ страха наказанія или желанія наградъ, всячески покровительствовать слабымъ, защищать находящихся въ нуждѣ и помогать своему ближнему.

3. Честью обязываюсь исполнять законъ Scouts'овъ.

Законъ же Scouts'овъ выражается въ слѣдующихъ правилахъ:

1. Можно вѣрить слову Scout'а и каждый изъ нихъ долженъ имѣть полное довѣріе къ слову брата своего Scout'а и помогать ему.

2. Каждый Scout другъ всякаго живого существа, будь то человѣкъ или животное, и братъ каждаго Scout'а счастливаго или несчастнаго, богатаго или бѣднаго.

3. Всякій Scout честно выполняетъ свой долгъ (logal) по отношенію къ своимъ родителямъ, къ своимъ офицерамъ и къ своимъ товарищамъ, каково бы ни было ихъ положеніе. Онъ немедленно и сознательно исполняетъ данное ему приказаніе; это послушаніе не механическое, а вытекаетъ изъ чувства симпатіи къ тому, кто приказываетъ, а также изъ сознанія своей отвѣтственности.

4. Всякій Scout со всѣми вѣжливъ, потому что онъ силенъ и увѣренъ въ своемъ положеніи. Тѣмъ самымъ онъ уважаетъ права другихъ.

5. Scout всегда веселъ и идетъ на работу и на усталость съ веселымъ лицомъ.

6. Всякій Scout бережливъ, не будучи мелочнымъ. Сознаніе долга и отвѣтственности, личная иниціатива, умѣніе добровольно подчиняться самимъ выбранному авторитету, выработка въ себѣ тѣхъ качествъ, которыя объединяются въ общемъ идеальномъ образѣ подлиннаго рыцаря безъ страха и безъ упрека, горячая отзывчивость ко всему міру въ связи съ искренней преданностью своей странѣ, наконецъ, поэтическое живое общеніе съ братьями-рыцарями другихъ странъ—какъ-то само собой должно послужить залогомъ новой ячейки-людей, которые и на болѣе широкомъ поприщѣ политической, религіозной и экономической жизни, „взрослые", сумѣютъ провести тѣ же идеалы „рыцарства", что руководили ими въ юности.

Практическое примѣненіе принятыхъ на себя обязательствъ, помимо повседневной жизни, Scout'ы осуществляютъ періодическими сборами (обыкновенно по праздникамъ), во время которыхъ нѣкоторые отправляются со своими „офицерами" въ загородныя экскурсіи и даже небольшія путешествія. Тамъ, на лонѣ природы, живя полувоенной бивачной жизнью, готовя себѣ обѣдъ подъ открытымъ небомъ, перенося неизбѣжныя подчасъ лишенія и неудобства, молодые рыцари и вырабатываютъ въ себѣ необходимыя физическія и духовныя свойства, стремясь всюду, однимъ своимъ появленіемъ вносить больше радости, бодрости и любви.

Среди нихъ имѣются уже двѣнадцати-лѣтніе герои, рисковавшіе собственной жизнью для спасенія другихъ.

Такъ, безъ расчета на награду, которая уже лежитъ въ сознаніи исполненнаго долга, безъ рабской боязни наказанія, ибо для рыцаря единственное наказаніе это—чувствовать себя недостойнымъ своего почетнаго званія,—вырабатывается свободная человѣческая личность, умѣющая повиноваться высокому чувству долга не за страхъ, а за совѣсть.

Е. Кузминъ.

О сынъ человѣческій! для всего есть свой знакъ, и знакъ любви—терпѣніе въ испытаніяхъ, ниспосылаемыхъ Мною.

Всѣ живыя существа были созданы Любовью, да живутъ они въ дружбѣ и единеніи!—таково повелѣніе Единаго.

О дѣти Свѣта! вы—сокровища Мои, ибо въ васъ Я собралъ перлы Тайнъ Моихъ, драгоцѣнные камни Знанія Моего.

Языкъ любви привлекаетъ сердца; онъ—мечъ Духа; онъ создаетъ истинную связь между мыслью и ея выраженіемъ; рѣчл Любви—какъ бы небеса для выходящаго Солнца Мудрости и Знанія.

О сынъ Духа! да будетъ сердце твое исполнено добра, чистоты и свѣта, ибо только въ такомъ сердцѣ Царство Божіе, Вѣчное, Непреходящее.

Книга достовѣрности. (Таблички Бэа-Улла).

Обозрѣніе Теософической литературы.

Въ Theosophist'ѣ мы читаемъ статью А. Л. Погосской (Дана), озаглавленную „Трудъ есть Любовь“, въ которой она излагаетъ мысль, что трудъ есть естественный импульсъ человѣка, который онъ ощутилъ, какъ только вступилъ въ благоуханный храмъ природы—храмъ космической, безконечной, безпрестанной и организованной работы, храмъ, гдѣ все прекрасно и гармонично. Съ той самой поры, какъ человѣкъ сталъ строить свое жилище, дѣлать свою одежду, трудъ сталъ нести на себѣ отпечатокъ трудящагося. По мѣрѣ развитія эгоизма человѣка, развился и эгоистическій трудъ, давшій нашу современную шумную, издерганную цивилизацію, создавшую въ свою очередь добровольныхъ рабовъ принудительнаго труда, исполняемаго съ ненавистью въ сердцѣ. На первомъ мѣстѣ сталъ заработокъ, а не трудъ, и человѣчество забыло, что основной принципъ всякой работы есть любовь, а любовь есть творчество на всѣхъ планахъ бытія, отъ самаго высокаго вплоть до нашего физическаго міра; потому то всякій трудъ, исполненный съ любовью не пропадаетъ безслѣдно, а на многіе годы сохраняетъ свое вліяніе и даетъ творческій импульсъ въ своей области. Машинное производство обезличило трудъ, вытѣснило ту искру любви и, слѣдовательно, творчества, что вкладывалось въ прежнія времена ремесленникомъ въ свое произведеніе. И вслѣдствіе этого авторъ статьи является убѣжденной поборницей народнаго ручного труда, какъ выраженіе закона, лежащаго въ основѣ идеи труда: закона любви и творчества.

Прекрасная статья баронессы д'Азбекъ: „Этика и жизнь“ также вводитъ насъ въ тайники законовъ жизни. Съ уменьшеніемъ религіознаго чувства и вѣры въ непреложность догматовъ, проповѣдуемыхъ церковью, невѣрующая часть человѣчества осталась безъ руководящей нити въ области этики и морали. Какъ жить и зачѣмъ жить такъ, а не иначе? Сильныя души находятъ въ себѣ

самихъ ту „совѣсть,“ что, будучи превосходнѣе всякой писанной морали, ведетъ ихъ къ источнику жизни вѣчной. Слабыя же души нуждаются въ стройной системѣ этическихъ законовъ. Какъ же составить эту систему и чѣмъ ее обосновать? спрашиваетъ авторъ. Современный моментъ человѣческой эволюціи требуетъ перенесенія всякаго, даже отвлеченнаго вопроса на почву научности, т. е. превращенія его изъ субъективнаго въ объективный и подчиненія его незыблемымъ законамъ. Цѣлымъ рядомъ разсужденій авторъ приходитъ къ выводу, что единственнымъ незыблемымъ закономъ всякой нашей дѣятельности есть жизнь. А законъ жизни вкратцѣ таковъ: „Всякое живое существо сохраняетъ себя, растетъ и воспроизводитъ себя“. Допустивъ тождество нравственныхъ законовъ съ законами біологическими, мы можемъ сказать: „Все, что стремится къ сохраненію, росту и воспроизведенію жизни, нравственно.“ Затѣмъ мы видимъ, что развитіе жизни—выражается въ медленномъ и непрерывномъ ростѣ сознанія и что, чѣмъ шире сознаніе, тѣмъ оно болѣе сообразно съ закономъ жизни, слѣдовательно, все, что способствуетъ развитію сознанія—нравственно; причемъ это развитіе совершается двумя путями: путемъ знанія и путемъ чувства, т. е. любви; на извѣстной высотѣ знаніе и любовь сливаются, потому что знаніе, есть совершенная любовь, а любовь есть совершенное знаніе, и сознаніе, вмѣщающее и то и другое, включаетъ въ себѣ всю вселенную и всѣ проявленія человѣческаго духа. Но мы видѣли, что законъ жизни вмѣщаетъ не только расширеніе сознанія, но и воспроизведеніе жизни. Тутъ мы опять-таки возьмемъ точкой отправленія физическую эволюціонную теорію жизни, опирающуюся, согласно Спенсеру, на законы жертвы. Индивидуумъ воспроизводитъ себя только, жертвуя частицей себя. Это естественный, безсознательный альтруизмъ, переходящій черезъ стадію автоматическаго психологическаго альтруизма въ добровольную, радостную жертву. Точно также душѣ, достигнувъ зрѣлости, естественно жить для другихъ; эгоизмъ является для нея самоубійствомъ, потому что онъ влечетъ за собой нарушеніе трехъ основныхъ законовъ жизни: знанія, любви и жертвы. А эти три высшія добродѣтели составляютъ одинъ изъ незыблемыхъ законовъ жизни; гдѣ онъ нарушается, тамъ нарушается не только этика, но ложно понимается сама жизнь.

„Прослѣдивъ законы жизни до конечныхъ ея результатовъ, мы, взявъ точкой отправленія біологію, достигли высшаго философскаго и религіознаго пониманія этики и выяснили, что жизнь есть лишь постепенное расширеніе сознанія и что все,

содѣйствующее его росту, нравственно. Карлейль сказалъ, что „величіе человѣка составляетъ причину его страданія“ Мы, дѣйствительно, достигли того момента, когда эгоистичная узкая жизнь для насъ уже неестественна. Мы замкнулись въ скорлупу себялюбія, но она уже стала тѣсна для насъ, и мы бьемся о прутья нашей клѣтки, оставаясь въ ней лишь потому, что у насъ не хватаетъ смѣлости разбить ее и полетѣть навстрѣчу неизвѣстному. Но тѣ, кто рѣшились на это, познали что такое блаженство; и иначе и не можетъ быть, потому что осуществленіе полноты жизни можетъ дать только счастье. Человѣческое существо стремится къ болѣе широкой жизни, стремится выйти изъ круга своей личности, и онъ счастливъ только, когда въ центрѣ своего существованія ставитъ не себя, а другого человѣка, дѣло или идею, это мы видѣли и въ томъ счастьи, что даетъ обыденная любовь между людьми. Быть и въ бытіи расширяться и давать—вотъ законъ жизни, законъ этики, законъ счастья. Природа есть лучшая книга. Почитайте ее и „когда“ вы увидите безпредѣльное великодушіе природы, вмѣщающей въ себѣ все, посылающей дождь и солнечные лучи на праведныхъ и неправедныхъ, вы поймете, что, дѣйствительно, значитъ любовь и терпимость. Когда вы увидите, что жизнь одного постоянно употребляется для жизни другого, вы поймете, что жертва,—явленія самое естественное. Когда вы увидите, что цвѣты цвѣтутъ въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ міра, и что они—цвѣты просто потому, что въ ихъ природѣ быть таковыми— вы поймете значеніе смиренія, простоты и радость бытія .... Этика есть божественная жизнь въ мірѣ, и моралисты слишкомъ часто бываютъ ложными пророками, распространяющими мракъ вмѣсто свѣта и сѣющими терніе на путяхъ и безъ того достаточно тяжелыхъ“.

Рядомъ съ вышеозначенной статьей можно указать на другую, принадлежащую перу Іоганна Ванъ-Манена, озаглавившаго ее: „Теософія и доктрина“ и выясняющаго въ ней этику отношеній теософа къ теософіи. Авторъ затрудняется опредѣлить, что такое теософъ. Это не просто хорошій человѣкъ, потому что многіе хорошіе люди не подходятъ подъ наименованіе теософа; иногда теософія отождествляется съ мистицизмомъ, но опять-таки многихъ мистиковъ трудно назвать теософами; теософы также и не люди, поднявшіеся надъ отдѣльными вѣрованіями и пріобщившіеся къ одной всемірной религіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ нельзя было бы говорить о теософахъ—христіанахъ, теософахъ—буддистахъ и т. п. Оставляя этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, г. Ванъ

Маненъ далѣе говоритъ, что всѣ мы, теософы, восхищались сперва ученіями о кармѣ, о перевоплощеніи, объ учителяхъ и посвященіяхъ, объ эволюціи и т. д.; но въ послѣдствіи многіе изъ насъ почувствовали, что за всѣми этими ученіями стоитъ жизнь ихъ, что-то неумирающее, съ чѣмъ мы соприкоснулись и что не можетъ погибнуть, хотя бы всѣ ученія теософіи и измѣнились бы или проявились бы въ иной, чуждой намъ формѣ, приспособленной къ инымъ условіямъ эволюціоннаго момента человѣчества. Это то нѣчто непередаваемое и есть теософія и, смотря по тому, будетъ ли большинство теософовъ разсматривать тѣ или иныя ученія существенными для жизни теософіи или оно признаетъ, что доктрины являются лишь одеждами, которыя отбрасываются, какъ только онѣ исполнили свою миссію и придаетъ высшую цѣну, именно, тому духу, что животворитъ и поднимаетъ человѣка, помимо всякихъ доктринъ и ученій, смотря по тому, пойдетъ ли большинство теософовъ по тому или по другому изъ очерченныхъ путей, теософія станетъ доктринальной религіей или непосредственнымъ, живымъ неустаннымъ будителемъ жизни и духа въ человѣчествѣ. „Всякій споръ объ ученіяхъ, о грядущемъ ли Христѣ или о какой-нибудь іогѣ въ греческомъ словѣ составляетъ признакъ приверженности къ внѣшности, и оторванности отъ сути вещей. Я лично отъ всего сердца желаю: пусть наши руководители другъ другу противорѣчатъ (какъ они, къ счастью, уже дѣлали), исправляютъ собственныя свои положенія, мѣняютъ свои точки зрѣнія и оставляютъ намъ достаточно трудностей, чтобы мы, разрѣшая ихъ каждый по-своему, тѣмъ самымъ спасли Теософическое Общество, отъ готовой, приложенной безжизненной въ совершенствѣ кодифицированной системы догматовъ, которая убьетъ духъ и остановитъ, свободно льющееся вдохновеніе живой теософіи. Теософическія доктрины являются лишь „тѣнями, обрисовывающими реальности,“ и если теософы это поймутъ, то въ ихъ средѣ будутъ святые и мудрецы; если же нѣтъ, то они превратятся въ теософическихъ богослововъ и школьныхъ учителей и утратятъ соприкосновеніе съ жизненнымъ пульсомъ, свободно и вольно бьющимся во Вселенной, который и составляетъ истинную теософію.“

Та же нота звучитъ въ словахъ, сказанныхъ Президентомъ въ ея рѣчи, обращенной въ Парижѣ къ мѣстнымъ теософамъ: „мы составляемъ общество изслѣдователей; мы сообщаемъ и отмѣчаемъ въ нашихъ лекціяхъ и книгахъ результаты нашихъ изслѣдованій; но они не представляютъ изъ себя ни откровеній,

ни догматовъ; мы не требуемъ сильной вѣры; мы не желаемъ, чтобы слушатели и читатели лишь повторяли ученіе, излагаемое въ нашихъ книгахъ; каждый долженъ учиться самъ; надо пріучать себя, изучая и читая книги руководителей, видѣть въ нихъ лишь неполныя изслѣдованія, а не священныя Писанія. Упражняйте вашъ критическій разумъ безъ чего нельзя различить истину отъ заблужденія. Среди насъ нѣкоторые знаютъ больше другихъ, но они вовсе не желаютъ навязывать свои мысли другимъ. Никто не имѣетъ права навязывать другимъ личныя убѣжденія, и полнѣйшая свобода въ изысканіяхъ и въ мнѣніяхъ должна была бы быть главной характеристикой Теософическаго Общества.“

Въ нѣмецкомъ журналѣ „Die Theosophie“ мы читаемъ интересную статью Феергофа о „Фотографіи мысли,“ въ которой онъ излагаетъ методы, которыми осуществляется „иконографія или психографія“, т. е. фиксированіе на чувствительныхъ пластинкахъ мысленныхъ образцовъ. Д-ръ Барадюкъ достигалъ удовлетворительныхъ результатовъ, заставляя субъекта, надъ которымъ производились опыты, касаться кончиками пальцевъ пластинки, причемъ комната оставалась въ темнотѣ и была насыщена сильнымъ электрическимъ токомъ или „вихремъ,“ какъ выразился Барадюкъ. Дальнѣйшіе экспериментаторы, какъ Дарже, прикладывали пластинку ко лбу, вызывая такимъ путемъ изображеніе на ней мыслей; наконецъ, Лефранкъ придумалъ способъ, при помощи котораго изображенія получались безъ прикосновенія рукъ къ пластинкѣ, на пути необходимо было держать мысль, сосредоточенной на одномъ объектѣ не менѣе 1/4 ч. Какой переворотъ, говоритъ авторъ названной статьи, можетъ произвести въ живописи это необычайное открытіе. Художникъ будетъ отнынѣ въ состояніи, сотворивъ въ умѣ ясный образъ своей картины, прямо запечатлѣвать ее на пластинкѣ во всемъ совершенствѣ красоты и формы, не прибѣгая къ посредничеству кистей и политры, нерѣдко искажающія идеальные образы, созданные въ умѣ.

The Path содержитъ прекрасную статью Денлопа: „Сознаніе и матерія,“ въ которой онъ говоритъ, что человѣкъ представляетъ тріаду: духъ или сознаніе, душа или воля, тѣло или матерія. „Сознаніе есть единая реальность. Всѣ наши жертвы, къ сожалѣнію, приносятся нами не сознанію, а вѣчно мѣняющимся богамъ. Никто еще не разрѣшилъ тайну сознанія. Большинство изъ насъ поклоняются сознанію чрезъ безконечное число формъ и состо-

яній. Сознаніе не есть ни матерія, ни пространство, ни субстанція, но мы находимъ сознаніе въ каждой точкѣ пространства внутри и вокругъ каждаго атома матеріи. Оно никогда не мѣняется.

Мы постоянно слышали разсужденія объ измѣненіяхъ въ состояніяхъ сознанія. Мнѣ кажется, что здѣсь кроется ошибка. Сознаніе одинаково въ кристаллѣ, вьющемся плющѣ, въ животномъ, въ человѣкѣ, въ богѣ. Матерія же вѣчно мѣняется. Когда мы говоримъ объ измѣненіяхъ въ сознаніи, мы въ дѣйствительности говоримъ о матеріи, черезъ которую выражается сознаніе. Оно отражается или выражается чрезъ матерію и намъ кажется, что въ каждой изъ этихъ формъ заключено различное состояніе сознанія, но различіе состоитъ лишь въ качествѣ матеріи, чрезъ которую выражается сознаніе. Ввиду этого все это сознаніе едино и не является ничѣмъ инымъ, какъ именно сознаніемъ. Оккультисты указываютъ въ своихъ писаніяхъ, что слова „атомъ" и „душа" синонимы. Атомъ есть тотъ „единственный свидѣтель, о которомъ говорятъ христіанскіе писатели, тотъ духъ, который видитъ всякій процессъ, происходящій въ субстанціи. Сознаніе, движеніе, субстанція присутствуютъ въ каждомъ атомѣ, каждомъ молекулѣ, каждой клѣточкѣ, и въ каждой клѣточкѣ тѣла есть душа и, каждый изъ насъ представляетъ главенствующую душу надъ планетарной системой, которую изображаетъ наше тѣло.

Матерія въ своемъ развитіи изъ первичнаго безформеннаго состоянія къ сознанію проходитъ чрезъ стадіи формы, роста, инстинкта, знанія, альтруизма, божественности. Она имѣетъ семь стадій; атомическое, минеральное или молекулярное, растительное или клѣточное, животное или органическое, человѣческое— Я есмь Я; сверхчеловѣческое—Я есмь Ты, Ты еси Я, и божественное отданіе всего ради блага всего. Чрезъ постоянныя ученія мы достигаемъ Голгоѳы, гдѣ мы распинаемъ себя между бурными элементами и славой высшаго міра. Послѣ этого мы становимся новыми существами, воскресая въ сознаніи коллективнаго человѣчества.

Читая въ Vahan'ѣ нижеприводимыя строки, хочется полемизировать съ г. Ванъ-Маненомъ и указать ему, что нѣкоторые теософы, по крайней мѣрѣ, имѣютъ совершенно опредѣленныя отличительныя черты. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: жилъ въ Англіи теософъ, Іосифъ Тейлоръ, скончавшійся мѣсяца два тому назадъ. Жилъ онъ такъ, что двадцать два года лежалъ на груди безъ движенія, въ безпрестанныхъ мучительныхъ страданіяхъ.

Лишь десять лѣтъ тому назадъ свѣтъ теософіи принесъ ему крѣпость духа и покой душевный. По отзывамъ знавшихъ его, „онъ тѣломъ былъ ребенокъ, умомъ—гигантъ, а душою—святой.“ Вѣра его въ карму была безгранична“. Но этотъ великій космическій законъ не являлся для него отвлеченнымъ умозрѣніемъ. Онъ добровольно рѣшилъ подвергнуть себя тренировкѣ и подготовить изъ себя тонкій инструментъ для будущаго служенія и онъ боялся лишь, что воля его ослабнетъ при этомъ процессѣ. Почти до послѣднихъ дней жизни онъ чувствовалъ, что если бы онъ сказалъ: „Довольно, остановись“; долги, за которые онъ расплачивался страданіемъ, были бы отсрочены и здоровье было бы возвращено ему въ значительной мѣрѣ. Но въ немъ были сильны два убѣжденія—одно, что когда человѣкъ проситъ уплаты коммерческихъ счетовъ, то сборщиками являются сами Учителя и отдѣльныя, обиженныя имъ души, будучи освобождены отъ необходимости лично искать возмездія, могутъ быстрѣе идти впередъ: второе, что размѣры страданій, которые онъ сможетъ вынести, станутъ мѣриломъ его способности къ служенію въ будущей жизни; потому онъ озабоченъ былъ единственно тѣмъ, чтобы не быть вынужденнымъ силою страданій прибѣгнуть къ наркозамъ для облегченія мукъ и чтобы не потерять сознанія тѣмъ или инымъ образомъ, хотя бы на минуту. Авторъ письма, сообщавшій вышеизложенное издателю Vahan'a—не теософъ и онъ заключаетъ свое письмо словами: „Онъ меня почти убѣдилъ стать теософомъ. Много у васъ есть вѣскихъ доводовъ въ пользу вашей философіи, но мало ихъ у васъ столь сильныхъ, какъ жизнь г. Тейлора“.

В. Пушкина.

Благословенъ тотъ, кто ночью приближается къ своему ложу съ сердцемъ, очищеннымъ отъ всякой злобы. и ненависти.

Хроника Теософическаго движенія.

— 1 октября (нашего 18 сентября) день рожденія Президента международнаго Теософическаго Общества. А. Безантъ исполнится 65 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, друзья и почитатели приподносятъ Президенту скромный подарокъ, составляемый изъ приношеній желающихъ принять участіе въ этомъ чествованіи. По этому поводу изъ Англіи получено слѣдующее письмо:

„За послѣдніе годы многіе друзья и почитатели принимали участіе въ подпискѣ на подарокъ ко дню рожденія нашего глубоко-чтимаго Президента А. Безантъ. Этимъ ея друзья желали оказать ей личную помощь и въ настоящемъ году намъ кажется, что наиболѣе дѣйствительной формой помощи было бы назначить собранную сумму на пополненіе „Фонда путевыхъ издержекъ Президента“, основаннаго полк. Олькоттомъ. Мы всѣ видимъ, какъ много приходится нашему Президенту путешествовать ради той великой работы, которую она исполняетъ, при чемъ путевыя издержки покрываются ею главнымъ образомъ изъ собственныхъ средствъ, а основанный когда-то фондъ преданъ забвенію. Мы надѣемся общими усиліями собрать нужную сумму, чтобы обезпечить Президенту хотя бы полный комфортъ во время многочисленныхъ ея путешествій (въ нашемъ Обществѣ числится болѣе 20.000 членовъ). Такимъ образомъ мы можемъ выказать свою любовную заботу о ней. Мы надѣемся, что всѣ національныя общества пожелаютъ принять участіе въ этой подпискѣ“.

— Состоявшійся первый Теософическій съѣздъ въ Болгаріи прислалъ представителю Р. Т. О-ва телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Теософическій съѣздъ въ Софіи шлетъ русскимъ братьямъ и сестрамъ свою любовь и братскій, сердечный привѣтъ“.

═ Американская Секція Теософическаго Общества пріобрѣла землю въ Калифорніи и приступила къ постройкѣ главной квартиры Общества. Колонія эта названа Кротоной.

═ Вышла новая книга Кришнамурти: „Трудъ воспитанія, какъ служеніе“ (Education as Service, Alcyone).

═ Въ Англіи закрылись двѣ теософическія Summer-School, имѣвшія несомнѣнный успѣхъ: Лѣтніе курсы въ Торки, на которыхъ читала докладъ наша русская соотечественница А. Погосская (Dana) „о международномъ союзѣ работниковъ“ и школа въ Летчвортѣ, закончившаяся лекціей А. Безантъ „О расовыхъ предразсудкахъ“. Третья Summer-School, посвященная вопросамъ діэты, гигіены и въ частности вегетаріанства, продолжаетъ еще работать въ Брайтонѣ. При школѣ устроены вегетаріанскіе кулинарные курсы.

═ На Великобританскомъ съѣздѣ въ Лондонѣ было поднято много интересныхъ вопросовъ; изъ нихъ отмѣчаемъ вопросъ о бо́льшей популяризаціи теософическихъ книгъ, о правильной организаціи теософическихъ турнэ и объ образованіи при Орденѣ служенія новой группы: „Лига борьбы съ торговлей бѣлыми рабынями“. Въ эту группу первымъ членомъ записалась А. Безантъ.

По поводу методовъ работы выяснялись интересныя особенности работы въ Шотландіи, гдѣ принятъ слѣдующій планъ: 4 лектора посылаются Теософическимъ Обществомъ въ 4 города на 4 недѣли, при чемъ каждый лекторъ читаетъ въ каждомъ городѣ 4 лекціи, а затѣмъ ѣдетъ въ слѣдующій городъ, гдѣ уже подготовилъ аудиторію предыдущій лекторъ. Выполненіе этого плана въ настоящемъ году дало блестящіе результаты: открылось четыре новыхъ теософическихъ центра въ Шотландіи.

═ Послѣ Великобританскаго съѣзда Президентъ Теософическаго Общества А. Безантъ, читала въ бѣдной части Лондона (East End) лекцію на тему: „Соціальная проблема въ свѣтѣ Теософіи“. Лекція имѣла большой успѣхъ.

═ 3 августа, А. Безантъ проѣхала въ Харрогэтъ, гдѣ состоялся съѣздъ Сѣверной Федераціи теософическихъ центровъ. Былъ заложенъ домъ зданія Теософическаго Общества въ Харрогэтѣ и Президентъ посвятилъ его служенію человѣчества. На торжествѣ присутствовали представители Теософическихъ Обществъ Англіи, Шотландіи, Америки и Россіи.

Въ Харрогэтѣ Президентомъ были прочитаны 2 публичныя лекціи: „Соціальная проблема въ свѣтѣ Теософіи“ и „Путь къ Учителямъ“. Эти лекціи привлекли многочисленную публику.

═ По просьбѣ теософическаго центра въ Харрогэтѣ предсѣдательница Р. Т. О-ва, А. Каменская, прочитала лекцію въ закрытомъ собраніи Т. О-ва: „О теософической работѣ въ Россіи".

═ 23 августа Президентъ Т. О-ва, А. Безантъ, выѣхала изъ Лондона и 25 августа покинула Европу. Ее ожидаютъ въ Адіарѣ къ половинѣ сентября.

═ Въ мартѣ Президентъ думаетъ снова быть въ Европѣ и весной прочесть рядъ лекцій въ Англіи, Италіи и Венгріи, а затѣмъ, въ іюнѣ, проѣхать на VII международный конгрессъ, который состоится въ Стокгольмѣ.

Alba.

Не ищи спокойствія, отдыха въ той земной области, которая порождаетъ разсужденія и желанія, потому что, если будешь искать этого тамъ, ты будешь влекомъ черезъ пустыню жизни, чуждой Мнѣ. Когда ты почувствуешь, что ноги твои путаются въ свившихся корняхъ жизни, знай, что ты сбился съ того пути, на который Я призывалъ тебя, потому что Я поставилъ тебя на пути широкомъ, легкомъ, усыпанномъ цвѣтами, и далъ свѣтъ, за которымъ ты всегда можешь итти и, слѣдуя которому, никогда не спотыкнешься.

Кришна.

Хроника жизни.

═ Изъ донесенія Исполнительнаго Комитета Перваго Международнаго Конгресса Расъ, состоявшагося въ громадной залѣ Лондонскаго Университета 26—29 іюля 1911 г., явствуетъ ярко, что идея Конгресса „идти навстрѣчу созиданія между народами Запада и народами Востока, между такъ называемыми бѣлыми и цвѣтными народностями, полнаго пониманія, наиболѣе дружественныхъ чувствъ и искреннихъ отношеній",—проникла всѣ лучшіе умы благородныхъ дѣятелей и мыслителей всего міра.

Въ этомъ конгрессѣ, „замѣчательномъ событіи въ міровой исторіи", участвовали дѣйствительно представители всѣхъ расъ и народностей. Тысяча фотографій этихъ представителей, всѣхъ типовъ и цвѣтовъ кожи, были выставлены для обозрѣнія. Исполнительнымъ Комитетомъ было сдѣлано все возможное, чтобы хорошо обставить научную сторону Конгресса. До общаго собранія читались лекціи по антропологіи, международной политики и экономіи; былъ устроенъ кромѣ того вечеръ, спеціально посвященный „демонстраціи расовыхъ типовъ" съ волшебнымъ фонаремъ. Несмотря на страшную жару и несовершенство акустики залы, всѣ собранія секцій происходили приблизительно при 1.000 человѣкъ, и каждый изъ присутствующихъ жаждалъ услышать изъявленія дружественныхъ чувствъ,—и каждый ораторъ считалъ своимъ долгомъ съ этого начать свою рѣчь.

Много было запросовъ отъ лицъ сочувствующихъ идеи Конгресса о возможности внесенія этой идеи въ самую жизнь; съ такими же запросами обращались и къ авторамъ статей и рѣчей на этомъ Конгрессѣ, то есть объ указаніи практическаго примѣненія выставленныхъ ими положеній.

На пяти предварительныхъ собраніяхъ были выражены нѣкоторыя резолюціи для представленія на Общее Собраніе. Прежде всего было избрано 15 человѣкъ Исполнительнаго Комитета, которому вмѣнилось въ обязанность образовать Международный Комитетъ изъ 100 человѣкъ. Было постановлено о желательности собираться такимъ образомъ періодически и, согласно этой резолюціи, главнымъ предметомъ обсужденія будущаго конгресса былъ избранъ: установленіе общихъ дружественныхъ отношеній между народами безъ различія расъ, цвѣта и вѣроисповѣданія, и развитія пониманія между Западомъ и Востокомъ.

Третьей резолюціей было изданіе Правительственнаго Меморіала и записокъ всѣхъ научныхъ и гуманитарныхъ союзовъ, какъ имѣющихъ большое значеніе для объясненія такого историческаго факта, какъ расоваго предразсудка, выражающагося во враждебномъ другъ къ другу отношеніи и вызывающимъ для человѣчества неисчислимыя бѣдствія предразсудка, который основанъ на недостойныхъ для просвѣщеннаго и двигающаго все впередъ вѣка обобщеніяхъ. Четвертымъ постановленіемъ было утвержденіе Интернаціональнаго Ииститута, какъ постоянной и интенсивной организаціи и сосредоточенія силъ, благопріятствующихъ международнымъ дружественнымъ отношеніямъ. Послѣдующая резолюція предложила всѣмъ членамъ и единомышленникамъ служить цѣли Конгресса личнымъ противодѣйствіемъ расовому предразсудку.

Изъ другихъ резолюцій въ донесеніи Исполнительнаго Комитета упоминаются еще двѣ, вынесенныя собраніемъ правительственныхъ делегатовъ: во-первыхъ, что это собраніе стоитъ за внесеніе въ школы, а также и во всѣ учрежденія, подготовляющія дипломатовъ и администраторовъ—идеи о цѣнности, дѣйствительно существующей, всѣхъ различныхъ народовъ, а потому и обязывающей къ искренне-дружественному, какъ личному, такъ и общественному отношенію, и, во-вторыхъ, что этотъ Конгрессъ обращается къ Правительствамъ и Парламентамъ всего міра, чтобы они взвѣсили своевременность исключенія изъ ихъ законодательства всѣ различія между народностями и вѣроисповѣданіями гражданъ ихъ страны.

Такимъ образомъ, закончилось Первое Міровое Собраніе, провозглашающее миръ всего человѣчества, и для всѣхъ членовъ, работниковъ и единомышленниковъ остается теперь только увѣковѣчить это движдніе, осуществляя его высокіе идеалы.

═ Въ „Вегетаріанскомъ Обозрѣніи“ было воззваніе „Къ единомышленникамъ всѣхъ странъ свѣта“. Идея единенія въ настоящее время все болѣе проникаетъ въ сознаніе человѣчества. Во всѣхъ странахъ земного шара раздаются проповѣди любви, всеобщаго мира и братства

народовъ. Шри-Рамакришна въ Индіи, Толстой въ Россіи, Аббасъ-Эффенди въ Персіи и многіе другіе работали и работаютъ повсемѣстно для этой идеи. Во всѣхъ странахъ отмѣчаются передовыя движенія въ направленіи единенія. Всѣ эти движенія руководствуются единымъ духомъ всемірной религіи любви, настоятельно требующей переворота въ дѣйствительной жизни людей: уничтоженія насилія, какъ нынѣшняго основанія общественной жизни человѣчества и замѣны его новымъ.

Всѣми людьми, работающими въ этомъ направленіи, чувствуется надобность во всемірномъ органѣ, который служилъ бы имъ связью и былъ бы посредникомъ между ними.

„Мы—группа единомышленниковъ—намѣрены создать такой органъ, обозрѣніе, объединяющій всѣхъ тѣхъ лицъ, для которыхъ расовые, національные и религіозные предразсудки болѣе не существуютъ. Этотъ органъ будетъ давать свѣдѣнія о всякомъ передовомъ движеніи въ каждой странѣ и представлять картину всей человѣческой дѣятельности въ сферѣ высшихъ проявленій мысли. Программа его будетъ слѣдующая:

Передовыя движенія въ религіи и философіи.

Упрощеніе жизни и личный физическій трудъ.

Вегетаріанство.

Земельный вопросъ.

Свободное воспитаніе.

Всеобщій миръ.

Гигіена и лѣченіе безъ лѣкарствъ.

Кооперація.

Адресный отдѣлъ (для лицъ желающихъ непосредственно корреспондировать между собою) и всякія другія проявленія единенія.

Органъ—обозрѣніе будетъ выходить на языкѣ эсперанто по мѣрѣ накопленія матеріала. Чтобы цѣна органа была умѣренная (желательно оплатить только стоимость изданія) нужно безкорыстное участіе всѣхъ единомышленниковъ. Мы надѣемся, что искренно преданные нашей общей идеѣ примутъ участіе въ нашей работѣ и помогутъ намъ въ составленіи обозрѣнія, собирая всякія статьи, замѣтки и свѣдѣнія, относящіеся къ нашей программѣ и присылая ихъ намъ безвозмездно... Просимъ всѣхъ нашихъ единомышленниковъ безотлагательно отвѣтить на нашъ призывъ. Желающіе корреспондировать непосредственно съ единомышленниками въ разныхъ странахъ должны сообщить (кромѣ своего адреса) на какомъ языкѣ и по какому отдѣлу программы они желаютъ корреспондировать.

Письма могутъ быть написаны на языкѣ эсперанто или по русски французски, англійски и нѣмецки. Адресъ: Al profesoro D, T, Kacarov,

Solia, Botev, B. Buldarujo. Профессору Д. Т. Кацарову, Софія, Ботевъ, 13. Болгарія.

Просимъ всѣ журналы, сочувствующіе нашей программѣ, перепечатать это обращеніе и переслать нашъ соотвѣтственный номеръ, чтобы мы могли выслать имъ въ свое время первый номеръ нашего органа обозрѣнія".

═ Саратовское вегетаріанское общество, желая осуществить мысль объ устройствѣ Всероссійскаго Вегетаріанскаго Съѣзда, разослало письма съ запросами по этому поводу вегетаріанскимъ обществамъ, столовымъ и отдѣльнымъ единомышленникамъ: „Сар. Вег. Общ. проситъ одиномышленниковъ высказать свое отношеніе къ идеѣ предполагаемаго съѣзда и сообщить, по желанію, свои мнѣнія о мѣрахъ ея практическаго осуществленія".

Письма адресовать: г. Саратовъ, городская управа, секретарю Сарат. Вег. О-ва, А. Г. Артемьевой.

═ Издательство „Посредникъ" выпускаетъ брошюру Е. І. Лозинскаго „Вегетаріанство, какъ проблема педагогическая".

Н Т.

Зажженная лампа горитъ одинаково и въ комнатѣ, и въ подземельѣ. Счастье человѣка не въ тѣлѣ его, а въ душѣ. Если сердце человѣка полно радости, онъ счастливъ даже въ тюрьмѣ.

О сынъ Духа!... Мечь мудрости сильнѣе лѣтняго дня и острѣе стальнаго меча. Поднимите этотъ мечъ во Имя Мое и силою Моею ворвитесь съ нимъ въ города сердецъ, укрѣпленныхъ крѣпостями желаній!

Книга достовѣрности. (Таблички Бэа-Улла).

Изъ газетъ и журналовъ.

Письмо Льва Николаевича Толстого 31-го августа 1909 г. Ясная Поляна.

„Милая и близкая мнѣ по духу, а потому искренно любимая сестра Марія Михайловна, прочелъ ваше письмо сестрѣ и былъ тронутъ вашимъ добрымъ чувствомъ ко мнѣ. Но простите меня, милая Марія Михайловна, меня огорчило въ немъ то, что противно моему духу и жизни вашей и что дороже всего на свѣтѣ, какъ для меня такъ и для васъ, и именно, разумѣется, невольное съ вашей стороны, но все-таки больное мнѣ нарушеніе любви. Изъ письма вашего видно, какъ изъ многихъ писемъ, которыя я получаю отъ добрыхъ, религіозныхъ, православныхъ лицъ, сожалѣніе о томъ заблужденіи, незнаніи истины, въ которомъ я нахожусь. Вотъ это-то мнѣ и больно. Вѣдь то, во что человѣкъ вѣритъ, чѣмъ живетъ, какъ вы это хорошо знаете, для него дороже всего, дороже матери, жены, дѣтей, дороже самого себя. И вотъ люди, вѣруя иначе, чѣмъ тотъ, къ кому они обращаются, прямо говорятъ или даютъ ему чувствовать то, что онъ — во лжи, а они — въ истинѣ. Вѣдь больнѣе этого нельзя дѣлать оскорбленія. Скажу хоть про себя по отношенію къ православію. Я былъ легкомысленнымъ, дряннымъ, ни во что невѣрующимъ человѣкомъ. Пришло время, когда я почувствовалъ неизбѣжно необходимость вѣры, и я принялъ ту вѣру православія, въ которой родился и былъ воспитанъ, принялъ ее всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души, всячески старался утвердить себя въ ней, исполнялъ всѣ ея требованія, изучалъ ее. Но, увы, всегда находя отвѣтъ на всѣ мои вопросы души въ ученіи Христа, я не находилъ ихъ въ томъ, что называется церковной вѣрой. Не только не находилъ ихъ, но они мѣшали мнѣ вполнѣ отдаться ученію Христа, которое онъ самъ такъ опредѣленно и кратко выразилъ въ отвѣтѣ фарисею, что весь законъ въ одной заповѣди любви къ Богу и ближнему.

Милая Марія Михайловна, я не говорю, что я одинъ въ истинѣ и что всѣ вѣрующіе иначе заблуждаются, но прошу и всѣхъ другихъ относится ко мнѣ такъ же. Не de gaieté de coeur или изъ тщеславія я отдѣлился отъ православія, а съ болью и страданіемъ. Отдѣлился потому, что не могъ иначе. Основа моей вѣры—въ тѣхъ написанныхъ стихахъ посланія Іоанна*), которые прилагаю. Внѣшнія же проявленія моей вѣры всѣ въ одномъ—въ стараніи проявленія любви: въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, какъ я выразилъ это тоже въ прилагаемой краткой молитвѣ. Я не говорю, что вѣра въ божественность Христа, въ искупленіе имъ грѣховъ, въ таинства и пр. несправедлива или ошибочна, я знаю только то, что все это мнѣ совершенно не нужно, когда я знаю заповѣдь любви, какъ единую заповѣдь закона Бога и всѣ силы моей души употребляю на ея исполненіе. Твердо же вѣрю я въ истину этой заповѣди, во-первыхъ, потому, что она согласна не только съ моимъ разумомъ, но и съ разумомъ мудрецовъ и святыхъ людей всего міра: браминовъ, Будды, Конфуція, Лаоцзе и др., а также и всѣхъ, всѣхъ простыхъ людей міра, всегда согласныхъ съ этой заповѣдью и закономъ любви.

Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, потому, что исполненіе этой заповѣди даетъ высшее благо людямъ, и, въ третьихъ и главное, потому, что опытъ жизни показываетъ мнѣ, что какъ только я всѣми силами души стараюсь исполнить эту заповѣдь, я чувствую, какъ сказано въ посланіи Іоанна, что Богъ во мнѣ, и я въ Немъ, и что, любящій людей христіанской любовью, я не только освобождаюсь отъ всякихъ тревогъ, заботъ, страданій душевныхъ, но испытываю полное блаженство, которое не нарушается, какъ бывало прежде, мыслью о смерти. Напротивъ, смерть становится желаннымъ благомъ, къ которому спокойно и радостно приближаюсь. Не виноватъ же я въ томъ, что для меня исполненіе ученія Христа возможно только тогда, когда я признаю заповѣдь любви *единой, единой* заповѣдью.

Очень можетъ быть, что другимъ нужны при этомъ еще другія вѣрованія, мнѣ же они только мѣшали, и потому будемъ уважать вѣрованія другъ-друга, а главное — любить другъ-друга, что мнѣ по отношенію васъ легко испытывать, даже невозможно не испытать.

Такъ прощайте же, милая Марія Михайловна. Искренно любящій васъ Левъ Толстой".

Къ этому письму приложена авторомъ слѣдующая его молитва и избранные тексты изъ посланія Іоанна Богослова:

„Знаю, что если я въ любви, то я съ Тобой. А если я съ Тобою, то все—благо. Такъ буду же всегда любить всѣхъ въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ".

*) Печатаются ниже вмѣстѣ съ молитвой Л. Н.

„Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Бога никто не видѣлъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ-друга, то Богъ пребываетъ въ насъ, и любовь его въ насъ совершилась“.

„Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавидитъ, тотъ—лжецъ; ибо не любящій брата, котораго видитъ, — какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видитъ? Братія, будемъ любить другъ друга, любовь отъ Бога, и любящій родился отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь“.

Письмо это написано великимъ писателемъ земли русской къ извѣстной петербургской благотворительницѣ М. М. Дундуковой-Корсаковой (ум. 14 сентября 1909 г.) незадолго до ея смерти. Письмо Маріи Михайловны, адресованное сестрѣ писателя, намъ дословно, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Содержаніе же его, по сообщенію близкихъ къ почившей, бывшихъ возлѣ нея при ея послѣднихъ минутахъ, состояло приблизительно въ слѣдующемъ: „Укрѣпляемая молитвой и утѣшаемая любовью и вниманіемъ пастырей церкви, я спокойно оканчиваю мою жизнь. Очень сожалѣю, что Л. Н. живетъ не по вѣрѣ, а по человѣческому, заблуждающемуся разуму“.

Французскій ученый Круазэ (Revue Bleue) свою статью о религіозной философіи Еврипида начинаетъ съ указанія, что Еврипидъ не былъ вѣрующимъ въ тогдашнемъ смыслѣ слова, и что, въ общемъ, онъ смотрѣлъ на миѳологію, какъ на сказочныя измышленія, но... глубже вникая въ писанія Еврипида, мы убѣждаемся, говоритъ Круазэ, что фактически оторванный отъ современныхъ ему религіозныхъ вѣрованій, онъ все же допускалъ, что за ними кроется что-то реальное и пытался найти это „что-то“. Вотъ основныя идеи, которыхъ онъ держался на старости лѣтъ.

Первая—это идея о воздушной субстанціи, окружающей землю, и казавшейся ему по сущности божественной, вѣроятно потому, что ее онъ считалъ источникомъ жизни. Вторая идея, болѣе важная,—о кроющейся въ природѣ необходимости, тожественной, слѣдовательно, съ ея вѣчными законами. Но эти законы были бы лишь отвлеченными понятіями, если бы не осуществлялись постоянно въ субстанціи, изъ которой состоитъ вселенная. Такимъ образомъ, эта вторая идея, отдѣленная отъ первой, не имѣла бы смысла. Онѣ держатся другъ другомъ. Гораздо болѣе неясной является третья идея. Можно понять проявленія человѣческаго духа, какъ тожественныя въ сущности со всѣми другими явленіями природы и слѣдовательно подверженныя ея законамъ, которыя поэтъ отождествляетъ съ Зевсомъ.

Можно также подумать, что вмѣсто того, чтобы отождествлять эти два порядка вещей, Еврипидъ хотѣлъ противопоставить ихъ другъ другу, ставя на одну сторону область необходимости, то-есть матерію, а съ другой—область свободы, то-есть духъ. Но такъ или этакъ, все же кажется несомнѣннымъ то, что поэтъ утверждаетъ единство всемірной жизни въ Богѣ. Если все во вселенной есть необходимость, эта необходимость есть Зевесъ, есть самъ Богъ. Если во вселенной есть одновременно необходимость и свобода, эти два элемента таинственнымъ образомъ примиряются въ немъ. Получается такая картина, что „все есть Зевесъ, а Зевесъ есть все".

(Замѣтка изъ газеты „Россія").

== Въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи" была очень интересная статья В. М. Хвостова „Нравственная задача человѣчества", гдѣ онъ говоритъ, что человѣкъ можетъ воздѣйствовать на самого себя въ духѣ тѣхъ идейныхъ концепцій, которыя въ своемъ творческомъ процессѣ вырабатываетъ его психика, и воздѣйствовать въ духѣ тѣхъ же идеаловъ и на окружающій міръ. Борясь со зломъ въ самомъ себѣ и содѣйствуя добру въ самомъ себѣ, человѣкъ тѣмъ самымъ принимаетъ дѣятельное участіе во всемъ міровомъ процессѣ. Преодолѣвая въ самомъ себѣ двойственность, присущую человѣческой природѣ, онъ тѣмъ самымъ и всему міру помогаетъ преодолѣвать двойственность и идти къ гармоническому объединенію въ духѣ истины, добра и красоты, такъ какъ въ міровой экономіи не пропадаетъ ни одно усиліе, которое каждый изъ насъ дѣлаетъ для того, чтобы побороть зло, они такъ или иначе суммируются и составляютъ то усиленіе фонда добра, которое необходимо для окончательнаго сокрушенія зла. Міровому злу служатъ и тѣ люди, которые боятся всякаго риска для своего „милаго я" и равнодушно проходятъ мимо всѣхъ безнравственныхъ и разрушительныхъ дѣяній, если эти дѣянія не содержатъ въ себѣ посягательствъ на ихъ мелкіе личные интересы. Съ указанной точки зрѣнія опредѣляется и историческая миссія всего человѣческаго рода, такъ какъ человѣчество, все болѣе и болѣе объединяясь на этихъ вѣчныхъ задачахъ, въ совокупности можетъ служить добру или злу, какъ и отдѣльный человѣкъ. — Далѣе Хвостовъ говоритъ, что представленія о добрѣ и злѣ дѣлаются все болѣе утонченными и правильными, но — спрашиваетъ онъ — увеличилась ли способность людей проводить въ жизнь эти представленія? Усилилась ли человѣческая воля?.. Конечно, культура создала новыя добродѣтели; но не уравновѣшивается ли это появленіемъ и новыхъ утонченныхъ пороковъ? Если современныя формы государственнаго устройства и управленія гораздо тоньше и сложнѣе прежнихъ, въ соотвѣтствіи съ общимъ усложненіемъ жизни, то стали

ли онѣ справедливѣе, обезпечиваютъ ли онѣ на самомъ дѣлѣ бо́льшую свободу нравственнаго развитія личности?

И затѣмъ Хвостовъ говоритъ о томъ значеніи для людей, которая имѣетъ „измѣнчивость исторической обстановки". Она ведетъ къ тому, что нравственная проблема, не мѣняясь въ своей основѣ, сохраняетъ постоянно свою свѣжесть и новизну для каждаго члена человѣческаго рода. Принимая во вниманіе положеніе человѣка, какъ части всего человѣчества, нѣкоторые мыслители считаютъ возможнымъ не придавать большого значенія вопросу о *личномъ безсмертіи.* Но вообще этотъ вопросъ для человѣка и въ этомъ случаѣ не отпадаетъ, а такъ какъ у многихъ людей, посвятившихъ себя искреннему культивированію своего высшаго я въ духѣ дѣйствительной любви, является совершенно опредѣленное и непоколебимое сознаніе своего личнаго безсмертія, то, очевидно, этимъ путемъ и должны идти люди, придающіе большое значеніе этому вопросу; научное знаніе тутъ не поможетъ. Затѣмъ Хвостовъ касается ролей обоихъ половъ въ процессѣ общечеловѣческаго служенія добру. Мужчина больше имѣетъ склонности къ абстрактному мышленію (научное познаніе), а умъ женщины больше направленъ на конкретное, и научная работа въ ея современномъ, по крайней мѣрѣ, видѣ слишкомъ для нея суха и мало возбуждаетъ интереса. Но логически работающій абстрактный интеллектъ не можетъ обнять всего многообразія и всей сложности жизни... это такъ же невозможно, какъ невозможно изъ кусковъ мозаики, даже самыхъ мелкихъ, создать такую картину, въ которой содержались бы тѣ тонкіе и неуловимые переходы однихъ нюансовъ въ другіе, какіе наблюдаются въ живомъ пейзажѣ. Если интеллекту удается овладѣть міромъ, то только до извѣстной степени, поскольку міръ дѣйствительно логиченъ и постояненъ. Но въ мірѣ есть несомнѣнно, ирраціональные элементы и постоянное становленіе и измѣненіе... Женщина же стоитъ ближе къ конкретной дѣйствительности; она въ меньшей степени отгораживается отъ нея интеллектуальными абстракціями, чѣмъ мужчина. Поэтому женщиной ближе чувствуется и тотъ внутренній смыслъ жизни, на воспріятіи котораго основанъ весь нравственный долгъ... Не даромъ даже у Платона, котораго едва ли можно считать особеннымъ поклонникомъ женщинъ, значеніе божественнаго Эроса въ діалогѣ „Пиръ" объясняетъ Сократу женщина Діотима. Всѣ мужскія похвалы божественной любви оказываются слишкомъ блѣдными и не касающимися самаго существа дѣла въ сравненіи съ ея рѣчью.

Подводя итоги всему разсужденію о высшемъ принципѣ морали (борьбѣ за высшее содержаніе „я", служеніи космической истинѣ) Хвостовъ говоритъ, что назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы

слѣдовать голосу своего „достоинства“; подъ достоинствомъ же слѣдуетъ разумѣть понимаемую въ широкомъ смыслѣ „разумность“ человѣка, его „высшее я“, способное къ безконечному расширенію и поднимающее его выше всей остальной эмпирической дѣйствительности. Кто дорожитъ своимъ достоинствомъ, заключаевъ Хвостовъ, тотъ не боится борьбы, риска и страданій. Въ качествѣ путеводной звѣзды на избранномъ имъ пути передъ нимъ сіяетъ идея человѣческой личности, самоутверждающейся въ своемъ достоинствѣ и уважающей это достоинство какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ людяхъ. Мораль достоинства же не есть мораль самодовольнаго покоя, но мораль непрерывнаго самосовершенствованія.

— Въ томъ же журналѣ была статья Е. Романовой „Къ вопросу о свободѣ воли“, задача которой была провести точную грань между внѣкаузальнымъ индетерминизмомъ и каузальнымъ, т. е. желающимъ опереться на законъ причинности, и подвергнуть теоретическому анализу послѣдній, который, какъ общая посылка познаваемости, гласитъ: все, что существуетъ, обусловлено; всякое дѣйствіе должно имѣть соотвѣтствующую, его вызвавшую причину, или короче,—нѣтъ въ феноменальномъ мірѣ ничего безпричиннаго, и, отсюда, всякій волевой актъ должно разсматривать какъ необходимое слѣдствіе дѣйствія опредѣленныхъ мотивовъ, такъ что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, одинаковые мотивы вызываютъ одинаковыя желанія, разные—разныя. Но что такое „мотивъ“, какова его реальная, психическая природа?.. По концепціи детерминизма человѣкомъ „движутъ“ мотивы, т. е. мотивы по отношенію къ внутреннему „я“ человѣка являются какъ нѣчто объективное, что можетъ быть, слѣдовательно, ему противопоставлено. Но только въ томъ случаѣ, говоритъ Е. Романова, могъ бы мотивъ— по своему характеру исключительно субъективный, внутренній процессъ, которому не присуще абсолютно ничто объективное—разсматриваться, если не по формѣ, то по содержанію своему, какъ нѣчто по отношенію къ человѣку объективное, если бы одинаковыя внѣшнія, т. е. идущія изъ объективнаго міра побужденія, импульсы вызывали бы во всѣхъ людяхъ одинаковые, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, мотивы. Но... одно и то же внѣшнее побужденіе, въ зависимости отъ характера человѣка, ведетъ часто къ мотивамъ разной интенсивности или даже къ разнымъ мотивамъ. Индивидуальный „характеръ“ есть та лабораторія, въ которой долженъ побывать всякій внѣшній импульсъ, всякое извнѣ приходящее побужденіе, ассимилировавшись и индивидуализировавшись тамъ, сдѣлаться мотивомъ. По опредѣленію Вундта „подъ характеромъ мы разумѣемъ общій результатъ предшествовавшей психической каузаль-

ности, который въ свою очередь вновь принимаетъ участіе какъ причина во всякомъ новомъ явленіи". Этотъ „общій результатъ" предшествующей психической дѣятельности, несмотря на то, что онъ каждый моментъ иной, такъ какъ вмѣстѣ съ человѣкомъ принимаетъ участіе въ перманентномъ процессѣ его развитія, все же благодаря своей непрерывности является тѣмъ въ человѣкѣ, что дѣлаетъ его самостоятельнымъ, отъ другихъ отличающимся существомъ, что дѣлаетъ его индивидуальностью... Не правъ ли, наконецъ, Геффдингъ,—заключаетъ Романова,—который говоритъ, что „мотивъ это — самъ человѣкъ", являющійся намъ въ опредѣленной формѣ или съ извѣстной стороны.

— Въ газ. „Нов. Время" была статья М. Иванова „Болѣзни русскаго религіознаго міросозерцанія" по поводу недавно вышедшей книги священника Н. Р. Антонова „Русскіе свѣтскіе богословы". Въ этой книгѣ Н. Антоновъ приводитъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о развалѣ, начавшемся въ народѣ, идущемъ въ дурную, вредную для церкви и государственности сторону; онъ ссылается между прочимъ на книгу Засимовскаго „Есть ли у русскаго народа религія?", въ которой на основаніи многочисленныхъ документовъ,—книжныхъ, бытовыхъ и историческихъ,—авторъ утверждаетъ, что въ Россіи у русскаго народа нѣтъ, не было и едва ли можетъ быть религія и нравственность". Но о. Антоновъ говоритъ, что въ то время, какъ низы народа и средина его—мыслящая и читающая, а также служилая интеллигенція—даютъ серьезныя основанія для упрековъ въ религіозно-нравственномъ разложеніи, верхи народа,—интелигенція творческая, истинный очагъ русской мысли,—полна религіознаго огня и одушевленія, и онъ считаетъ преждевременнымъ выносить огульный приговоръ надъ интеллигенціею, не классифицируя ее,—а вмѣстѣ съ нею и надъ всѣмъ русскимъ народомъ. Тѣмъ не менѣе, церковный расколъ въ средѣ народа и интелигенціи безспорно существуетъ. „Отчего же лучшіе идеалы не проникли въ глубь народной мысли?"... Прежде всего великія погрѣшности о. Антоновъ находитъ въ самомъ преподаваніи русской литературы въ школахъ. Ея религіозно-нравственный смыслъ точно нарочно скрывается отъ учащихся. Истинное міросозерцаніе писателей совершенно откладывается въ сторону, и знакомство съ ними ограничивается краткою ихъ біографіею и систематизаціею данныхъ имъ типовъ, безъ всякаго отношенія къ жизни. Постановка на первый планъ педагогикою эстетическаго идеала вмѣсто религіозно-нравственнаго, по справедливому мнѣнію автора, принесла много зла, тѣмъ болѣе, „что и самый идеалъ остался въ школѣ плохо освѣщеннымъ и потому неузнаннымъ". Между прочимъ онъ сообщаетъ любопытный фактъ, едва-ли извѣстный большинству читателей. Въ нашихъ гимназіяхъ до 1832 года

Законъ Божій не преподавался; его не было въ программахъ, какъ не было и въ нашихъ школахъ 18-го вѣка. Съ 1832 по 1851 г. по Закону Божію не было ни программъ, ни удовлетворительныхъ учебниковъ. „Какъ ни странно,—говоритъ авторъ,—но можно доказать, что христіанской религіи, какъ истинно гуманитарной и общественной культурной силы, пока еще не преподавалось въ нашей средней и высшей школѣ.

Съ 1851 г. по настоящее время преподаваніе его не подвинулось впередъ, а осталось въ рамкахъ сухихъ теоретическихъ формулъ, своимъ безжалостнымъ схоластическимъ методомъ, убивающимъ живое религіозное чувство, отчуждающимъ отъ церкви и, наконецъ (говоримъ про весь XIX вѣкъ), Евангеліе, первооснова нашей жизни и вѣры, не составляетъ господствующаго момента въ школѣ"... Нужно прибавить, что послѣ сухого катехизиса въ школѣ самое богослуженіе въ нашихъ храмахъ, несмотря на всю его величественность и содержательность, часто приводитъ впечатлительнаго міранина въ негодованіе или повергаетъ его въ равнодушіе, въ особенности, когда онъ вспомнитъ чинность католическаго и лютеранскаго богослуженія. „У насъ оно превратилось въ рядъ прекрасныхъ штриховъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, но не соединенныхъ для молящагося въ одну общую ясную для него картину. Религіознаго принципа, категорическаго императива воли наше богослуженіе не вноситъ въ массу", замѣчаетъ авторъ, „въ былыя времена храмъ и богослуженіе были богаче мыслями. Теперь серьезные просвѣтительные центры проще и иногда шире освѣщаютъ общественную жизнь"...

— Въ журн. „Вегетаріанское Обозрѣніе" шелъ переводъ статьи Эдв. Карпентера „О необходимости новой науки". Въ ней, касаясь физіологіи, авторъ говоритъ, что физіологія вся стоитъ главнымъ образомъ на диссекціи и вивисекціи. Но оба эти метода неудовлетворительны: диссекція—потому, что она сводится къ изученію организаціи живого существа на его мертвой оболочкѣ, а вивисекція—потому, что она не только подлежитъ такому же возраженію, но и потому, что она неизбѣжно нарушаетъ самыя высшія, самыя дорогія отношенія человѣка къ тому животному, которое онъ изучаетъ. Я полагаю, говоритъ Карпентеръ, есть другой методъ, методъ, который былъ столѣтія тому назадъ извѣстенъ Востоку, но пренебрегался на Западѣ,—методъ, который, можетъ быть, можно назвать методомъ здоровья. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать организмъ, путемъ усвоенія разумныхъ привычекъ, ведушихъ къ чистотѣ и здоровью, какъ бы прозрачнымъ для внутреннихъ очей и тогда направить сознаніе „внутрь" себя такъ, чтобы чувствовать строеніе и отправленія различныхъ органовъ почти

такъ же, какъ чувствуемъ мы наши внѣшніе органы. Разумѣется, достигнуть этого сразу нельзя, этому должно предшествовать изученіе предмета, но я полагаю, что это стоитъ труда, и что результаты будутъ значительны. Многіе изъ іоговъ Индіи, безъ сомнѣнія, достигаютъ въ этой области большого умѣнія.

— Въ газ. „Рѣчь" была статья С. Радаева „Дворъ смерти". Въ статьѣ этой авторъ знакомитъ читателей со всѣми ужасами петербургской бойни, которая занимаетъ „первое мѣсто въ Европѣ по количеству убиваемаго скота". Ужасомъ вѣетъ отъ этого „двора смерти" поглощающаго ежегодно сотни тысячъ жизней животныхъ, „куда входятъ живые быки и выходятъ туши". А внутри двора образованные люди толкуютъ о „гуманномъ убоѣ", о лучшемъ способѣ убійства животныхъ и продолжаютъ убивать изо дня въ день, принимая въ этихъ мерзкихъ дѣяніяхъ дѣятельное участіе, устраивая музеи изъ убитыхъ частей животныхъ и, думая, что этимъ они приносятъ пользу человѣчеству... Поймутъ ли читатели „Рѣчи", говоритъ авторъ замѣтки объ этой статьѣ („Вег. Обозр."), какое участіе они принимаютъ во „Дворѣ смерти", сознаютъ ли они себя виновниками всѣхъ этихъ ужасовъ?

— Въ журналѣ „Христіанинъ" есть небольшая статья (отвѣтъ одному корреспонденту) подъ заглавіемъ „Научите меня вѣрить"... Въ ней авторъ говоритъ, что научить вѣровать никого нельзя, что для вѣры нуженъ „внутренній подвигъ" самого ищущаго, который нельзя никому извнѣ ни навязать, ни подарить... „Лучшее и вѣрнѣйшее познаніе Бога не то, которое выработано усиліями разсудка и потомъ мозга, но то, которое возгорается отъ небеснаго огня въ сердцахъ нашихъ и вноситъ въ душу Божественный свѣтъ",—говоритъ Оригенъ.

Если можно говорить о рецептахъ, при помощи которыхъ можно найти вѣру, то лучшее средство, по мнѣнію автора,—тюрьма, уединеніе, то, что святые отцы называли „самособранностью": на время отказаться отъ жизненной суеты, стать внѣ ея, такъ сказать, сложить руки и опуститься въ глубь собственнаго духа... Въ сущности въ человѣкѣ всегда жилъ Богъ, тѣмъ болѣе жилъ Онъ въ тѣхъ, кто еще задаетъ вопросъ: „какъ Его найти". Богъ—законъ нашей души, Богъ скрытъ въ нашей совѣсти,—и нужно добиться только того, чтобы было „тихо" въ нашей душѣ, чтобы „внѣшнее" хотя на сутки, недѣлю, не мѣшало подумать о себѣ,—и скрытый голосъ Бога заговоритъ. Молиться можно уже вѣруя, продолжаетъ далѣе авторъ, но есть другая молитва, на которую способенъ и невѣрующій. Эта молитва—есть просто искреннее, чуждое гордости, желаніе разрѣшить вопросы совѣсти, стремленіе къ таинственному источнику жизни, стремленіе разгадать мучительную загадку о бытіи человѣка, его цѣли и происхожденіи.

„Молиться я не могъ,—говоритъ одинъ человѣкъ, томившійся голодомъ, тоской по потерянному Богу. Но однако,—здѣсь же прибавляетъ онъ,—я много думалъ, и многія истины открылись предо мною съ необычайной яркостью". Я полагаю, заключаетъ авторъ, что „думать"—часто и значитъ по своему молиться, и первый видъ молитвы есть „дума" о себѣ, размышленіе о душѣ и ея бытіи. Въ уединеніи души, въ моменты тихаго сосредоточенія ея, совершается въ ней великій судъ совѣсти, и этотъ, воистину, молитвенный судъ открываетъ Бога. „Нужно дѣло исканія Бога начать съ крещенія Іоаннова",—писалъ Сперанскій; а крещеніе Іоанново—это операція моральнаго суда надъ собою"... Иначе говоря это— глубокій пересмотръ совѣсти, основъ нашей моральной жизни, пересмотръ нашего міропониманія.

Это—такъ сказать отрицательный путь Богопознанія черезъ самоотрицанія и самоосужденія. Другой путь—черезъ опытъ дѣятельной любви. Богъ—любовь, и по общему закону „сродства" открывается любви... Посредствомъ дѣланія добра открывается для насъ „дверь вѣдѣнія", или, лучше сказать, она открывается Іисусомъ Христомъ, который сказалъ: „Имѣяй заповѣди Мои и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его и явлюсь ему Самъ". (Іоан. XIV).

Н. Т.

Изреченія изъ св. Писанія Востока.

О сынъ невидимаго Царства Духовнаго! я сдѣлалъ для тебя смерть подобно радостной вѣсти. Я далъ тебѣ свѣтъ, чтобы былъ виденъ тебѣ путь твой...

О сынъ человѣческій, будь горестенъ лишь тогда, когда ты далеко отъ Меня; будь счастливъ лишь тогда, когда ты возвращаешься ко Мнѣ, когда ты вблизи Меня!

Бэа-Улла.

Письмо изъ Индіи.

Нильгири Утакамундъ.

Пишу съ высоты шести тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Адіарская жара дала таки себя знать. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ комнатѣ со спущенными зелеными шторами, при температурѣ 90—94° Фаренгейта днемъ и ночью, безпрерывной дремоты въ креслѣ подъ электрическимъ вѣеромъ или сидѣнія въ холодной ваннѣ и полной невозможности заняться какимъ бы то ни было серьезнымъ трудомъ, я почувствовала непреодолимое желаніе на время покинуть огненныя низины юга и удалиться въ горы. Хотя друзья говорили и писали мнѣ, что тамъ прохладно, какъ въ сѣверной Европѣ, вѣрилось съ трудомъ въ возможность такого чуда на разстояніи всего 20-и часовъ ѣзды по желѣзной дороги отъ Мадраса. Тѣмъ не менѣе, съ сердцемъ полнымъ надежды, заняла я свое мѣсто въ вагонѣ, визави индусской лэди изъ касты брамановъ, какъ представилъ мнѣ ее сопровождавшій ея родственникъ. Лэди была закутана въ короткій кусокъ бумажной матеріи, босонога и босорука, если можно такъ выразиться, и само собою разумѣется, безъ шляпы. Она была стара и ея бѣлые волосы очень красиво оттѣняли тонкія черты гордаго, неподвижнаго лица. Она немедленно забралась съ ногами на сидѣніе; черезъ часъ улеглась, безъ подушки, на диванъ и такъ пролежала до утра, ни разу не пошевельнувшись; ничего не ѣла, не пила, возможностью вымыться не воспользовалась и въ 8 ч. утра, сложивъ руки въ знакъ прощальнаго привѣта, молча покинула вагонъ.

Въ 9 ч. я выпила кофе на станціи, сидя подъ „панка“; это приспособленіе состоитъ изъ длинныхъ узкихъ ковровъ, прикрѣпленныхъ къ потолку и приводимыхъ въ движеніе руками слугъ, сидящихъ за стѣной. Веревка отъ панка проведена сквозь стѣну наружу. Нѣтъ риска, что ковры остановятся, какъ это часто бываетъ съ электрическими вѣерами.

Черезъ часъ я пересѣла въ маленькій поѣздъ со сквозными вагонами, толкаемый сзади двумя локомотивами. Жара продолжала стоять нестерпимая и въ 12 ч. дня, я начала уже терять надежду, когда либо испытать чувство прохлады, какъ вдругъ изъ глубинъ одного бездоннаго ущелія, надъ которымъ нашъ поѣздъ грузно пронесся съ сердитымъ свистомъ, подулъ холодный почти ледяной вѣтерокъ. Не даромъ говорятъ здѣсь, что человѣкъ, пробывшій нѣсколько мѣсяцевъ на югѣ Индіи, никогда не забываетъ впослѣдствіи того ощущенія, которое онъ испытываетъ при встрѣчѣ съ первой струей холоднаго горнаго воздуха. Дѣйствительно, трудно передать это ощущеніе словами. На югѣ получается впечатлѣніе, что холода больше никогда не испытаешь и мнѣ часто говорили въ Адіарѣ: „Какъ хотѣлось бы одѣть пальто, т. е. испытать чувство этой необходимости.“ Поистинѣ все относительно въ мірѣ.

Когда я сошла на конечной моей станціи, Утакамундъ, и меня встрѣтили протянутыя руки друзей—теософовъ, въ воздухѣ стояла температура солнечнаго весенняго дня средней полосы Россіи. Я дышала и болтала точно опьяненная какимъ то волшебнымъ напиткомъ. Мои руки и ноги были „холодны“ и я смѣялась отъ радости, отъ дѣтской, не знающей предѣловъ, радости, точно мнѣ сдѣлали большой, давно жданный подарокъ.

Съ трудомъ усѣлась я въ „булока,“ повозку, крытую пальмовыми листьями; казалось, что я попала въ Тироль, или въ Швейцарію; съ садахъ—чудныя розы, гвоздика, геліотропъ; на склонахъ горъ зеленая трава; глаза, не вооруженные темными стеклами, отдыхали отъ ослѣпительнаго свѣта Адіара. По отличной шоссейной дорогѣ покатили мы въ гору и тутъ лишь вспомнилось, что лѣтъ 35 тому назадъ, по той же мѣстности проѣзжала Е. П. Блаватская.

Плато Нильгири (Голубыхъ горъ) обнимаетъ собою пространство въ 700 квадратныхъ миль, окаймленное со всѣхъ сторонъ горными высотами, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ восьми тысячъ футовъ. Климатъ, зимой и лѣтомъ, почти одинъ и тотъ же; температура воздуха колеблется между 10 и 20-ю граду-

сами Реомюра въ тѣни. Въ дождливое время года—сыро, но снѣга никогда не бываетъ.

Если бы не Индусы въ своихъ бѣлыхъ и красныхъ плащахъ, да нѣкоторыя растенія и деревья съ незнакомыми листьями и плодами, я подумала бы, что я въ Европѣ. Тишина полная. Здѣсь не водятся змѣи, комары, назойливыя лягушки, муравьи безжалостно кусающіе голыя ноги, крабы, каркающія цѣлый день вороны, скачущіе звѣрьки изъ породы саранчи, пожирающіе платья какъ конфекты, крикливыя ящерицы и проч. и проч. многочисленные обитатели нашихъ Адіарскихъ комнатъ. Здѣсь птички поютъ нѣжно и скромно. Можно сѣсть на траву, какая радость! Въ первый же день моего пріѣзда въ горы я поспѣшила осуществить это завѣтное желаніе и опустилась на зеленый газонъ.

Центромъ здѣшней мѣстности является небольшой городокъ, Утакамундъ, лѣтнее мѣстопребываніе Мадрасскаго губернатора и его штата. Это нѣчто въ родѣ моднаго курорта съ дорогими отелями; тутъ вы увидите европейскіе туалеты, услышите музыку, встрѣтите автомобили, кареты съ лакеями въ красной ливреѣ и прочія принадлежности великосвѣтской резиденціи, нѣчто въ родѣ нашего Павловска или Петергофа въ былое время.

Вокругъ, на разстояніи 2, 3 и больше миль разбросаны изящные особняки и въ одинъ изъ нихъ судьба привела и меня.

Въ $3^1/_2$ миляхъ отъ нашего дома стоитъ скромная красная постройка, нѣкогда пріобрѣтенная полковникомъ Олькоттомъ. Она носитъ названіе „Гулистанъ,“ что значитъ, „садъ радости“. Расположена постройка въ лощинѣ и холодъ тамъ чувствительнѣе, дожди чаще. Въ этомъ домикѣ часто живалъ бывшій Предсѣдатель Теософическаго Общества; послѣ его смерти, имъ стали пользоваться главные дѣятели Адіара и ближайшіе сотрудники Предсѣдательницы; въ настоящемъ году, въ немъ гостятъ г-жа Шарпъ, женщина врачъ Рокъ, г-жа Ванъ Хукъ со своимъ сыномъ; на время пріѣзжали казначей Общества и инженеръ, завѣдывающій электрической станціей въ Адіарѣ.

Домикъ малъ, обстановка очень проста, но всѣ теософы любятъ бывать въ немъ; тамъ царитъ миръ и витаютъ добрыя мысли. Однако, путь въ семь миль, туда и обратно, не всѣмъ подъ силу; вотъ почему теóсофы, живущіе въ окрестностяхъ, чаще всего встрѣчаются на полпути, на лужайкѣ или въ лѣсу. Всѣ лица розовѣютъ въ горахъ и мышцы быстро крѣпнутъ.

Нашъ домъ (Брукхамптонъ) стоитъ на возвышеніи. Съ веранды видна цѣлая цѣпь горъ, свѣтлая долина, въ углубленіи

которой пріютилась деревушка, стадо буйволовъ, разноцвѣтные плащи туземцевъ и мягкая, свѣтлозеленая трава, какъ безконечный коверъ, разостланый заботливыми руками.

Въ первый вечеръ моего пріѣзда, когда я очутилась въ настоящей кровати съ матрацомъ, подъ четырьмя одѣялами, изъ которыхъ одно пуховое, когда огонь заскрипѣлъ въ каминѣ и я почувствовала хорошо знакомое мнѣ въ Россіи ощущеніе замороженнаго носа, я сразу поняла, почему поэты первыхъ Арійцевъ, пришедшихъ изъ средней Азіи и, очевидно, знакомыхъ съ морозами просили въ своихъ ведическихъ гимнахъ „послать имъ сто зимъ.„

Маргарита Каменская.

Іюль 1912 года.

О сынъ Бытія! страдай съ радостнымъ сердцемъ за дѣла Мои. Съ благодарностью принимай все, что Я предназначилъ тебѣ.

Всякій, обладающій внутреннимъ зрѣніемъ, любитъ Солнце (Совершенство Бога), въ какой бы области Оно ни появилось. Но люди любятъ мѣсто появленія Солнца, а не само Солнце... Истинно любящій Соннце обращается лицомъ своимъ туда, гдѣ бы Оно ни появилось, ибо любитъ онъ само Солнце.

Бэа-Улла.

Письмо къ читателямъ.

Красота спасетъ міръ.
Достоевскій.

Всю жизнь меня потрясали таинственныя слова Евангелія: *Будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный.* „Будьте прекрасны, будьте всевѣдущи, будьте свободны и всесильны" переводилъ я смыслъ этихъ таинственныхъ словъ и передъ моей душой занималась заря невѣдомаго свѣта, словно приподымалась завѣса, скрывающая тайну Будущаго. А между тѣмъ, двѣ тысячи лѣтъ твердили человѣку, что онъ—тлѣнъ и прахъ, что онъ—сосудъ грѣха, и что самое спасеніе его души возможно только благодаря божественному милосердію.

Я не знаю ничего патетичнѣе старенькой крестьянки-бабушки, всю жизнь работавшей не менѣе своей измученной клячи, не имѣвшей никакихъ радостей и бездну всякихъ заботъ и горя, когда она—глубоко вздыхала и благоговѣйно крестясь—молила Царицу Небесную спасти ее, грѣшную, отъ заслуженной гибели. Это патетическое настроеніе легло въ основу духовной жизни всего христіанскаго міра, оно обезсилѣло душу людей недовѣріемъ къ себѣ, превратило въ какую то мертвую фикцію идею Бога-Отца, а у потерявшихъ вѣру интеллигентныхъ слоевъ общества совсѣмъ заглушило сознаніе своей божественности.

Но—и это явленіе временное. Все наше тревожное отчаянье за судьбу человѣка прекратится какъ неразумный лепетъ ребенка, когда мы будемъ больше знать нашу собственную природу, подойдемъ къ ея незатронутымъ еще глубинамъ и начнемъ сознательно развивать скрытыя въ нихъ возможности.

Помню, какъ меня много лѣтъ назадъ взволновало письмо, помѣщенное въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ которомъ авторъ, въ отвѣтъ на статью, освѣщавшую религіозный вопросъ съ догматической точки зрѣнія, спрашивалъ съ волненіемъ и душевной мукой: гдѣ искать ключа къ евангельскимъ

тайнамъ, какъ понять призывъ Христа къ совершенству, какъ понять Его обѣщаніе „горы сдвигать“, возвратить зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, здоровье страждущимъ? Онъ видѣлъ въ этихъ словахъ Христа указаніе на безграничныя возможности внутри самого человѣка, на какія-то скрытыя въ немъ силы, которыя могутъ сдѣлать его *богоподобнымъ* и о которыхъ мы ровно ничего не знаемъ: „Гдѣ же скрываются эти силы? Какъ вызвать ихъ къ жизни? Кто укажетъ намъ? „Вопросы эти были поставлены авторомъ письма съ большимъ огнемъ и все письмо было проникнуто твердой рѣшимостью искать и стучаться до тѣхъ поръ, пока не раскроется тайна обѣтованія Божественнаго Учителя, предъ которымъ все было открыто—и прошедшее и будущее—и который не могъ обѣщать неисполнимаго.

Меня потрясло это письмо потому, что въ немъ былъ громко и опредѣленно поставленъ вопросъ о томъ самомъ главномъ во всемъ ученіи Христа, что въ теченіе двухъ тысячилѣтій замалчивалось вольно или невольно, а если и затрагивалось, то на такихъ туманныхъ высотахъ мысли, которыя совершенно недоступны въ долинѣ жизни, гдѣ живутъ обыкновенные люди. А вѣдь слова Христа были сказаны для всѣхъ, они *всѣмъ* обѣщали, что человѣкъ *можетъ* достигнуть божественнаго совершенства.

Хотѣлось бы мнѣ знать, удалось ли автору письма найти ключъ къ тайнѣ Христовыхъ словъ? Возможно, что да, потому что его душа загорѣлась тѣмъ огнемъ, который заставляетъ человѣка сойти съ привычныхъ тропинокъ мысли, искать новыхъ путей и доходить до конца, и есть много признаковъ, что это—не исключительное явленіе, что уже много человѣческихъ душъ начинаетъ искать того же ключа. Судя по этимъ признакамъ, мы подходимъ къ новой міровой задачѣ, къ задачѣ *внутренняго строительства,* вызывавшей къ себѣ до сихъ поръ такъ мало вниманія потому, что люди были слишкомъ поглощены внѣшнимъ строительствомъ.

Задачу эту можно бы обозначить тремя словами, *раскрытіе тайны человѣка.*

Мы уже вырвали много тайнъ у природы, но намъ не удастся постигнуть тайну Бога, пока мы не овладѣемъ „тайной человѣка“. Ибо не внѣ себя, а только внутри себя можетъ человѣкъ познать Бога.

Читатель можетъ спросить: какіе же признаки я вижу, что люди подходятъ къ этой новой задачѣ? Виднѣе всего эти признаки въ искусствѣ, которое все болѣе и болѣе стремится передать

не то, что внѣ человѣка, а то, что внутри его. И еще замѣтнѣе это въ томъ вдохновеніи и подъемѣ, которые художникъ вызываетъ каждый разъ, когда ему удается выразить въ звукахъ или краскахъ ту таинственную, невыразимую для нашихъ трехмѣрныхъ понятій жизнь души, которую всѣ мы носимъ внутри себя.

Мы смотримъ на картину талантливаго художника, которому удалось въ прекрасныхъ воздушныхъ символахъ выразить глубочайшія переживанія своего духа, которымъ нѣтъ имени на земномъ языкѣ, и мы испытываемъ вмѣстѣ съ нимъ его глубокія и свѣтлыя волненія, которыя переносятъ насъ на высшій планъ бытія. Мы слушаемъ одухотворенную музыку и на время перестаемъ жить нашимъ обычнымъ сознаніемъ во времени и пространствѣ, мы начинаемъ жить высшимъ сознаніемъ: гармонія, созданная такой же человѣческой душой, какъ наша, будитъ въ насъ отвѣтныя вибраціи и поднимаетъ насъ въ высшіе міры, гдѣ кончаются наши земные диссонансы и начинается непрерывная гармонія. Въ такія минуты въ насъ проявляются силы, которыя въ обыденное время спятъ. Искусство будитъ ихъ, потому что оно одно способно выразить красоту духа, а ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на нашу душу, какъ напоминаніе объ этой красотѣ. Мы такъ долго жили сознаніемъ на одномъ физическомъ планѣ и такъ привыкли къ его шумнымъ и рѣзкимъ вибраціямъ, что когда намъ удается подняться на высоту, гдѣ раскрывается вся тонкая красота нашей духовной природы,—насъ потрясаетъ внезапное прикосновеніе къ ней:

Прошлой зимой мнѣ пришлось быть на лекціи-концертѣ піаниста Тора. Концертъ давался въ провинціальномъ городѣ; залъ былъ переполненъ. Лекторъ говорилъ о томъ, какъ создавалась музыка, какъ она прежде всего служила для выраженія религіознаго чувства людей: говорилъ о судьбѣ русской музыки и объ ея особенностяхъ, затѣмъ знакомилъ аудиторію съ характеромъ музыки Чайковскаго, демонстрируя ее съ помощью туманныхъ картинъ, рояли и пѣнія. Все это было очень интересно, но всеобщій подъемъ и напряженное вниманіе начались тогда, когда лекторъ заговорилъ о душѣ русскаго народа. Онъ говорилъ, что душа народа, создавшая такую музыку какъ наша, музыку, въ которой соединилась глубина и одухотворенность, необъятная ширина настроенія и тонкая отзывчивость,—такая душа таитъ въ себѣ великія духовныя возможности. Она создастъ своихъ Бетховеновъ и своихъ Моцартовъ, но еще болѣе могучихъ и прекрасныхъ. На это ей даютъ право ея страданія и ея размѣры. Но что такое

народная душа? Гдѣ она? Эта душа — мы сами, нашъ собственный духъ, и если мы хотимъ, чтобы душа нашего народа создала высокую красоту, *мы* должны растить красоту въ себѣ самихъ, мы должны очищать нашъ внутренній міръ, сознательно оберегать его отъ дурныхъ вторженій, строить его по линіямъ той чистой красоты, которая раскрывается передъ нами, когда мы перестаемъ подчиняться велѣніямъ нашей низшей природы и начинаемъ слышать голось нашего Высшаго Я.

Я могу не точно передавать слова лектора, но смыслъ ихъ былъ именно такой. Смыслъ этотъ и былъ той электрической искрой, которая зажгла всѣхъ присутствовавшихъ; когда мы расходились, чувствовалось совершенно необычайное настроеніе, словно произошло какое-то важное и радостное событіе. А произошло только то, что людямъ напомнили, *что они могутъ быть прекрасны.*

Мы такъ привыкли, что всѣ призывы обращены къ нашему интеллекту и изрѣдка къ нашимъ чувствамъ, и такъ необыченъ для насъ призывъ къ вѣчной красотѣ нашего духа, а тѣмъ болѣе — твердо высказанная вѣра въ эту красоту, что это для насъ — такіе же „невѣдомые звуки", какіе когда-то потрясали нашихъ далекихъ предковъ, правившихъ кровавыя тризны, когда они впервые услыхали проповѣдь всепрощающей любви и кроткаго милосердія. Во время лекціи-концерта Тора можно было ясно видѣть по загорѣвшимся глазамъ и просвѣтленнымъ лицамъ, что „невѣдомые звуки" падаютъ не на безплодную почву, а на вспаханную ниву.

Такое же впечатлѣніе можно было вынести и изъ другого общественнаго собранія, на которомъ демонстрировалась хотя и совершенно иначе, но по существу все та же скрытая красота человѣка. Я говорю о вечерѣ въ петербургскомъ Михайловскомъ театрѣ, на которомъ столичная публика знакомилась съ чрезвычайно интереснымъ явленіемъ, носящимъ скромное названіе *ритмической гимнастики.* Жакъ Далькрозъ, изобрѣтатель этой новой области искусства, показалъ въ наглядныхъ примѣрахъ, что гармонія живетъ въ душѣ каждаго человѣка; нужно только разбудить ее и перевести изъ скрытаго состоянія въ явное.

Вызванное посредствомъ музыки чувство гармоніи выражается у учениковъ Далькроза необыкновенной красотой движеній: легкость, грація, благородство и свобода этихъ движеній заставляла мечтать, что на сцену Михайловскаго театра спустился греческій Олимпъ, и не простые смертные, а молодые боги дви-

гаются подъ ритмъ музыки—то легкіе какъ духи природы, то величественные какъ пророки, то нѣжные и мечтательные, то суровые какъ древніе воины.

А между тѣмъ, ученики Далькроза — простые работники и работницы изъ Hellerau вблизи Дрездена, гдѣ онъ основалъ свой „Институтъ Ритмической Гимнастики". Не мудрено, что, зрители, привыкшіе смотрѣть на себя, какъ на „продуктъ наслѣдственности и среды", должны были невольно задуматься: откуда эта неожиданная красота? Какъ объяснить эту грацію, и достоинство, и высокую одухотворенность въ движеніяхъ самыхъ обыкновенныхъ людей?

И что самое главное, эта гармонія и красота—не результатъ искусственной тренировки, какая бываетъ въ хореографическихъ школахъ, гдѣ совершенство движеній у танцующихъ достигается путемъ упорнаго и часто мучительнаго труда. Всѣ, присутствовавшіе при занятіяхъ Далькроза, говорятъ о чувствѣ удовлетворенія и радости, которое испытываютъ его ученики. Разсказываютъ, что пожилые люди, сбѣгающіеся толпами, чтобы посмотрѣть на упражненія въ „Институтѣ" Далькроза, горюютъ, что имъ уже поздно учиться и не придется испытать тѣхъ радостей, какими пользуется ихъ молодежь.

Это чувство радости есть ясное указаніе на то, что Далькрозъ напалъ на путь прямого воздѣйствія на высшую природу человѣка, на его духъ или его „Высшее Я", какъ называетъ болѣе тонкая восточная психологія внутренній центръ человѣка. Музыкальная гармонія—принадлежность высшаго, духовнаго плана, а не нашего физическаго плана; тамъ нѣтъ диссонансовъ, слѣдовательно нѣтъ и страданій, тамъ царитъ гармонія и ея спутница—радость. Наше Высшее Я живетъ или вибрируетъ—что одно и то же—по законамъ этого высшаго плана (или духовнаго міра, какъ принято называть на Западѣ); ему свойственна та же гармонія и радость, и это хорошо знаютъ всѣ геніи, мистики и великіе художники, которые тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ людей, что они приходятъ въ прямое соприкосновеніе съ этимъ высшимъ планомъ бытія; но и обыкновенные люди приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе, когда музыкальная гармонія заставляетъ вибрировать ихъ Высшее Я. Подобное дѣйствуетъ на подобное: подъ вліяніемъ однородныхъ вибрацій человѣческій духъ пробуждается и овладѣваетъ своимъ орудіемъ—земнымъ сознаніемъ, въ которомъ на эти минуты сліянія съ его высшей природой—погасаютъ всѣ рѣзкія, земныя вибраціи и возникаютъ от-

звуки неземной красоты невидимаго духовнаго міра. Этого и достигаеть Далькрозъ: онъ будитъ высшую природу своихъ учениковъ, которая заставляетъ тѣло двигаться по законамъ своей собственной гармоніи; отсюда—красота движеній и красота настроенія, которую мы называемъ *радость*. Такую же радость мнѣ приходилось наблюдать на урокахъ музыки А. М. Унковской, также какъ Далькрозъ умѣющей будить душу своихъ учениковъ и также пролагающую новые пути для искусства своей цвѣто-звуковой методой, съ которой читатели „Вѣстника Теософіи" знакомы по письмамъ г-жи Унковской.—Такая радость будетъ частой гостьей въ школахъ будущаго, когда педагоги узнаютъ истинную природу человѣка и начнутъ дѣйствовать не вопреки ея законамъ, какъ они дѣйствуютъ теперь, а въ согласіи съ этими законами.

Всѣ такія явленія, какъ обращенная къ „Высшему Я" лекція-концертъ Тора, какъ будящіе интуицію цвѣто-звуки Унковской, какъ раскрывающая красоту человѣка ритмическая гимнастика Далькроза, все это—приближеніе къ той грани между видимымъ физическимъ міромъ и міромъ невидимымъ, которая становится съ каждымъ днемъ все прозрачнѣе и тоньше. Еще нѣсколько такихъ наглядныхъ уроковъ и передовая волна человѣчества вступитъ въ новую эру; въ этомъ недалекомъ будущемъ форма будетъ признаваться орудіемъ духа, а новая общественная этика потребуетъ отъ человѣка, чтобы онъ подчинялъ свое творчество велѣніямъ духа, а не требованіямъ эгоистическихъ инстинктовъ своей низшей природы.

Прелюдіей къ этому новому акту человѣческой драмы будетъ пробужденная вѣра въ красоту человѣка, въ безпредѣльныя возможности его эволюціи, въ божественныя свойства его безсмертнаго духа.

Воистину, красота спасетъ міръ.

Другъ читателя.

1. Какъ понимаетъ Теософія Антихриста?

Отвѣтъ: Антихристъ не есть личность; это духъ разъединенія и фанатизма, желающаго деспотически подчинить всѣхъ своему представленію объ истинѣ. Это духъ противный Христу: духъ эгоизма, гордости и обособленія, и личнаго самоутвержденія, который сѣетъ вражду и недовѣріе вмѣсто любви. Личность, олицетворяющая собою этотъ духъ, есть символъ антихриста. (Инквизиторы, проклинающіе и враждующіе).

Вопросъ: Не ведетъ ли Теософія къ фатализму?
Совершенное пониманіе закона кармы отвѣчаетъ на это отрицательно. На низшихъ ступеняхъ развитія, когда сознаніе еще *не* руководитъ поступками человѣка, онъ живетъ по линіямъ, проложеннымъ его кармой, но когда сознаніе начинаетъ руководить его волею, онъ можетъ ежеминутно вводить новыя условія въ свою карму.

Пояснительный словарь къ теософической литературѣ, изд. Н. Шейермана; Москва, 30 к.

Необходимость имѣть хотя-бы краткій теософическій словарь, даетъ себя давно уже чувствовать и вопросъ о составленіи его не разъ уже возникалъ въ редакціи „Вѣстника Теософіи", но до сихъ поръ время не давало намъ взяться за это сложное и крайне отвѣтственное дѣло. Поэтому, съ особымъ удовольствіемъ развернули мы изящную бѣлую книжечку, озаглавленную, какъ „Пояснительный словарь къ теософической литературѣ". Но къ сожалѣнію, намъ приходится констатировать, что данный словарь составленъ безъ продуманнаго плана и безъ достаточныхъ знаній и поэтому не можетъ служить справочной книгой для начинающаго читателя-теософа. Съ одной стороны, въ него не вошли многіе важные термины (такіе какъ духъ, духовность, мистика, іогъ, Бодхисаттва и др.), имѣющіе основное значеніе. Съ другой стороны, въ него вошли многочисленные и никому ненужныя иностранныя слова, изъ которыхъ нѣкоторыя не имѣютъ никакого отношенія къ Теософіи (напримѣръ, щитопластъ, оксиморонъ и т. п.). Это первая крупная ошибка, указывающая на отсутствіе серьезно продуманнаго плана.

Въ-вторыхъ, многія опредѣленія грѣшатъ неполнотой, неточностью и неясностью (напр. слова: *Аватаръ, циклъ, психизмъ, Эго* и др.). Наконецъ, нѣкоторыя опредѣленія невѣрны и совершенно искажаютъ смыслъ терминовъ. Такъ, напримѣръ, слова *эволюція* и *инволюція* поняты авторомъ въ обратномъ смыслѣ *). При такой путанности понятій, словарь не можетъ считаться *пояснительнымъ*, онъ скорѣе запутаетъ новичка, чѣмъ разъяснитъ ему недоумѣнія и потому мы, къ крайнему своему сожалѣнію, рекомендовать его не можемъ.

Alba.

---

*) Слово же *терпимость* опредѣляется, какъ *„жизнь истинной божественной самости"*, при чемъ это странное опредѣленіе сопровождается комментаріями на дѣятельность гунъ и на троякое проявленіе Индусскаго Божества.

Вл. Тукалевскій. „Исканія русскихъ массоновъ“. Спб. 1911, скл. изд. Поварской 5, кв. 10. Цѣна 75 к.

Небольшую, но обстоятельную книжечку Тукалевскаго можно смѣло рекомендовать всѣмъ интересующимся сутью массонства. Рядомъ цитатъ и ссылокъ авторъ даетъ полную и яркую картину русскаго массонства временъ Новикова и Шварца, этихъ чистыхъ искателей истины, первыхъ „интеллигентовъ“ *) русскаго общества, безсмертныхъ „рыцарей Креста“.—Вмѣстѣ съ этимъ изъ брошюры явствуетъ, какія разностороннія стремленія повышенія и пониженія существовали даже въ русскомъ массонствѣ, образовавшемъ уже въ концѣ XVIII вѣка „два теченія: *мистическое*, во главѣ котораго стояли впослѣдствіи Лабзинъ, захватившее въ своемъ движеніи и Александра I и Сперанскаго и другое грубо *матеріалистическое*, послѣдователи котораго занимались магіей и дѣланіемъ золота въ нѣкоторыхъ ложахъ массонскихъ—эпохи Александра I“.

„И вотъ, замѣчаетъ г. Тукалевскій, вглядываясь въ общую картину 18-го вѣка, анализируя идейныя теченія, мы видимъ, какъ эпоха торжества разума въ началѣ вѣка, построенная на принципѣ *самосохраненія*, какъ основѣ жизни, пришла къ эпохѣ *самосовершенствованія,* въ такъ называемомъ русскомъ массонствѣ и завершилась *самоотреченіемъ* поборниковъ аскетическаго христіанства и *самообожествленіемъ* искателей „панацеи“ и жизненнаго элексира. Такъ, на фонѣ александровской эпохи, теряются концы мистическихъ стремленій, теряются, слабѣютъ и замираютъ. Вмѣстѣ съ этими стремленіями замираютъ и „массонскія работы“. Но идеалы царствія Божія внутри насъ, идеалы истиннаго христіанства остались жить. Къ этимъ же идеаламъ призывалъ въ своемъ ученіи и Левъ Толстой“.—Изъ этого заключенія автора брошюры явствуетъ насколько далеки были наши русскіе массоны, даже такіе „вырождающіеся“ какъ напр. Лопухинъ, отъ тѣхъ специфическихъ политическихъ уклоненій, которыя встрѣчались иногда на Западѣ, но всюду и всегда считались „уклоненіями“ отъ чистаго мистическаго пути.

Е. К.

Самовоспитаніе д-ра Дюбуа. 1 р. 50 к.

Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что, такъ называемая, неврастенія не есть слабость нервовъ, а прежде всего умственная слабость, духовная болѣзнь. Причину этого онъ видитъ въ неумѣніи думать

---

*) Шварцъ въ своихъ отрывкахъ изъ Фомы Кемпійскаго даетъ между прочимъ опредѣленіе „интеллигенціи“—высшаго состоянія человѣка, какъ умнаго существа, свободнаго отъ всякой грубой, тлѣнной тѣлесной матеріи, безсмертнаго и неощутительно могущаго вліять и дѣйствовать на всѣ вещи“.

и ясно видѣть послѣдствія своихъ поступковъ. Онъ доказываетъ, что люди болѣе слѣпы, чѣмъ преступны, и если только бросить въ ихъ душу лучъ свѣта, очистить душу отъ всего того, что наросло въ ней помочь обнажить внутреннее, истинное существо человѣка, то можно поразиться красотой этого существа и невольно полюбить его. Если человѣкъ хочетъ быть здоровымъ и счастливымъ, онъ долженъ развивать свой нравственный міръ и задачей врача является перевоспитаніе паціента, воздѣйствіе на его моральную личность съ цѣлью передать ей большую устойчивость. Отрицая свободу воли, онъ видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость поступковъ отъ внутренняго импульса, который даютъ разумъ и моральное чувство, и потому онъ полагаетъ, что на развитіи этого моральнаго чувства и этого разума и должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и самовоспитаніе.

М. Ф.

Анна-Екатерина Эммерихъ и Учителя Мудрости. Луи Ревѐль.

Изъ журнала „Le Théosophe“ 16 fevrier 1912 г. № 53.

Въ исторіи случаются порою мистическія событія, когда явленіе, сообщенное и доказанное одними, вдругъ объявляется и комментируется человѣкомъ совершенно незнакомымъ съ первыми источниками—свидѣтельствами людей, жившихъ сотни лѣтъ тому назадъ или заключенныхъ въ древнихъ писаніяхъ.

Въ Ветхомъ ли Завѣтѣ или въ Индійскихъ Пуранахъ, въ работахъ ли современныхъ ученыхъ, какъ Кулебрукъ (Coolebrooke), Бартэлеми-Сентъ-Илэръ (Barthélemy-Saint-Hilaire), Ренои и другіе, всюду мы встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что наша цивилизація пришла съ Востока, съ этихъ высокихъ плоскогорій центральной Азіи, съ таинственной части Тибета, именуемаго индусами —Шамбола, Бѣлымъ островомъ, Мэру, Священной землей или Эдэмскимъ садомъ, священнымъ жилищемъ Боговъ еврейскихъ писаній.

Теософія по этому поводу даетъ весьма опредѣленныя свѣдѣнія, подчерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ. Они свидѣтельствуютъ, что въ отдаленномъ прошломъ великія существа—Сыны Огня или Владыки Пламени—явились людямъ, чтобы направить по пути эволюціи первые еще шаги младенческаго человѣчества. Жили они въ той части пустыни Гоби, что называется Бѣлымъ островомъ и омывалась въ то время великимъ моремъ, высохшимъ вслѣдствіе вулканическихъ переворотовъ. На этой „священной землѣ“, основалось это сообщество просвѣтленныхъ людей—Великая Бѣлая Ложа, единственный источникъ Пророковъ и Искупителей. Изъ этой Бѣлой Ложи вытекаютъ всѣ великія религіозныя и философскія системы, что освѣщали путь человѣчества въ болѣе или менѣе значительные историческіе моменты.

Объ этой „священной, негибнущей землѣ“, жилищѣ велипосвященныхъ можно сказать лишь немногое—истинное знаніе о ней дается лишь подлинно посвященнымъ, „ибо эта земля“, говоритъ Е. П. Блаватская, „колыбель перваго человѣка и жилище послѣдняго обожествленнаго смертнаго. Этотъ „островъ“, согласно преданію, существуетъ и донынѣ подъ видомъ оазиса, окруженнаго угрожающей безбрежностью великой пустыни Гоби, пески которой не топтала ни единая человѣческая нога“ *).

И вотъ странное совпаденіе! Въ концѣ 18-го вѣка, монахиня Анна-Екатерина Эммерихъ, дочь бѣдныхъ крестьянъ, одаренная съ ранняго дѣтства очень сильной способностью ясновидѣнія, при крайне скромномъ, чтобы не сказать полномъ отсутствіи образованія—имѣла столь поразительное видѣніе относительно происхожденія и судебъ человѣчества, что считаемъ добрымъ и полезнымъ его разсказать, чтобы лишній разъ доказать, насколько великія истины всегда едины для всѣхъ вѣковъ, несмотря на различія вѣрованій:

„Однажды ночью, повѣствуетъ Екатерина Эммерихъ, руководимая моимъ Ангеломъ, я направилась далеко на Востокъ (Тибетъ—замѣчаетъ ея исповѣдникъ). Прибыла я въ страну, гдѣ было очень холодно и затѣмъ, вѣдомая все выше и выше, достигла очень возвышеннаго пункта... дорога шла все кверху въ область невыразимой красоты. Тамъ было тепло и все было зелено и плодоносно, виднѣлись удивительные цвѣты, прекрасныя рощи и величественные лѣса... Эта страна не была обитаема ни единымъ человѣческимъ существомъ... Такимъ образомъ я прибыла на вершину этой высокой горной мѣстности, гдѣ увидѣла много чудесныхъ вещей. На вершинѣ горы была большая равнина и на этой равнинѣ озеро; посреди озера зеленѣющій островъ...

Этотъ островъ былъ окруженъ большими деревьями, подобными кедрамъ. Я была поднята на вершину одного изъ этихъ деревьевъ и оттуда увидѣла весь островъ, который былъ связанъ съ материкомъ полосой также зеленѣющей земли... Напротивъ этой узкой полосы, среди зеленой равнины, высилась большая палатка, расположенная въ длину и казавшаяся сдѣланной изъ сѣрой матеріи; внутри она была украшена широкими полосами матеріи различныхъ цвѣтовъ. Вокругъ стола, что стоялъ посрединѣ, были расположены каменныя сидѣнія безъ спинокъ... На почетномъ мѣстѣ, скрестивъ ноги по восточному и окруженный ореоломъ на подобіе святыхъ, сидѣлъ человѣкъ и писалъ камышевымъ перомъ въ большую книгу... Вся окружающая мѣстность казалась прекраснымъ зеленѣющимъ островомъ, охваченнымъ тучами.

*) „Тайныя доктрины“ Е. П. Блаватской, франц. пер., 3 т., стр. 9—271.

Отъ общаго вида вѣяло неизъяснимой святостью. Когда я на все это смотрѣла, мнѣ казалось, что я знаю и понимаю все видѣнное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала невозможность удержать это знаніе при себѣ.

„Что мнѣ здѣсь дѣлать? подумала я про себя, и для чего такому бѣдному существу, какъ я надлежитъ видѣть всѣ эти вещи?“. Тогда сидящій подъ шатромъ сказалъ мнѣ: „Потому, что ты имѣешь къ этому отношеніе“. Это еще усилило мое удивленіе и я направилась въ шатеръ. Въ фигурѣ человѣка было что-то напоминающее мнѣ Іоанна Крестителя или Илью. Многочисленныя книги и рукописи, лежащія вокругъ на землѣ, были очень древни и цѣнны... Человѣкъ мнѣ сказалъ, что онъ здѣсь находится для того, чтобы никто не могъ бы сюда проникнуть; что ему поручено все это охранять до того срока, когда настанетъ время этимъ пользоваться. Это время могло бы уже наступить при извѣстныхъ условіяхъ; но всегда бывали большія препятствія. Я спросила, нѣтъ ли у него ощущенія страшной длительности того промежутка, пока нужно ждать. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Въ Богѣ нѣтъ времени“... Онъ повелъ меня вокругъ книгъ и сказалъ, что все это разсматривалъ, но люди еще не въ состояніи вынести всего, что здѣсь обрѣтается: *другой долженъ сначала прійти.* Тогда онъ показалъ мнѣ окружающую мѣстность. Мнѣ казалось, что вся эта часть свѣта получала оттуда спасеніе и благословеніе... Я вступила тогда на островъ и прошлась среди башенъ... У меня было ощущеніе, что въ этихъ башняхъ хранятся величайшія сокровища человѣчества; мнѣ казалось, что тамъ пребывали тѣла святыхъ. Среди нѣкоторыхъ башенъ я увидала очень странную повозку съ четырьмя низкими колесами, Повозка была безъ дышла и вся украшена рѣзными фигурами. Все время ясно ощущалась святость этого мѣста. Мнѣ чудилось точно спасеніе нѣсколькихъ эпохъ спустилось отсюда въ долины и какъ будто сами люди пришли съ этихъ горъ, откуда они спустились все ниже и ниже, и опустились все глубже. У меня было также ощущеніе, что здѣсь хранятся нѣкіе небесные дары, очищенные и заранѣе приготовленные для людей“.

Нѣсколько дней послѣ этого видѣнія Екатерина Эммерихъ восклицаетъ: „Я знаю, почему я была на горѣ: человѣкъ, сидящій у стола снова придетъ въ свое время, Его колесница остается тамъ какъ вѣчное воспоминаніе. Это на той колесницѣ онъ поднялся на подобную высоту и люди, къ великому своему удивленію, увидятъ его спускающимся на этой колесницѣ. Тамъ, на этой горѣ, самой высокой на свѣтѣ и куда никто не можетъ достигнуть, сложены во времена, когда ядъ разложенія (la corruptios) усилился среди людей, всѣ сокровища и

священныя тайны. Всѣ люди, всѣ блага спустились съ этой высоты... Всѣ мы другъ друга знаемъ, всѣ мы другъ друга держимся. Я не умѣю хорошо выразиться, но мы подобно сѣмени, засѣянному по цѣлому міру...

Наконецъ еще нѣкоторое время спустя, въ день Рождества, наша ясновидящая заканчиваетъ: я опять видѣла гору пророковъ. Человѣкъ находящійся въ палаткѣ показывалъ существу, спустившемуся къ нему съ неба и витающему надъ нимъ, листки и книги. Тотъ, что виталъ, напоминалъ мнѣ св. Іоанна, другой—Илью... Точно Илья показывалъ Іоанну свои сбывшіяся откровенія и взамѣнъ получалъ новыя. Тутъ я увидѣла какъ бы выходящимъ изъ бѣлаго облака источникъ на подобіе фонтана, что поднимался отвѣсно въ формѣ хрустальнаго луча. Его верхняя конечность раздроблялась на безчисленные лучи или капли, которые низвергались, образуя огромые водопады до самыхъ отдаленныхъ концовъ земли. И я видѣла людей, озаренныхъ этими лучами въ домахъ, хижинахъ, городахъ различныхъ частей свѣта" *).

Что можно еще добавить къ этому видѣнію бѣдной монахини со стигматами, пригвожденной къ одру страданій физическихъ и душевныхъ! Видѣніе проникнуто печатью святости, близкаго соприкосновенія съ великой тайной происхожденія боговъ и людей! Видѣніе показываетъ, наконецъ, что Тѣ, чья миссія блюсти человѣчество, дѣйствительно охраняютъ его и широкими потоками шлютъ свое благословеніе во всѣ концы земли.

Перевелъ **К.**

---

*) „Vie de Anne-Catherine Emmerich" par le père Schmoeger. Trad. de l'allemand par E. de Cazolés 2-e vol. p. 190 et suiv. Ambroise Bray édit.

Изреченія Шри Кришны.

О, вы, видящіе бѣдствія надъ вашими головами и подъ вашими ногами, и справа, и слѣва: вѣчно вы будете загадкой для самихъ себя, пока не сдѣлаетесь смиренными и радостными, какъ ребенокъ. Тогда познаете Меня и, познавши Меня въ себѣ, вы будете управлять мірами и, глядя изъ великаго міра, внутри себя, на малый міръ внѣ васъ, вы будете благословлять все, что есть, и будете знать, что все хорошо и въ васъ, и внѣ васъ.

Моя рука разсѣяла любовь, повсюду предлагая ее тѣмъ, кто хочетъ взять ее. Благо дано всѣмъ Моимъ дѣтямъ, но часто въ своей слѣпотѣ они не видятъ его. Только немногіе поднимаютъ тѣ дары, которые въ своемъ самовольномъ легкомысліи отворачиваются отъ нихъ и съ плачемъ жалуются на то, что у нихъ нѣтъ того, что Я далъ имъ. Многіе изъ нихъ отрицаютъ не только дары Мои, но и Меня, Меня,— источника всѣхъ благъ, Творца ихъ жизни.

О, остановись хоть на время отъ суеты и борьбы міра, и Я украшу твою жизнь любовью и радостью, потому что свѣтъ души—это любовь. Тамъ, гдѣ есть любовь, есть довольство и миръ, а гдѣ есть довольство и миръ, тамъ и Я среди нихъ.

Хотите знать, дѣти, чѣмъ должны быть руководимы сердца ваши? Оставьте ваши желанія и стремленія къ тому, что ничтожно и пусто, откиньте ваши невѣжественныя мысли о счастьѣ, о мудрости, о пустыхъ и неискреннихъ желаніяхъ, Откиньте все это, и вы познаете любовь.

Не будьте уничтожителями самихъ себя. Поднимитесь къ вашему истинному я, поднимитесь до него, и тогда вамъ нечего бояться.

Кто Я? Я то, чего ты искалъ съ тѣхъ поръ, какъ твой дѣтскій взглядъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на міръ, предѣлы котораго скрываютъ отъ тебя истинную жизнь, Я то, о чемъ ты молилъ въ своемъ сердцѣ, чего ты требовалъ, какъ право своего рожденія, хотя и не зналъ, что это такое. Я то, что лежало въ твоемъ сердцѣ вѣками и

тысячилѣтіями. Иногда я лежало въ тебѣ съ печалью о томъ, что ты не узнаешь Меня. Иногда Я поднимало голову, открывало глаза и простирало руки, призывая тебя, то нѣжно, то тихо, то громко, требуя отъ тебя, чтобы ты возмутился противъ тѣхъ желѣзныхъ цѣпей земли, которыя притягивали тебя къ праху,

О, вы, сидящіе въ заключеніяхъ и страдающіе о свободѣ и ищущіе ее: ищите только любви. Любовь есть миръ въ самомъ себѣ, и миръ, дающій полное удовлетвореніе. Я — тотъ ключъ, который отпираетъ дверь въ ту рѣдко открываемую страну, въ которой одной живетъ довольство.

Дѣти, смотрите на цвѣты подъ вашими ногами, не топчите ихъ. Смотрите на любовь между вами, не отвергайте ея.

Кришна.

Рѣшеніе безгрѣшнаго состоитъ въ томъ, чтобы не причинять печали другимъ, хотя бы онъ могъ черезъ это получить великую власть.

Рѣшеніе безгрѣшнаго въ томъ, чтобы не дѣлать зла тѣмъ, кто сдѣлалъ ему зло.

Если человѣкъ заставитъ страдать даже тѣхъ, которые безъ причины ненавидятъ его, онъ въ концѣ концовъ будетъ имѣть неустранимую печаль.

Наказаніе дѣлающимъ зло состоитъ въ томъ, чтобы сдѣланнымъ имъ великимъ добромъ заставить ихъ устыдиться своихъ дѣлъ.

Какая польза въ учености того, кто не старается избавить отъ страданій своего ближняго столько же, сколько и самого себя.

Если человѣкъ поутру хочетъ сдѣлать зло другому, ввечеру зло посѣтитъ его,

Индійскій Кюранъ.

Издательница **А. А. Каменская.** Редакторъ **Ц. Л. Гельмбольдтъ.**

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью-Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адьярѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющимъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто, какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его—какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги по Теософіи:

Задачи Теософіи, 2-е изданіе, *Alba*. Цѣна 25 к.
Свѣтъ на Пути, 2-е изданіе съ комментаріями, пер. *Е. П.* Цѣна 50 к.
Сокровенная философія Индіи, *брамана Чаттерджи*, переводъ и предисловіе, *Е. П.* (3-е изд.). Цѣна 80 к.
Вопросы Теософіи, сборникъ статей, вып. I. Цѣна 1 р. 50 к. (распр.).
Елена Петровна Блаватская (Сборникъ статей). Цѣна 2 р.
Теософія и Новая Психологія, *А. Безантъ*. Пер. *Е. П.* Цѣна 50 к.
Голосъ Безмолвія, *Е. П. Блаватской*, пер. *Е. П.* готов. 2-е просмотр. изд.
Исторія года, *М. Коллинзъ*. Цѣна 45 к.
Невидимые Помощники, *Ледбитера*, пер. *Н. П.* Цѣна 1 р.
Древняя мудрость, *А. Безантъ*, пер. *Е. П.* готов. 2-е просмотр. изд.
Дхарма, *А. Безантъ*, пер. *Н. В. Пшенецкой*. Цѣна 30 к.
Теософія и Богостроительство, *Alba*. Цѣна 25 к. (распр.).
Ѳеософія, *Р. Штейнеръ*, пер. *А. Р. Минцловой*. Цѣна 1 р. 25 к.
Четвертое измѣреніе, *П. Д. Успенскій*. Цѣна 1 р.
Великіе Посвященные, *Эд. Шюре*, пер. *Е. П.* Цѣна 2 р. 25 к.
Въ Преддверьи храма, *Анни Безантъ*, пер. *Alba*. Цѣна 80 к.
Общеніе съ міромъ духовъ, *Ф. Гартманъ*, пер. *Д. Страндена*. Цѣна 25 к.
Путь ученичества, *Анни Безантъ*, пер. *Н. Никольскаго*. Цѣна 80 к.
Древняя Мудрость, *Т. Паскаля*, пер. *А. Гралевской*. Цѣна 80 к.
Магнетизмъ и гипнотизмъ, ихъ сходство и различіе. *К. Кудрявцевъ*. Ц. 20 к.
Краткій очеркъ Теософіи, *Ледбитера*, пер. *Е. П.* 50 к.
Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ, *Е. П.* Цѣна 25 к.
Законъ причинъ и послѣдствій *(Карма)*. Пер. *Е. П.* Цѣна 25 к.
Цѣль и Путь, *Е. Кузьмина*, Цѣна 25 к.
У ногъ Учителя, 2-е изданіе, *Алсіонъ*. Цѣна 30 к.
Tertium Organum—Ключъ къ загадкамъ міра, *П. Успенскій*. Цѣна 2 руб.
Какъ достичь познанія высшихъ (сверхчувственныхъ) міровъ, д-ръ *Р. Штейнеръ* съ портретомъ автора. Цѣна 1 р. 30 к.
Автобіографія А. Безантъ, пер. *Alba* и *В. П.* съ двумя портретами автора. Цѣна 2 руб.
Что такое теософія, *А. Каменской (Alba)*. Цѣна 15 коп.
Сила мысли и мысле-образы, *Е. П.* Цѣна 25 коп.
Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры, *Alba*. Цѣна 30 коп.
Символы Таро, философія оккультизма въ рисункахъ и числахъ, *П. Успенскій*. Цѣна 70 коп.
Мистеріи древности и христіанство, *Р. Штейнеръ*. Цѣна 1 руб.
Забытая сторона Христіанства, *Д. С—нъ*. Цѣна 75 к.
Братство Религій, *А. Безантъ*, Цѣна 50 к.
Молитва Господня, музыка *А. Унковской*. Цѣна 90.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: въ **С.-Петербургѣ** въ магазинѣ «Доброе Дѣло» (Бассейная, 4), въ **Москвѣ** въ магазинѣ **Карбасникова** (Моховая, противъ Университета), въ **Кіевѣ** въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина** (Крещатикъ, 33).